

90
ВТ4

**ВОПРОСЫ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И ИСТОРИОГРАФИИ**

физического и умственного труда.
Ликвидация тяжелого и неквалифицированного труда, автоматизация сферы обслуживания.

Пути окончательного преодоления социально-классового содержания разделения труда. Сохранение отношений той самостоятельности физического и умственного труда. Закон перемены труда; практика чередования занятий физическим и умственным трудом.

Повышение культурно-технического и общесоциального уровня рабочих и крестьян — важнейшее условие преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом.

ЛИТЕРАТУРА

к темам 16 и 17

В. И. Ленин. Карл Маркс. — Полн. собр. соч., т. 21, стр. 54—57.

В. И. Ленин. Государство и революция. — Печ. т. 83—102 (Соч., т. 25, стр. 429—446).

В. И. Ленин. Великий почин. — Полн. собр. соч., т. 29, стр. 379—396.

В. И. Ленин. Набросок плана научно-технической революции. — Полн. собр. соч., т. 96 (Соч., т. 97).

1-337296
Вопросы все-

90
B74

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И ИСТОРИОГРАФИИ

1-337286

Издательство Томского университета

Томск - 1979

9(∞) + 90

Статьи межвузовского сборника посвящены двум основным проблемам: международным отношениям и внешней политике империалистических держав и истории общественной мысли XIX - начала XX вв. В них рассматриваются некоторые вопросы дальневосточной политики США, Англии, Франции, международных отношений в Европе в 1945-1947 гг. а также методологические аспекты трудов ряда буржуазных историков России и стран Запада.

Все статьи носят исследовательский характер, основаны на широком круге источникового материала и представляют интерес для аспирантов, преподавателей, студентов-историков.

Редакторы: проф. Б.Г.Могильницкий, доц. Б.С.Хигалов.

Ю.М. ГРАЙФ

ДЕБАТЫ В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОМ БУНДЕСТАГЕ
ПО ВОПРОСУ О РАТИФИКАЦИИ ДОГОВОРОВ С
С С С Р и П Н Р (1972 г.)

Внешняя политика ФРГ долгое время являлась фактором нестабильности и напряженности в Европе. В течение двадцати лет она определялась непризнанием послевоенных границ, непризнанием существования ГДР, необоснованными претензиями на право представлять на международной арене население двух германских государств, столь же необоснованными притязаниями на Западный Берлин. Правящие круги ФРГ создали бундесвер и предприняли ряд попыток в той или иной форме приблизить его к ядерному оружию. Все это сопровождалось оголтелой реваншистской пропагандой.

Советский Союз и другие социалистические страны постоянно выступали за создание системы коллективной безопасности в Европе. Но лишь к середине 60-х годов стали складываться более благоприятные условия для практической работы в этом направлении. Терпели трагические попытки "оттеснения" социализма и реставрации капитализма. СССР укреплял свою оборонную мощь, рос его экономический потенциал.

Становилось все более очевидным, что добрососедские отношения с социалистическими странами нужны и выгодны самим капиталистическим странам. Это поняли наиболее дальновидные деятели Франции, выведшие свою страну из военной организации НАТО. За разрядку напряженности в Европе все чаще стали выступать лидеры ряда малых стран Европы. Понимание необходимости разрядки в международных отношениях, в том числе и в Европе, проявилось и в выступлениях ряда государственных деятелей США.

Политика "с позиции силы" терпела крах, ибо международная обстановка неуклонно изменялась в пользу социализма.

В этих условиях политика находившихся в ФРГ с 1949 г. у власти христианских демократов приходила во все большее противоречие с тенденциями, наметившимися в развитии международных отношений. ФРГ все больше и больше рисковала попасть в изоляцию. В разных слоях населения ФРГ крепло понимание

необходимости обновления внешней политики страны.

Выборы в бундестаг осенью 1969 г. отразили эти изменения в общественном настроении: к власти пришла коалиция социал-демократов и свободных демократов во главе с лидерами этих партий Вилли Брандтом и Вальтером Хелден. Это были реалистически настроенные политические деятели, понимавшие необходимость нормализации отношений с восточными соседями ФРГ.

Определенным шагом на пути к нормализации отношений между двумя германскими государствами явились встречи между руководителями правительств ГДР и ФРГ в Эрфурте и Касселе в первой половине 1970 года.

12 августа 1970 года переговоры между правительствами СССР и ФРГ завершились подписанием в Москве Договора между Союзом Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии. 7 декабря этого же года в Варшаве был подписан Договор между ПНР и ФРГ об основах нормализации их взаимных отношений.

Заключение договоров с Советским Союзом и ПНР создало благоприятные условия для выработки четырехстороннего соглашения СССР, США, Великобритании и Франции по Западному Берлину, подписанного 4 сентября 1971 года.

Подписание договоров между ФРГ и СССР, ФРГ и ПНР, четырехстороннего соглашения по Западному Берлину привело к коренному сдвигу во всей системе международных отношений в Европе.

Однако вступление в силу "восточных" договоров (как стали называть в Западной Германии договора с Советским Союзом и Польшей) могло состояться лишь после их ратификации парламентом ФРГ, Президиумом Верховного Совета СССР и сеймом ПНР.

В первой половине 1972 г. в бундестаге развернулась одна из самых ожесточенных схваток между силами реакции и сторонниками реализма во внешней политике. Анализу хода дебатов по вопросу ратификации "восточных договоров" и посвящена данная статья. Основным источником для ее написания явилось официальное издание парламента ФРГ-газета "Дас парламент", в которой подробно освещался ход дебатов и публиковались выступления как представителей правительственной коалиции, так и представителей оппозиции.

Самой значительной политической силой, выступившей за ратификацию договоров, была СДПГ. Ее лидеры В.Брандт, Г.Ве-

нер, Г.Шмидт и др. поняли бесперспективность проводившейся до 1969 г. политики непризнания сложившихся после войны в Европе реальностей. СДПГ, объективно отражая интересы тех кругов западногерманской буржуазии, которые были заинтересованы в нормализации отношений между ФРГ и социалистическими странами, притягивала в то же время к себе низы и обладала большим влиянием среди значительной части рабочего класса. СДПГ не могла не учитывать в своей внешней политике настроения широких масс населения ФРГ, уставших от напряжения времен "холодной войны" и требовавших изменения внешнеполитического курса¹⁾. На руководство СДПГ сильное давление оказывала молодежная организация этой партии "молодые социалисты". Она требовала от лидеров СДПГ более активной политики в защиту интересов трудящихся, а также большей последовательности в осуществлении внешнеполитического курса.

Сходные с СДПГ позиции занимала СВДП. Эта партия, в основном, выражала чаяния немонополистической буржуазии, людей свободных профессий, представителей науки и образования. За эту партию голосовала часть мелкой буржуазии города и деревни. Но в связи с усиливавшейся концентрацией капитала социальная база СВДП суживалась. На выборах 1969 г. свободные демократы едва преодолели 5-процентный барьер, давший право получить парламентские мандаты. Поэтому руководство этой партии стало искать такие политические решения, которые спасли бы ее от исчезновения с парламентской арены. Таким решением было вхождение в коалицию с СДПГ. Переориентация политики этой партии усилила разногласия в ней. Из нее в 1971 г. вышли Э.Цогльман, Э.Менде и вместе с ними 4 тыс. членов (из 80-90 тыс.). Эти деятели не были согласны с содержанием договоров, заключенных в Москве и Варшаве, они выступили против их ратификации. Выход из СВДП Цогльмана, Менде, затем и Штарке усилил позиции тех лидеров СВДП, которые выступали за реализм во внешней политике.

Все более активно выступала ГКП, которая на своем съезде в Дюссельдорфе (25-28 ноября 1971 г.) сформулировала четкую программу борьбы за мир. В тезисах Дюссельдорфского съезда партии "ГКП против крупного капитала, за мир, демократический прогресс и социализм" была дана четкая и бескомпромиссная оценка сложившегося в канун дебатов положения: "Договоры, под-

писанные в Москве и Варшаве, четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, создали новые возможности для укрепления мира в Европе, для сосуществования государств с различным общественным строем. Однако, мафия магнатов вооружения и правых экстремистов под руководством ХДС/ХСС оказывает этому развитию ожесточенное сопротивление. Откладывая ратификацию этих договоров бундестагом, правительство СДПГ/СВДП дает этим силам время для распространения националистической пропаганды. Политика правительства ФРГ полна противоречий. С одной стороны, это шаги, направленные на разрядку, с другой стороны, рекордное увеличение военных расходов, натовские военные учения.

В противовес этой политики, ГКП выступает за: быструю и безоговорочную ратификацию бундестагом Московского и Варшавского договоров; скорейший созыв общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества и за конструктивное участие правительства Федеративной республики в подготовке этого совещания;

равноправный прием ФРГ и ГДР в ООН и полное признание ГДР как независимого и суверенного государства в соответствии с нормами международного права²⁾.

ГКП призвала всех демократов, всех людей доброй воли крепить единство действий в борьбе за мир, за ратификацию "восточных договоров". На этот призыв откликнулась лучшая часть рабочего класса ФРГ. Все чаще проводились мероприятия в поддержку договоров совместно с коммунистами и молодыми социалистами.

В то же время против политики разрядки ополчились все реакционные силы ФРГ. Главной политической силой, выступившей против договоров, была ХДС/ХСС. Эта партия умело маскировала свои цели политической демагогией. Социальный состав ХДС/ХСС был пестрым и, в связи с этим среди лидеров ее не было единодушия по тактическим вопросам. Некоторые лидеры ХДС/ХСС отрицательное впечатление от пропагандируемой партией реваншистской доктрины пытались смягчить обещанием социальных реформ.

По сути дела в унисон с ХДС/ХСС действовали неонацистские и реваншистские группировки и землячества, которые развернули ошениур кампанию против ратификации договоров.

наиболее активной из них оставалась НДП, в программе которой было записано: "Ис, национал-демократы, требуем сопротивления приспособленчеству, подчинению. Мы отклоняем признание реальностей... 1945 г."³⁾ В 1970-1971 гг. НДП понесла значительный урон. Если к осени 1969 г. эта партия имела 61 мандат в 7 из 10 земель ФРГ, то к началу дебатов она лишилась всех их⁴⁾.

Чтобы придать борьбе против ратификации договоров больший размах и звучание, реваншистские группировки сплотились в так называемой "акции сопротивления". В этой сложнейшей внутривнутриполитической обстановке и развернулась борьба за ратификацию договоров в западногерманском парламенте.

Согласно конституции ФРГ ратификационный процесс проходит в три этапа. После первого чтения и обсуждения в бундестаге законопроект о ратификации передается в его комиссии, которые анализируют его с точки зрения соответствия конституции. Одновременно обсуждение проводится и в бундесрате. Через некоторое время проводится второе чтение законопроекта в бундестаге, и он вновь обсуждается на его пленарных заседаниях. Голосование по законопроекту проводится после третьего чтения в бундестаге. Если и вторая палата парламента, бундесрат, большинством голосов высказывается против, то законопроект вновь возвращается в бундестаг. Только после вторичного одобрения проекта бундестагом он считается принятым. Отклонение бундестагом законопроекта, внесенного правительством, дает последнему право распустить бундестаг и назначить внеочередные выборы. Оппозиция однако имеет возможность устранить правительство, внося так называемый "вогун конструктивного недоверия", т.е. одновременно с осуждением деятельности находящегося у власти кабинета предлагает своего кандидата на пост федерального канцлера⁵⁾.

На выборах, состоявшихся 28 сентября 1969 г., социал-демократы получили 42,7% голосов избирателей и 224 из депутатских мест.

СВДП собрала 5,8% голосов и получила 30 мест.

ХДС/ХСС получила 46,1% голосов и 242 мандата.

Таким образом, партии правительственной коалиции получили на 12 мандатов больше, чем ХДС/ХСС. Однако к началу дебатов это большинство сократилось до 6, в связи с выходом из СВДП Э.Менде, З.Цогльмана и Штарке и др.

Наличие среди депутатов правительственных партий не-
которого числа колебавшихся предвещало острейшую парла-
ментскую схватку. Давление на "неустойчивых" депутатов
правительственных партий продолжалось в течение всего пе-
риода обсуждения договоров в бундестаге.

Первые дебаты в бундестаге по "восточным" договорам
состоялись 23-25 февраля 1972 г., т.е. спустя 18 месяцев
после подписания Московского договора и 14 месяцев - Вар-
шавского.

25 апреля комиссия по иностранным делам бундестага 17
голосами против 16 рекомендовала одобрить договоры.

17 мая в бундестаге после 3-го чтения было проведено
голосование по вопросу о ратификации договоров.

Дебаты, которые развернулись в бундестаге, конечно, не
были изолированы от обстановки в стране. Они явились частью
политической борьбы, развернувшейся в ФРГ и захватившей
широкие слои населения.

Как правительственная коалиция социал-демократов и
свободных демократов, так и оппозиция выступали в качестве
ораторов по данному вопросу наиболее известных и опытных
политических деятелей, не один год проводивших в стенах бун-
дестага. Среди ораторов правительственной коалиции были
канцлер, лидер СДПГ В.Брандт, вице-канцлер и министр ино-
странных дел, лидер СВДП В.Шеель, председатель фракции СДПГ
в бундестаге Г.Тенер, председатель фракции свободных де-
мократов В.Мишник, министр по особым поручениям Х.Эмке (СДПГ),
министр внутренних дел Г.-Д.Гешлер (СВДП), министр обороны
Г.Шмидт (СДПГ), профессор А.Шмидт (СДПГ), парламентский
секретарь по иностранным делам К.Мёрш (СДПГ).

От имени оппозиции выступали председатель ХДС Р.Барцель,
председатель ХСС Ф.-Й.Штраус, бывший канцлер К.-Г.Кизингер
(ХДС), бывший министр иностранных дел Г.Шредер (ХДС), из-
вестные своей реваншистской деятельностью в различного ря-
да землячествах Штуклен, Г.Чал, Р.Вайцзенклер, Б.Маркс,
Г.Винделен.

В прениях приняли участие также представители Западного
Берлина, в т.ч. обербургомистр К.Шниц (СДПГ), лидер СВДП
Западного Берлина Борм, председатель западноберлинской
организации ХДС/ХСС Ф.Амрен.

Представители оппозиции в своих выступлениях делали резко отрицательную оценку "восточным договорам", требуя отклонения их бундестагом.

Во-первых, их не устраивал зафиксированный в договорах принцип нерушимости границ, ибо признание его означало признание результатов второй мировой войны в Европе, а следовательно, отказ от реваншистских притязаний, являвшихся важнейшей составной частью внешней политики правительства христианских демократов. Ораторы ХДС/ХСС использовали в своих выступлениях против этого принципа лексику худших времён "холодной войны". Штуклен заявил, например, что "Московский договор санкционирует военную добычу Сталина". Г.Чая говорил о "навязанных границах", Г.Винделен открыто требовал "пересмотра границ".

Во-вторых, лидеры ХДС/ХСС не могли мириться с тем, что "восточные договора" фактически констатировали существование ГДР, как объекта международного права. Р.Барцель 23 февраля заявил: "Мы видим реальность ГДР. Но эта реальность для нас неприемлема"⁶⁾.

Оппозиция не желала отказаться от планов поглощения ГДР. Вайцзенилер, выступая 24 февраля, говорил: "Став членом ООГ, ГДР будет признана всеми государствами, прежде всего нашими союзниками. Кто же тогда будет думать о единстве?"⁷⁾

Шредер заявил в своем выступлении: "Вопрос заключается в том, как скажется признание ГДР на единстве. Что будет, если оба государства станут членами ООН, если наши союзники - Франция, США, Великобритания учредят свои посольства в ГДР?"⁸⁾

В-третьих, нормализация отношений ФРГ с Советским Союзом и ПНР была неприемлема для реваншистов еще и потому, что в случае ратификации договоров исчезло бы основание требовать от союзников Западной Германии по НАТО поддержки ее территориальных притязаний. Эксканцлер Кизингер заявил, что ратификация "снимает с них заботу о судьбе 17 млн. немцев"⁹⁾. Он обрушился с упреками в адрес руководителей Франции, чья реалистическая внешняя политика пришла в противоречие с закосневшими догмами эры Аденауэра. Более того, правительство Брандта обвинялось в том, что оно своей "восточной политикой" якобы содействует ослаблению западной солидарности и ведет дело к развалу НАТО, что, по словам Штуклена, "ставит

нашу безопасность и свободу под серьезную угрозу"¹⁰).

Аргументы, выдвинутые оппозицией в ходе дискуссии, свидетельствовали о ее стремлении провалить ратификацию, не допустить разрядку напряженности в Европе.

Одним из важнейших аргументов оппозиции против договоров было утверждение, что они якобы выгоднее Советскому Союзу, другим социалистическим странам, чем Федеративной Республике. Например, проект резолюции, внесенный в бундесрат представителями земель, где христианские демократы находились у власти, содержал следующее утверждение: "Московский и Варшавский договоры заставляют серьезно сомневаться в том...сбалансированы ли вклады обеих стран"¹¹).

Ораторы ХДС/ХСС требовали отклонения договоров потому, что Советский Союз и ПНР толковали их формулировки не так, как это пыталась без всяких оснований делать оппозиция. Например, ясную формулировку о нерушимости границ оппозиция пыталась толковать как якобы позволяющую в будущем "мирным путем" пересмотреть их.

Для достижения своей цели - отклонения договоров - оппозиция прибегала к разнообразным тактическим приемам. Одним из них было искажение смысла отдельных статей договоров, чтобы вызвать недоверие к этим документам в целом. Так, совершенно ясный, недвусмысленно зафиксированный в договорах взаимный отказ от применения силы оппозиция ставила под сомнение, так как в договоре нет, дескать, ссылки на отказ Советского Союза от права использовать ст.53 и ст.107 Устава ООН. (Эти статьи предоставляли Советскому Союзу наряду с США, Великобританией, Францией право на ввод своих войск на территорию Германии, если эта страна вновь попыталась бы организовать агрессию).

Оппозиция замалчивала или принижала значение положительных для ФРГ результатов, которых ей удалось достичь, благодаря заключению договоров. Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину от 3 сентября 1971 г., учитывавшее интересы всех сторон, было обойдено в выступлениях большинства ораторов ХДС/ХСС. Если оно и упоминалось в выступлениях депутатов оппозиции, то лишь для того, чтобы вызвать к нему недоверие. Так, Ф.Амрен в полном противоречии с фактами

II

усмотрел в четырехстороннем соглашении одностороннюю уступку Советскому Союзу и ГДР: "можно было бы согласиться с урегулированием, если бы оно распространялось на Восточный Берлин. Учитывая прекращение заседаний государственных органов ФРГ в Берлине, учреждение генерального консульства СССР в Западном Берлине следует рассматривать как уступку..."¹²⁾

В ходе дебатов оппозиция пыталась навязать депутатам бундестага мысль о том, что федеральное правительство потрогилось с заключением договоров, что будь это правительство терпеливее, оно смогло бы добиться от Советского Союза уступок. При этом особые надежды возлагались на антисоветизм китайских руководителей, на то, что напряженность на восточных границах СССР заставит его "быть уступчивым" на Западе.

Чтобы вызвать недоверие к договорам, оппозиция использовала ложь и измышления. В ходе одного из заседаний представителя правительства был задан вопрос о том, какие релакционные обязательства по отношению к Советскому Союзу ввело на себя федеральное правительство. Вопрос был сделан с целью запугать обывателя несуществующими секретными статьями договоров.

Штраус, фальсифицируя внешнюю политику Советского Союза и других стран, приписал в своем выступлении руководителям этих стран некое деление немцев на "хороших" и "плохих": "Хорошие немцы - ценные помощники их политической стратегии, полезные идиоты. Плохие немцы - это противники договоров"¹³⁾.

Оппозиция широко прибегала к разжиганию националистических настроений. Депутат ХДС/ХСС Вайцеккер, например, требовал, чтобы каждый депутат почувствовал себя прежде всего немцем и потому решительно выступил бы против размежевания германских государств.

В тесной связи с этим приемом были экскурсы в историю с целью ее фальсификации. Виндлең, например, отождествил Версальский империалистический мир с итогами второй мировой войны. Он угрожал своим слушателям: "Место рождения национал-социализма не Мюнхен, а Версаль. Опыт прошлого должен кое-чему нас научить. Очаги войны возникали там, где проблемы не были решены, а оставлены в наследство будущим поколениям"¹⁴⁾.

Чем ближе подходил срок ратификации договоров, тем ожесточеннее оппозиция вела борьбу против них. В ход были пущены

закулисные махинации. Целью их было – свалить правительство до решающего голосования и при помощи "конструктивного вотума недоверия" самим стать у руководства страной. Действуя вне парламента, ХДС/ХСС пыталась создать в стране обстановку недоверия, подозрительности, неустойчивости, опираясь на реваншистов всех мастей.

Одним из приемов оппозиции было перетягивание на свою сторону неустойчивых депутатов правительственного большинства. Еще 29 февраля 1972 г. к оппозиции перешел известный своим реваншизмом депутат СДПГ Герберт Хупка. 23 апреля СВДП покинул депутат Вильгельм Хелмс, несколько позднее он примкнул к оппозиции.

Положение в бундестаге стало критическим: на стороне правительства осталось 249 депутатов, то есть лишь на два больше, чем у оппозиции.

В начале мая, т.е. в канун решающего голосования, и этот минимальный перевес исчез: в лагерь противников договоров перешел депутат от СВДП Кольман-Штумп. В бундестаге сложилось положение "политического пата"¹⁵⁾.

В надежде на полное исчезновение правительственного большинства оппозиция предприняла 24 апреля 1972 г. попытку свержения кабинета В.Брандта. Она внесла на рассмотрение бундестага положение о конструктивном вотуме недоверия. В качестве предлога для него противники договоров избрали не договоры, а неудовлетворительное финансовое и экономическое положение страны. В случае удачи оппозиция получила бы право сформировать правительство, а ратификация договоров могла быть сорвана.

Проект резолюции гласил: "В течение 2,5 лет федеральное правительство развалило здоровье финансы страны: во всей федерации, в землях и общинах – повсюду разразился финансовый кризис. Социальное рыночное хозяйство, основа личной свободы, благополучия и социальной уверенности подвергается опасности..."¹⁶⁾.

Бундестагу предлагалось выразить федеральному канцлеру В.Брандту недоверие и избрать на пост федерального канцлера лидера ХДС Р.Барцеля.

Это была кульминационная точка борьбы ХДС/ХСС против реалистической внешней политики коалиционного правительства до

процедуры ратификации.

Попытка свалить правительство не удалась. 27 апреля в бундестаге состоялось голосование: проект резолюции оппозиции собрал 247 голосов вместо требуемых 249.

В выступлениях депутатов от СДПГ и СВДП во время обсуждения "восточных договоров", излагались те мотивы, которыми руководствовалось правительство В.Брандта - В.Шееля, идя на их подписание, давалась реалистическая оценка положения в Европе и в мире. Они, естественно, не могли в большинстве случаев выйти за рамки реформистских и либеральных представлений о происходящих в мире событиях, однако, остроту политической борьбы, развернувшейся по вопросу о ратификации "восточных договоров", давление реалистически и демократически настроенных сил внутри страны обуславливали довольно резкую и решительную критику ими взгляда оппозиции.

Стержнем многих выступлений сторонников договоров была мысль, высказанная ранее В.Брандтом: договоры фиксируют то положение, которое существует. Выступая 11 декабря 1971 г. в актовом зале университета в Осло по случаю вручения ему Нобелевской премии мира, Брандт заявил: "Исходить из реального положения, значит не ставить под вопрос ничью территориальную целостность, признавать нерушимость границ... Из логики нашей политики следует, что принцип неприкосновенности границ относится и к Востоку и действителен также для обоих германских государств"¹⁷⁾.

Эту же мысль высказал еще 27 мая 1970 г. В.Шеель: "Мы не хотели границы по Одеру-Нейсе, но она стала частью европейской действительности, из которой мы должны исходить... Уважение границ стало неотъемлемой частью политики, направленной на укрепление европейской безопасности"¹⁸⁾.

Ораторы правительственной коалиции высказывали опасение, что продолжение старой политики при усиливающемся стремлении западных держав к улучшению отношений с Советским Союзом могло бы привести к дополнению изоляции ФРГ на востоке и изоляцией на западе. В.Шеель в своем выступлении констатирует нежелание западных держав поддержать в данной ситуации курс, проводившийся христианскими демократами и чреватый опасностью серьезных осложнений в международной обстановке: "Тот, кто хотел бы проводить политику отклонения договоров, попал бы в изоляцию..."¹⁹⁾

Еще до дебатов по вопросу о ратификации 19 июля 1971 г. Шеель предупредил членов бундестага: "Любая военная схватка в Европе коснулась бы всего немецкого народа и уничтожила бы его" (20).

В. Шеель констатировал крах внешнеполитических планов христианских демократов: "Нам представляется более правильным внести вклад в европейскую стабильность в границах 1971 г., чем мечтать о границах 1937 г." (21).

Подвергая критике политику предыдущих правительств, социал-демократ Шоссер назвал грубой ошибкой мнение, будто Советский Союз вышел из войны настолько ослабленным, что его можно было вынудить уступить перед лицом сильного давления: "Связанные с этой политикой надежды не сбылись. Не получилось ни краха Советского Союза, ни уступок по существенным вопросам".

Во-первых, эти земли, отметил он, не входили в состав четырех оккупационных зон; во-вторых, как Советский Союз, так и Польша всегда считали, что мирный договор только закрепит сложившиеся границы; в-третьих, западные державы не только не выступали против выселения немцев из этих областей, но и предоставили свои транспортные средства для этой цели; в-четвертых, в этих областях живут миллионы поляков, которые родились там и считают эти области своей родиной; в-пятых, нет никаких заявлений западных держав, которые свидетельствовали бы о их намерении восстановить Германию в границах 1937 г. (22).

Депутаты от правительственной коалиции подчеркивали значение тех положительных результатов, которые были уже достигнуты, благодаря подписанию договоров: соглашения о воздушном сообщении с СССР, учреждения генеральных консульств в Ленинграде и Гамбурге, создания совместной с СССР экономической комиссии, первые шаги в области научно-технического обмена и сотрудничества. Главным положительным результатом еще не ратифицированных, но уже политически "растворенных" договоров было четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Социал-демократы Венер, Шюц показали беспочвенность утверждений оппозиции, будто соглашение было бы достигнуто и без договоров. Видный деятель СВДП Ворм подчеркнул, что отказ ратифицировать договоры вверг бы Западный Берлин в состояние постоянной напряженности.

Депутат Маттик привел множество факторов, показывающих, что вопреки утверждениям депутатов ХДС/ХСС союзники ФРГ поддерживают внешнюю политику правительства Брандта-Шееля потому, что она соответствует тенденциям, наметившимся в международных отношениях последнего времени.

Депутаты партий правительственной коалиции разоблачали попытки оппозиции исказить смысл договоров, их содержание. Например, они справедливо указывали, что зафиксированное в договоре обязательство сторон руководствоваться в своих отношениях статьей 2 Устава ООН полностью опровергает утверждение оппозиции о том, будто отсутствие в договоре указания об отказе СССР от права воспользоваться статьями 53 и 107 Устава ООН ставит безопасность ФРГ под угрозу.

Тактика депутатов от СДПГ и СВДП во время дебатов заключалась в том, чтобы показать отсутствие у оппозиции альтернативы договорам.

Вместе с тем, желая убедить оппозицию голосовать за договоры, ораторы СДПГ и СВДП акцентировали внимание на том, что представленные на ратификацию договоры не являются мирными договорами. Непоследовательность в выступлениях этих депутатов, уступки оппозиции вырвались и в том, что, по их мнению, договоры якобы не исключают возможности изменения границ на основе договоренности, по взаимному согласию. Так, депутат от СВДП Ахенбах (бывший нацист) сказал: "...у ФРГ нет территориальных притязаний. Но это не имеет ничего общего с тем фактом, что только мирный договор с общегерманским сувереном может узаконить границы. Итак, ФРГ юридически никакие границы не признает"²³). Внимательное чтение договоров, анализ вырванных "нерушимость границ" полностью опровергают такого рода толкования этих документов. К тому же Ахенбах и ему подобные не могли не знать точку зрения Советского Союза, его союзников о том, что существующие границы окончательны и пересмотру не подлежат.

Следует отметить, что некоторые депутаты правительственной коалиции, выступая в поддержку "восточных договоров", мотивировали необходимость их ратификации тем, что они, дескать, создадут более благоприятные условия для идеологического воздействия на социалистические страны, особенно ГДР, со стороны Запада.

Конец апреля и начало мая были до предела насыщены политической борьбой. Газоды дебатов в бундестаге и закулисные

переговоры фракций вляла вся обстановка в стране.

Активизировали свои действия и реваншистские силы. 30 августа сколоченная ими "Акция сопротивления" организовала "марш на Бонн" под лозунгом "Свергнуть Брандта, чтоб была Европа" (24).

Проведенные опросы общественного мнения неизменно показывали, что по меньшей мере 2/3 опрошенных поддерживали договоры и были за их ратификацию, среди них и многие рядовые члены ХДС/ХСС. На массовых митингах и демонстрациях трудящиеся требовали преградить путь реакции и нормализовать отношения с социалистическими странами. За ратификацию высказалось Объединение германских профсоюзов, представлявшее 7 млн. трудящихся.

ГКП предлагала СДПГ и СВДП организовать совместные или параллельные действия в поддержку договоров. Во многих городах и селениях стихийно складывалось единство действий коммунистов и рядовых социал-демократов.

Большой резонанс получила декларация 25 видных деятелей протестантской церкви ФРГ, в которой утверждалось, что путь к миру в Европе лежит через ратификацию договоров.

За ратификацию высказались и многие деловые люди, среди них Отто Вольф фон Америконген, председатель союза западногерманской промышленности и торговли (25). Количество писем, телеграмм в адрес бундестага с требованием ратификации договоров превысило миллион.

В начале мая стало ясным, что и западные союзники ФРГ одобряют и поддерживают политику правительства Брандта и не поддерживают оппозицию. Глава датского правительства Йенс Отто Краг предупредил о том разочаровании, которое охватит Европу в случае отклонения договоров. В том же духе высказался премьер-министр Норвегии Трюгве Брагелли, канцлер Австрии Бруно Крайский.

Безусловно, исход борьбы за ратификацию во многом зависел от позиции США, Англии и Франции. Усилия ХДС/ХСС предотвратить ратификацию не получили благословения ни в Вашингтоне, ни в Лондоне или Париже.

С пристальным вниманием следила за политической борьбой вокруг ратификации договоров советская общественность. Высказывания Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева были серьезной моральной поддержкой реалистически настроенным силам

в ФРГ и серьезным предупреждением противникам разрядки. В своей речи 20 марта 1972 г. на XV съезде профсоюзов Л.И. Брежнев сказал: "... Нашлись политики, которые выступают против договоров... Чего же хотят противники договоров? По их мнению, договоры нехороши, так как в них фиксируется нерушимость европейских границ, и с ними поговаривают о том, чтобы "пересмотреть" эти статьи в договорах. Но разве не ясно, что для переговоров о ревизии границ у противников договоров нет и не будет собеседников. Это не предмет обсуждения ни сейчас, ни в будущем" (26).

10 мая бундестаг отверг предложение оппозиции отложить ратификацию договоров. Оппозиция надеялась, что оттяжка ратификации даст ей возможность перетянуть на свою сторону колеблющихся депутатов от СДПГ и СВДП и попытаться вновь как или иначе свалить правительство.

1-334206
В ходе весьма сложных переговоров, проходивших в эти дни, лидеры бундестага согласовали проект так называемого "совместного заявления" бундестага. В этом "заявлении" наряду с положениями, отражающими действительность, содержались и такие места, которые свидетельствовали об уступке оппозиции. Так, нельзя не согласиться с тем, что "договоры исходят и существующих в настоящее время границ, изменение которых в одностороннем порядке исключено". Вместе с тем утверждается, что западногерманский бундестаг считает, что урегулирование германского вопроса еще впереди (27). Несколько позже такая точка зрения отстаивалась в решении федерального конституционного суда по жалобе ХДС/ХСС в Карлсруэ: "Германская империя пережила крах 1945 г. и не прекратила своего существования ни в результате капитуляции, ни в результате отправления иностранной государственной власти в Германии союзническими оккупационными державами, ни в какой-то более поздний срок" (28).

Учитывая, что "совместное заявление бундестага" не может налагать на Советский Союз никаких между-родно-правовых обязательств, Советское правительство решило не отказываться от вручения ему этого документа. Этот шаг был сделан в интересах мероприятий Советского Союза, направленных на облегчение процедуры ратификации договоров, на устранение искусственно возводимых оппозицией препятств.

Вся эта обстановка не могла не привести к усилению колебаний и разброда в ХДС/ХСС. Часть депутатов, в т.ч. и лидер ХДС Р.Барпель, стали склоняться к тому, что договоры все-таки необходимо ратифицировать. Это выразилось в том, что правление ХДС 15 мая решило разрешить своим депутатам голосовать, исходя из своих собственных убеждений. Это, однако, не устраивало правых лидеров ХСС, и они стали угрожать расколом. Под натиском лидера ХСС Штрауса Барпель отступил: так, 17 мая было принято бесславное решение ХДС/ХСС воздержаться при голосовании.

В 14 часов 17 мая состоялось третье чтение законопроекта о ратификации договоров, а в 15 час.22 мин. — голосование по нему. Вслед за этим было принято "совместное заявление" бундестага.

За ратификацию договора с Советским Союзом проголосовали 248 депутатов, против—10, воздержались—238. За ратификацию договора с Польшей проголосовали 248 депутатов, против — 17, воздержались—231.

Среди тех, кто отверг оба договора, либо один из них, были такие реваншисты, как Цогльман, фон Кольман-Штумп, Хупка, Чаа, фон Гуттенберг, Винделен.

Как бы продолжением и завершением дебатов в бундестаге явились выступления представителей правительства и оппозиции в день ратификации и заявления, опубликованные некоторыми депутатами, желавшими высказаться в ходе прений, но не имевшим и такой возможности.

Содержание выступлений представителей оппозиции вновь продемонстрировало непонимание ими ответственности момента. Это было "нудное повторение того, что неоднократно уже было высказано в ходе обсуждения договоров: "Германия стала иностранной для самой себя страной" (Чаа, Хупка, Цогльман). "Договоры — источник новой напряженности. Их можно по-разному интерпретировать" (Вайгель)²⁹.

Среди депутатов партий правительственной коалиции, выступивших в этот день или передавших свои заявления для печати, были не только такие, которые понимали, что ратификация лишь оформляет "потерю того, что потеряно", но и говорившие об ответственности Германии и немецкого народа за то, что было сделано нацистами во второй мировой войне. Депутат Беерман (СДПГ) писал: "Ужасные деяния, совершенные под знаком свастикой в Польше, преданы забвению многими из нас... Но это время

живо в памяти польского народа.

Мы должны просить у вас, поляков, прощения за то, что разбомбили ваши города и села, за то, что изгнали сотни тысяч из вас из родных домов, чтобы расчистить место для немцев...³⁰⁾

После того, как с решением бундестага согласился бундесрат, 23 мая президент ФРГ Густав Хайнеман подписал оба договора.

31 мая в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, в котором принял участие Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев. С докладом выступил министр иностранных дел А.А. Громыко. Он назвал ратификацию договоров "победой разума". С заключительной речью выступил Председатель Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный, предложивший принять Указ о ратификации договора. Президиум Верховного Совета СССР единодушно ратифицировал договор.³¹⁾

Несколько раньше, 26 мая, Государственный Совет ПНР ратифицировал Договор между Польской Народной Республикой и Федеративной Республикой Германии об основах нормализации их взаимных отношений.³²⁾

3 июля 1972 г. в Бонне, в министерстве иностранных дел состоялся обмен ратифицированными грамотами. С этого момента договоры вступили в силу.

Дебаты в бундестаге ФРГ по вопросам ратификации договоров между ФРГ и СССР, ФРГ и ПНР показали, что в ФРГ шел трудный процесс переосмысления всего послевоенного развития в Европе, утверждения реалистического подхода к назревшим проблемам. Они показали также, что в этой стране сохранились очень влиятельные силы, которые противятся процессу нормализации отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Дебаты показали, что речь идет о ратификации таких документов, которые сыграют огромную роль не только для стран, их подписавших, но и для дальнейшей судьбы всей Европы.

Политическая битва, развернувшаяся в бундестаге, еще раз подчеркивала огромное значение Советского Союза в международной жизни, позитивное влияние его миролюбивой внешней политики.

Исход дебатов показал также, что разрядка напряженности становится необратимым процессом, что силы разума в труднейшей схватке берут верх над косностью и догмами времен "холодной войны".

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) "Marxistische Blätter", 1971, N 4.
- 2) З. сенский (1969 г.) и Дюссельдорфский (1971 г.) съезды Германской Коммунистической партии. М., 1973, с. 357-358.
- 3) Цит. по G. Herde: Neonazistische Parteien und Organisationen. "Marxistische Blätter", 1971, N 4.
- 4) Истягин Л. Партийный механизм и политическая борьба в ФРГ. МЭ и МО, 1971, № 12.
- 5) Парламенты. М., 1967, с. 30-42.
- 6) "Das Parlament", 4. März 1972.
- 7) "Das Parlament", 18. März 1972.
- 8) "Das Parlament", 4. März 1972.
- 9) "Das Parlament", 4. März, 1972.
- 10) "Das Parlament", 11. März 1972
- 11) "Das Parlament", 19. Februar 1972
- 12) "Das Parlament", 19. März 1974
- 13) "Das Parlament", 4. März 1972.
- 14) "Das Parlament", 18. März 1972.
- 15) См.: "Новое время", 1972, № 18, 19, 20.
- 16) "Das Parlament" 29. April 1972.
- 17) "Das Parlament", 25. Dezember 1971.
- 18) Scheel. Bundestagsreden. Bonn, 1972, 229-230.
- 19) W. Scheel. Bundestagsreden. 1972, 285.
- 20) Ebenda, 279-280.
- 21) Ebenda, 271-272.
- 22) "Das Parlament", 19. Februar 1972.
- 23) "Das Parlament", 20. Mai 1972.
- 24) "Новое время", 1972, № 20.
- 25) Р. Велев. От реваншизма к реализму. София, 1973, с. №2-149.
- 26) Л. М. Гурьев. Женевским курсом. М., 1972, с. 488-489.

- 27) "Das Parlament", 20. Mai 1972.
- 28) Цит. по: Д. Рьевский. Не в ногу со временем. - "Международная жизнь", 1973, № 12, с. 57.
- 29) "Das Parlament", 20. Mai 1972.
- 30) "Das Parlament", 20. Mai 1972.
- 31) "Правда", 1 июня 1972 г.
- 32) "Правда", 27 мая 1972 г.

Д. И. ЗЕЗЮЛИНА

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА США ПО ВОПРОСУ О ТРИЕСТЕ В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ МИРНОГО ДОГОВОРА С ИТАЛИЕЙ (1945-1946 гг.)

В первые послевоенные годы одной из неотложных проблем международной жизни являлась проблема заключения мирного договора с Германией и ее бывшими союзниками. Многие спорные вопросы, возникшие в ходе мирного урегулирования, использовались правящими кругами США для оказания давления на СССР и государства, становившиеся на путь социалистического развития. Одним из таких вопросов был вопрос о Триесте.

В международных отношениях послевоенного времени вопрос об установлении итало-югославской границы известен прежде всего как вопрос о Триесте, хотя, фактически, речь шла о судьбе значительной территории Юлийской Крайны, района, по которому проходила граница и который имел смешанное итало-славянское население. Юлийскую Крайну составляет территория Истрийского полуострова, Словенского Приморья и города Триест с портом, который на протяжении многих веков был экономическим центром Юлийской Крайны. До первой мировой войны эти районы составляли органическую часть Словении и Хорватии, входивших тогда в состав Австро-Венгрии. В соответствии с секретным соглашением, которое Италия заключила со странами Антанты, Триест, Истрия и Словенское Приморье после первой мировой войны были переданы Италии в порядке вознаграждения за ее участие в войне на стороне Антанты. Тогда же весь этот район получил итальянское название Венеция-Джулия.

На протяжении многих веков существование и развитие Юлийской Крайны было неразрывно связано с Триестом, который был удобным выходом к Адриатическому морю. С постройкой железных дорог, связывавших Югославию и другие балканские и центральноевропейские страны с побережьем Адриатического моря, Триест стал быстро развиваться и превратился в крупный морской порт. С экономической точки зрения Италия не была так заинтересована в приобретении еще одного порта. Располагая большим числом других гаваней

ней, Италия не могла использовать Триестский порт в меру всех его возможностей. Об этом свидетельствует то, что Триестский порт после своего присоединения к Италии пришел в упадок: за годы итальянского господства его грузооборот никогда не поднимался выше уровня 1918 г. В руках фашистской Италии Триест стал прежде всего плацдармом для подготовки агрессии на Балканах.

В годы второй мировой войны интерес к этому району стали проявлять союзники. Во время Иезебекской конференции в сентябре 1944 г. госдепартамент США предложил план, согласно которому Илийская Крайна и Триест должны были перейти под контроль союзников до окончательного мирного урегулирования. Это предложение после обсуждения Ф.Рузвельтом и У.Черчиллем было одобрено американским президентом. Однако в октябре 1944 г. Ф.Рузвельт и Объединенный Комитет начальников штабов США отклонили предложение Черчилля, который настаивал на высадке американских и английских войск в Истрию. Несколько позже в своем послании президенту Г.Трумэну от 27 апреля 1945 г., когда стало очевидно, что война в Европе подходит к концу, Черчилль писал: "Мне кажется крайне важным получить Триест... и преодолеть риски, присущий такого рода военно-политическим операциям... Фактический статус Триеста можно будет определить на до-суде"¹⁾. Г.Трумэн согласился с предложением Черчилля. Однако, отряды югославской регулярной армии в ходе военных действий против немецко-фашистских оккупантов освободили 95% территории Илийской Крайны, в том числе город Триест, куда они вступили 30 апреля 1945 г. Тем не менее правящие круги США и Англии не оставили надежду завладеть Триестом с целью превратить его в свою важную стратегическую базу. Главным аргументом, который выдвигали союзники, была необходимость охраны линий коммуникаций англо-американских войск из Триеста в Австрию. В результате переговоров между союзниками и правительством Югославии в мае-июне 1945 г. была принята демаркационная "линия" Моргана, которая разделила Венецию-Джулия (Илийскую Крайну) на две зоны - англо-американскую зону "А" и югославскую зону "Б". Триест, который вошел в зону "А", перешел, таким образом, в руки англо-американских оккупационных войск, которые должны бы-

ли оставаться там до окончательного мирного урегулирования с Италией²⁾.

Таково было положение дел, когда на Потсдамской конференции глав правительств трех держав - Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании обсуждались вопросы, связанные с послевоенным устройством мира. В соответствии с решением трех правительств мирный договор с Италией должны были подготовить министры иностранных дел СССР, США и Великобритании, как представители стран, подписавших условия капитуляции, а также Франция, которая также подписала условия капитуляции Италии.

Однако еще до Потсдамской конференции американские политики после тщательного изучения европейской обстановки пришли к выводу, что после поражения держав "оси" равновесие сил в Европе нарушено, и предстоящая подготовка мирных договоров рассматривалась ими как благоприятная возможность упрочения своих позиций на европейском континенте. Государственный секретарь Бирнс писал, что "цель, которую Соединенные Штаты будут преследовать в переговорах по мирным договорам, будет заключаться в обеспечении их постоянных интересов"³⁾. В той конкретной обстановке эти интересы сводились к созданию "новой Европы" под эгидой США, где одно из первых мест занимала Италия.

Некоторые американские историки считают, что в конце второй мировой войны "восточное Средиземноморье не было районом, в котором Соединенные Штаты Америки имели какие-нибудь жизненно важные интересы"⁴⁾. Однако работа по подготовке мирного договора для Италии, которая велась в Специальном Военном и Военно-Морском Координационном Комитете и Подкомитете по Италии при госдепартаменте, свидетельствовала об обратном. За годы второй мировой войны возросли американские империалистические интересы в районе Средиземного моря. Американские монополии значительно увеличили свои капиталовложения в арабских государствах и в Иране. В правительственных кругах США пришли к выводу, что "итальянский полуостров в руках любой великой державы будет представлять угрозу стратегическим интересам США", а именно в их продвижении к "Саудовско-Аравийским нефтяным районам Ближнего Востока". Потребность Соединенных Штатов в опорных базах

для перевозки ближневосточной нефти через Средиземное море и использование итальянских портов с этой целью рассматривались в госдепартаменте как важные факторы при составлении мирного договора для Италии. Экономические, политические а также военно-стратегические интересы США в Средиземноморье были положены в основу позиции, занятой американской делегацией на сессиях Совета министров иностранных дел, где шла подготовка мирных договоров⁵⁾.

Первая сессия СМД начала свою работу 11 сентября 1945 г. в Лондоне. В работе сессии, когда она перешла к рассмотрению итальянского вопроса, приняли участие четыре делегации — Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Было также решено, что все правительства Объединенных Наций, которые находились в состоянии войны с Италией и которые хотели бы изложить свою точку зрения в письменном виде, должны быть приглашены. Государства, подвергшиеся нападению со стороны Италии и не представленные в Совете, т.е. Эфиопия, Югославия и Греция, должны были направить своих представителей для устного обсуждения тех аспектов итальянского урегулирования, которые их непосредственно касаются, а именно: Эфиопия при обсуждении судьбы Эритреи, Югославия при обсуждении границы с Италией, Греция при рассмотрении вопроса об итальянских островах в Эгейском море. Италия должна была направить своего представителя для изложения своих взглядов по всем указанным выше проблемам.

Одной из проблем, по которой мнения сторон разошлись сразу после начала обсуждения 17 сентября 1945 г. условий договора с Италией, была проблема итало-югославской границы. Делегация США, стремясь укрепить свои позиции в Италии, всячески поддерживала ее притязания. По югославским данным, в Илийской Крайне проживало 970 тыс. человек. Из них 650 тыс. югославов и около 320 тыс. итальянцев, немцев и др.⁶⁾ Причем около 160 тыс. итальянцев находилось в Триесте, а остальные были расселены в небольших прибрежных городках и селениях, где они проживали среди словенского и хорватского населения Илийской Крайны.

В меморандуме, представленном делегацией США, в качестве итало-югославской границы была предложена "Линия

Вильсона", с которой американский президент В. Вильсон выступил на Парижской мирной конференции в 1919 г. Эту линию предлагалось частично изменить на севере в пользу Югославии, главным образом по этническим соображениям, и на юге в пользу Италии как по этническим, так и по экономическим причинам с целью сохранения для Италии залежей угля и бокситов. В соответствии с этим планом Триест передавался Италии. Значительная часть Триестского порта должна была быть превращена в свободную зону, управляемую комиссией, состоящей из представителей наций, которые будут пользоваться портом⁷⁾. Это предложение США, наносившее ущерб интересам Югославии, поддержала делегация Великобритании. Народы Югославии внесли большой вклад в борьбу против фашизма. Антиюгославская позиция западных стран объяснялась прежде всего тем, что в этой стране под руководством компартии проводились важные демократические преобразования, открывавшие путь к социалистическому переустройству общества.

От имени югославского правительства выступил Э. Кардель, который потребовал, чтобы бывшая австро-венгерская территория, населенная главным образом словенцами и хорватами, и переданная Италии после первой мировой войны в нарушении принципа самоопределения наций, была воссоединена с Югославией. Триест предлагалось включить в состав Югославии в качестве федеральной единицы, и предоставить порту Триест статус свободного порта с соответствующим транзитным железнодорожным сообщением. Советская делегация поддержала югославское предложение, подчеркнув, что отрыв Триеста от югославского хинтерланда будет несправедливым актом⁸⁾. Югославия являлась жертвой агрессии, нельзя было ставить ее в худшее положение, чем Италию, которая еще недавно выступала в роли агрессора.

19 сентября 1945 г. государственной секретарь США Дж. Бирнс внес предложение передать вопрос об итало-югославской границе для изучения заместителям министров иностранных дел, которые бы представили свои рекомендации Совету на его следующей сессии. После обсуждения это предложение было принято, и заместителям вменялось в обязанность в качестве основы итало-югославской границы взять этническую линию. Кроме того, заместители должны были представить доклад о меж-

дународном режиме Триестского порта, который обеспечил бы такое положение, при котором "порт и транзитные условия в Триесте могли бы использоваться Югославией, Италией и странами Центральной Европы, как это обычно принято в других свободных портах мира"⁹⁾.

По существу, никакого серьезного обсуждения проблемы итало-югославской границы не было. Главное внимание американской делегации было сосредоточено на пересмотре Потсдамских решений относительно подготовки мирных договоров. Создавая трудности процедурного характера, делегация США хотела оказать давление на Советский Союз, строя свои расчеты прежде всего на своем "атомном превосходстве".

Фактически первая сессия СМВД была сорвана благодаря позиции американской и английской делегаций.

С целью урегулирования разногласий и в соответствии с решением Ялтинской конференции о периодических консультациях министров иностранных дел трех держав, по предложению советского правительства с 16 по 26 декабря 1945 г. в Москве состоялось Совещание министров иностранных дел США, СССР и Великобритании. В Комюнике, опубликованном после завершения работы Совещания, подтверждался порядок подготовки мирных договоров, разработанный на Потсдамской конференции. Таким образом, американской дипломатии не удалось добиться пересмотра процедуры выработки мирных договоров. Однако Соединенные Штаты не отказались от поставленных целей.

Заместители министров иностранных дел - Ф.Т. Гусев (СССР), Дж. Дэнн (США), Р. Кэмбелл (Великобритания), которые должны были разработать предложения об итало-югославской границе, начали свою работу в Лондоне 18 января 1946 г. На заседании 19 января заместители рассмотрели вопрос о создании Комиссии экспертов "с целью подготовки доклада и рекомендаций по определению границы между Италией и Югославией, которая должна быть прежде всего этнической линией, оставляющей минимум населения под иностранным правлением"¹⁰⁾. Однако только 28 февраля было достигнуто соглашение об инструкциях этой комиссии. Комиссия экспертов должна была проводить свои исследования на месте, изучить документы о границе, представленные югославским и итальянским правительствами,

а также точки зрения других правительств Объединенных Наций в соответствии с приглашениями, которые были направлены им Советом министров иностранных дел. В своей работе Комиссия могла использовать статистические данные переписей населения, проведенных в Австро-Венгрии и в Италии. При исследовании этнического состава населения спорного района Комиссия экспертов должна была изучить его специфические экономические и географические черты, а также возможные последствия изменений в положении городов и деревень в случае их перехода к Югославии или к Италии.

Комиссия экспертов, в состав которой вошли представители СССР, США, Великобритании и Франции, прибыла в Триест 9 марта и оставалась в Юлийской Крайне до 5 апреля 1946 г.¹¹ За время своего пребывания там Комиссия посетила 5 городов и 27 населенных пунктов. Кроме того, созданная подкомиссия экономических экспертов побывала в Риеке (Фиуме) и некоторых других городах. Во время пребывания Комиссии экспертов в Юлийской Крайне ей было получено около 4 000 петиций и резолюций от местных жителей и их организаций, из которых 3 650 требовали воссоединения Юлийской Крайны с Югославией. Многие иностранные газеты, без всякого сочувствия относившиеся к Югославии, не могли отрицать тот факт, что подавляющее большинство населения Триеста, как славяне, так и итальянцы, желали присоединения к Югославии и открыто выражали свое мнение, несмотря на противодействие оккупационных властей¹¹.

Реакционные силы в Италии при поддержке Соединенных Штатов всеми путями пытались помешать объективному и правильному решению вопроса об итало-югославской границе. Союзные оккупационные власти без всякого повода распустили антифашистские органы народной власти и народной милиции, что, естественно, вызвало волну протеста и демонстраций трудящихся в Триесте и других населенных пунктах. С молчаливого одобрения союзников в Триест и в англо-американскую зону засылались вооруженные группы фашистов, четников, уешташей с намерением вызвать провокационные военные столкновения во время пребывания в Юлийской Крайне Комиссии экспертов. Так, например, 25 марта группа профашистских элементов, прибывших из Рима, Венеции и Неаполя, устроила в Триесте антиславянскую демонстрацию. Кроме того, начиная с

середины февраля 1946 г. различные американские и английские агентства начали антиюгославскую кампанию, сообщая о движении югославских войск по направлению к "линии Моргана" и расценивая это как "концентрацию". Еще до прибытия в Юлийскую Крайну межсоюзнической комиссии экспертов тогдашний главнокомандующий англо-американскими войсками в Средиземноморье генерал Морган рекомендовал американскому правительству выступить с соответствующим заявлением, которое, как он полагал, "усилит нашу собственную позицию"¹²⁾. В госдепартаменте после тщательного изучения этого вопроса пришли к выводу, что "с политической точки зрения такое публичное заявление было бы очень желательно". Однако, как считал Бирнс, в то время, когда США и Великобритания участвуют в обсуждении мирного договора с Италией в СМВД, когда комиссия экспертов, включая представителей этих стран, только начала свои исследования в Юлийской Крайне по вопросу об итало-югославской границе, было бы предпочтительнее, если бы с таким заявлением от имени двух правительств выступил главнокомандующий союзными войсками в Средиземноморье, а не сами правительства. Поэтому после консультаций с английским правительством 20 марта из Вашингтона в Штаб союзников в Казерте была направлена директива, которая уполномочивала генерала Моргана выступить от имени двух правительств с заявлением, осуждавшим проюгославские выступления в Триесте и прилегающей зоне¹³⁾.

Правительство Югославии опровергло утверждение американского генерала о том, что оно пытается оказать военное давление при разрешении спорного территориального вопроса. В заявлении югославского правительства указывалось, что к первому января 1946 г. была закончена демобилизация второй очереди солдат и офицеров югославской армии. После проведенной демобилизации была предпринята и до 1 марта закончена реорганизация частей югославской армии, которая охватила и части, расположенные вдоль югославской северо-западной границы. Понятно, что в этой области должны были иметь место соответствующие передвижения войск, абсолютно не зависящие от прибытия в Юлийскую Крайну Комиссии экспертов. Кроме того, общая численность войск югославской армии в связи с демобилизацией уменьшилась, в том числе и в области югославской северо-западной границы, вопреки всем сообщениям о "концентрации". В то же время в зону "А" Юлийской Крайны

в середине марта были переброшены две итальянские дивизии из Фриули и Кремонны, 300 американских и английских танков, а в Триест прибыли английские военные суда. Приведенные выше факты со всей очевидностью свидетельствуют, указывалось в заявлении югославского правительства, о подготовленной кампании, целью которой было вызвать волнения и беспокойство среди населения Юлийской Краины во время пребывания Комиссии экспертов и, таким образом, как можно больше помешать выражению воли этого населения в связи с установлением границы между Италией и Югославией, чтобы перед лицом международного общественного мнения скомпрометировать справедливые требования Югославии и помешать справедливому решению этого вопроса¹⁴⁾.

После завершения своей работы эксперты не пришли к согласованному мнению, а представили заместителям министров иностранных дел четыре различных варианта итало-югославской границы. Специальный комитет, который должен был обсудить вопрос о порте Триест и его транзитных возможностях, также не закончил свой доклад. Проведя 39 заседаний, посвященных обсуждению итальянского мирного договора, заместители закончили свою работу 20 апреля 1946 г., подготовив доклад для министров иностранных дел, содержащий текст согласованных и несогласованных статей договора.

Таким образом, на очередной сессии СМВД, которая открылась 25 апреля 1946 г. в Париже, основой для обсуждения итало-югославской границы министрами иностранных дел явились четыре варианта границы. Советские эксперты, исходя из того, что Юлийская Краина и Триест представляют неразрывное целое с преимущественным словенским и хорватским населением, требовали ее передачи Югославии. В соответствии с предложением американских, английских и французских экспертов Триест отдавался Италии и тем самым Юлийская Краина разрывалась как этнографически и экономически единый район. Ответом на предложения американских, английских и французских экспертов явились митинги протеста, прошедшие по всей Юлийской Краине. 12 мая в Париж прибыла делегация от населения Юлийской Краины и Триеста, состоящая из представителей словенской, хорватской и итальянской национальностей, которой было поручено передать СМВД от имени словенского, итальянского и хорватского населения Юлийской Краи-

ни, в частности, города Триеста, требование о воссоединении этого района с Югославией.

Следует отметить, что в то время, когда народы Югославии вели борьбу с войсками фашистской Италии и Германии, в сентябре 1942 г. президент Ф.Рузвельт заверял югославского посла И.Точича в том, что несправедливость, совершенная по отношению к Югославии в 1919 г., будет исправлена после войны. Теперь же, когда война была закончена, Бирнс заявил, что "Соединенные Штаты ни при каких обстоятельствах не согласятся передать Триест Югославии"¹⁵). Более того, американские дипломаты подстрекали Италию занять "твердую" позицию в отношении вопроса о Триесте. В беседе с Де Гаспери, которая состоялась 6 мая 1946 г., Бирнс советовал итальянскому премьер-министру иностранных дел отказаться от ряда своих требований в отношении итальянских колониальных владений, но ни в коем случае не уступать в вопросе о Триесте. Поэтому Де Гаспери настаивал на принятии пограничной линии, предложенной американскими экспертами, которая якобы больше всех других приближалась к линии Вильсона. Со своей стороны Соединенные Штаты прилагали все усилия для того, чтобы затянуть решение спорного вопроса. С этой целью Бирнс, демагогически ссылаясь на Атлантическую хартию, в которой было записано о недопустимости каких-либо территориальных изменений, которые бы не соответствовали свободно выраженной воле заинтересованных народов, предложил провести плебисцит среди населения в районе Юлийской Крайны, проживающего между линиями границ, предложенных советской и американской делегациями. По предложению Бирнса итальянские и югославские войска должны были быть выведены из этого района, а плебисцит должен быть проведен под наблюдением четырех держав, представленных в СМВД, фактически же под наблюдением англо-американских оккупационных сил. Однако это предложение госсекретаря не поддержала даже английская делегация¹⁶).

13 мая Бирнс заявил, что он готов принять в качестве основы итало-югославской границы линию, рекомендованную французскими экспертами. Этот шаг рекламировался им как "реальная уступка" со стороны США "с целью достичь соглашения "в противовес" неуступчивой" позиции СССР¹⁷). Однако действительную политику Соединенных Штатов в связи с проблемой Триеста очень кратко и верно охарактеризовал в конфиденциальной беседе сам президент Трумэн: "Мы не уступили ни на дюйм в этом вопросе и не уступим"¹⁸). "Активность" и "уступчивость" аме-

риканской делегации, о которой говорил Бирнс, становятся популярными ввиду предстоявших в июне 1946 г. выборов и референдума в Италии. Американские правящие круги и дипломатия прилагали всевозможные усилия для того, чтобы укрепить свой дипломатический престиж в Италии, а также позиции буржуазных партий, прежде всего христианско-демократической, на которую они сделали ставку.

16 мая 1946 г. работа сессии СМД была прервана на месяц и возобновилась 15 июня. Вопрос об итало-югославской границе и о Триесте все еще не был решен, как не были решены и другие вопросы, связанные с заключением мирных договоров с союзниками фашистской Германии. На заседании 21 июня Д. Бидо предложил в качестве основы итало-югославской границы линию французских экспертов, а для Триеста - временный международный режим под контролем ООН, по окончании которого через 10 лет, в Триесте и прилегающей территории предполагалось провести плебисцит. Такой вариант решения проблемы Триеста, т.е. его интернационализация, обсуждался в госдепартаменте США.

Советская делегация согласилась с идеей интернационализации Триеста, как единственным выходом из создавшегося тупика. После того, как и другие делегации ответили согласием, Бирнс заявил, что теперь он готов согласиться с созданием международной территории под контролем ООН, но сомневается, что СМД сможет сделать нечто большее, чем согласиться с принципом интернационализации, и предложил передать этот вопрос для рекомендаций мирной конференции¹⁹⁾.

В ходе обсуждения в соответствии с предложением советской делегации от 1 июля 1946 г. была отвергнута идея о временном характере создаваемой международной территории. 3 июля министры иностранных дел решили, что вся территория к востоку от линии, предложенной Францией, перейдет к Югославии, а к западу от этой линии будет создан автономный район, который получит название "Свободная территория Триест" (СТТ). Ее целостность и независимость должны были гарантироваться Советом Безопасности ООН. Было решено создать специальную комиссию из представителей четырех держав СМД для выработки рекомендаций по формированию временного правительства и постоянного статута "Свободной территории". В эту комиссию вошли представители СССР, Великобритании и США. Основопологающие принципы, которыми

должна была руководствоваться комиссия при подготовке постоянного статута "Свободной территории Триест", были следующие: губернатор будет назначаться Советом Безопасности ООН после консультаций с Югославией и Италией и будет представлять Совету ежегодный доклад; законодательная и исполнительная власть должна быть создана на демократической основе, гражданам СТТ должны быть предоставлены демократические свободы²⁰).

29 июля 1946 г. начала свою работу Парижская мирная конференция. Первые две недели работы конференции заняла дискуссия по правилам процедуры, навязанная англо-американским блоком. Американская делегация при поддержке Великобритании, пользуясь тем, что большинство из 21 участника мирной конференции были страны, находившиеся в той или иной степени зависимости от США, предприняла наступление с целью пересмотра решений, достигнутых на сессиях СМВД. Одним из таких согласованных решений явился вопрос об итало-югославской границе. Бирнс в беседе с Де Гаспери заверил, что американская делегация приложит все усилия для того, чтобы добиться в пользу Италии изменения французской пограничной линии, принятой в качестве итало-югославской границы и увеличения "Свободной территории Триест". Обстановка, в которой проходило обсуждение этого американского предложения, характеризовалась ростом напряженности в отношениях между США и Югославией в связи с провокационными полетами американских самолетов над югославской территорией. Так, например, с 16 июля по 8 августа 1946 г. имело место 172 случая нарушения американскими самолетами государственного суверенитета Югославии²¹).

Однако Соединенным Штатам и их союзникам не удалось добиться пересмотра итало-югославской границы. Весьма острая борьба развернулась вокруг статута "Свободной территории Триест". Как указывалось выше, еще во время Парижской сессии СМВД была создана специальная комиссия по Триесту с целью разработки рекомендаций для мирной конференции. 15 июля состоялось ее первое заседание. Вниманию комиссии были предложены советский, американский, английский и французский проекты постоянного статуса ТТ. Однако к единому мнению специальная комиссия не пришла и этот вопрос обсуждался на мирной конференции в Политической и Территориальной Комиссии для Италии, где обсуждались все аспекты проблемы Триеста. К 9 сен-

тября 1946 г.) были подготовлены четыре различные проекта статута. 10 сентября Политическая и Территориальная Комиссия приняла решение назначить подкомиссии из представителей Австралии, Великобритании, Франции, Советского Союза, США, Нидерландов, Польши и Югославии для предоставления ей доклада по статуту Триеста.

Подкомиссии по статуту "Свободной территории Триест" (СТТ) предстояло разработать следующие вопросы: 1) правительство СТТ (законодательная и исполнительная власть, функции губернатора, гражданство); 2) экономические вопросы и режим свободного порта; 3) общий статут (независимость, нейтралитет, демилитаризация, границы, отношения между СТТ, Югославией и Италией); 4) временное правительство. В качестве основы для обсуждения подкомиссия использовала решение СМД от 3 июля 1946 г. и 5 проектов постоянного статута, представленных делегациями Советского Союза, Франции, Великобритании, США и Югославии. С самого начала обсуждения наиболее острая борьба развернулась по вопросу об административном управлении и правовом положении "Свободной территории Триест".

Проекты статута, предложенные английской, американской и французской делегациями, были очень близки и исходили из "особого положения" территории Триест, находящейся под охраной Совета Безопасности. По мнению этих делегаций особый характер Триеста подчеркивался уже самим названием "Свободная территория". Прежде всего, считали они, из "особого характера" СТТ вытекают и особые полномочия, которыми должен быть наделен губернатор, особенно в сфере законодательной и исполнительной власти. В функции губернатора передавалось проведение внешней политики, сохранение общественного порядка и безопасности, право назначать членов судебных органов, право помилования и отмены приговоров, право смещать любое должностное лицо. Все это рассматривалось как обычные обязанности губернатора. Кроме того, на губернатора возлагались особые полномочия по поддержанию "мира и стабильности" ввиду "противоречивых национальных требований и соперничества" в Триесте²²). Под этими особыми полномочиями подразумевалось право губернатора толковать и приостанавливать действие законов, вплоть до объявления осадного положения. Американские дипломаты стремились наделить губернатора боль-

ними полномочиями, которые сч мог бы использовать в случае революционных выступлений трудящихся. В правящих кругах США понимали, что это вызовет серьезные возражения других участников конференции. В секретном меморандуме, разработанном в госдепартаменте в августе 1946 г., отмечалось: "...мы считаем, что полная реализация демократического разгития должна быть вторичной по отношению к необходимости твердого и унифицированного правления... Защищая это, мы, конечно, будем подвергаться нападкам за стремление создать диктатуру. Однако мы должны твердо стоять на этой позиции"²³). Правительства Соединенных Штатов и Англии надеялись использовать Триест в качестве военно-морской базы и рассчитывали, что с этой целью можно будет использовать губернатора, наделенного диктаторскими полномочиями.

Глава Советской делегации В.М.Молотов в своей речи справедливо оравнил прерогативы, предоставляемые триестскому губернатору, с правами, которыми обладают губернаторы в британских колониях. Советский представитель, поддержанный югославской и польской делегациями предложил проект статута, основанный на действительно демократических принципах. Территория Триеста должна рассматриваться как государство, обладающее полной независимостью. Законодательная власть должна осуществляться однопалатной народной Ассамблеей, избираемой на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Исполнительная власть передавалась Правительственному Совету, назначаемому Ассамблеей и ответственному перед ней. Что же касается губернатора, то его первой задачей должно быть наблюдение за выполнением статута СТТ, а не вмешательство в сферу исполнительной власти²⁴).

Кроме вопроса о функциях губернатора, борьба развернулась и по вопросу о временном правительстве. Советский делегат предложил создать межсоюзническую комиссию из представителей Великобритании, США, СССР и Франции, которая после вступления в силу мирного договора должна проконсультироваться с демократическими партиями и организациями Триеста и оформить временное правительство. Это временное правительство должно подготовить выборы в конституционную Ассамблею. Все иностранные войска, размещенные в СТТ, должны быть выведены в течение 30-дневного срока после вступления в силу

мирного договора. Это позволило бы сохранить демократические принципы и в переходный период.

Проект временного правительства, предложенный американской делегацией, был тесно связан с проектом о функциях губернатора. Американская делегация, поддержанная английской и французской делегациями, отклонила советское предложение о межсоюзнической комиссии. Ввиду того, что "первые дни существования переходного режима в СТТ будут самыми важными для будущего сохранения независимости и ее будущего благосостояния", считали американские дипломаты, гтя полнота власти должна быть сосредоточена в руках губернатора.

Иностранцы, т.е. англо-американские, войска должны находиться в его распоряжении "до того времени, когда Совет Безопасности решит, что созданы соответствующие условия для нормального управления и поддержания общественного порядка в СТТ²⁵).

Что касается вывода союзных войск в связи с интернационализацией Триеста, то в американских военных и дипломатических кругах этому вопросу уделялось много внимания и он был тщательно изучен. В Объединенном комитете начальников штабов США и в Специальном Военно- и Военно-Морской Координационном Комитете был разработан план, в соответствии с которым переход Триеста и прилегающего района от его тогдашнего положения к постоянному статусу должен пройти следующие три эта: 1) от рассматриваемого времени до вывода американских и английских войск из Италии в течение 90 дней после ратификации мирного договора; 2) переходный период с момента вывода войск из Италии и вступления в силу соглашения по созданию временного правительства; 3) последний период, начиная с создания временного правительства и продолжавшийся до того, когда в полную силу вступит статус СТТ. В течение первого периода Объединенные Штаты планировали добиться вывода всех югославских войск из районов, входящих в СТТ, и любой ценой не допустить военного участие Советского Союза. Во второй период "наилучшим решением" было бы, как считали американские военные и дипломаты, сохранение достаточного количества американских и английских войск "для поддержания внутреннего порядка и границ" для чего, по их мнению, требовались приблизительно

одна смешанная англо-американская дивизия, одна английская бригада и один американский усиленный полк. В окончательный период, по мере того, как исполнительные органы власти возьмут на себя обязанности по поддержанию внутренней безопасности, союзные военные силы должны быть выведены. Однако оговаривалось, что "в случае необходимости сохранение английских и американских войск в районе может быть продлено"²⁶). Таким образом, этот план, по существу, предусматривал закрепление американских и английских войск в Триесте, превращение его в англо-американскую базу.

В подкомиссии по статусу Свободной территории Триест были достигнуты соглашения по вопросам гражданства, экономическим вопросам, связанным с организацией свободного порта в Триесте. Члены подкомиссии решили объявить СТТ демилитаризованной зоной и, по предложению советской делегации, нейтральной. Проведя 15 заседаний, так и не придя к согласованным решениям по наиболее важным вопросам, связанным с правами губернатора и формированием временного правительства, подкомиссия закончила свою работу 30 сентября и 1 октября представила свой доклад Политической и Территориальной Комиссии для Италии. Обсуждение доклада в этой Комиссии длилось с 1 по 5 октября, после чего оно было продолжено на пленарных заседаниях Парижской мирной конференции. Соединенным Штатам удалось, используя машину голосования, добиться принятия американского проекта по статусу СТТ, одобрения некоторых французских поправок к нему и отклонить все поправки советской, югославской и польской делегаций. Таким образом, американский проект, за который 9 октября проголосовали 12 делегатов, 5 - против, 3 воздержались, был принят в качестве рекомендации мирной конференции. Были поставлены на голосование и приняты итало-югославская граница и граница между Италией и СТТ, соответственно статьи 3 и 4 мирного договора²⁷). 15 октября 1946 г. Парижская мирная конференция завершила свою работу.

Заключительным этапом мирного урегулирования являлась Нью-Йоркская сессия СМВД, которая проходила с 4 ноября по 12 декабря 1946 г. Она должна была подготовить окончательные тексты мирных договоров, используя рекомендации мирной конференции. Как и прежде, длительную дискуссию вызвал воп-

рос о статуте СТТ. Он обсуждался на 7 официальных и 9 неофициальных заседаниях министров иностранных дел. Несмотря на принятие советских поправок, которые несколько улучшили статут СТТ, такой важный вопрос, как функции губернатора Триеста, по существу остался таким, каким он был одобрен Парижской мирной конференцией.

Мирный договор с Италией был подписан 10 февраля 1947 г. и вступил в силу 15 сентября 1947 г. после ратификации его правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. Однако Соединенным Штатам впоследствии удалось сорвать выполнение мирного договора в отношении Триеста. Из-за разногласий между членами Совета Безопасности по поводу назначения губернатора Триест оставался англо-американской военной базой до 1954 г., когда по соглашению между Италией и Югославией "Свободная территория Триест" была разделена на две части. Зона "А" вместе с Триестом (200 кв. км с населением 290 тыс. человек) отошла к Италии, а зона "Б" (525 кв. км с населением 70 тыс. человек) — к Югославии²⁸).

При решении вопроса о Триесте в 1945–1946 гг. проявились общие тенденции, характерные для внешней политики правительства США этого периода — постепенный отказ правящих кругов Америки от принципов сотрудничества, которые легли в основу деятельности антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны. Усиливается антисоветская и антикоммунистическая направленность внешней политики Соединенных Штатов Америки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FR). 1945, v. IV. Europe. Wash., 1968, p. 1125.
- 2) FR. 1945 pp. 1103, 1176.
- 3) Ibid., p. 1032. Бирно министру иностранных дел Италии Де Гаспери, 4 сентября 1945 г.
- 4) Knappen M. An Introduction to American Foreign Policy. N.Y., 1956, p. 283.
- 5) FR. 1945, v. IV, p. 1040. Доклад Специального Военного и Военно-Морского Координационного Комитета при госдепартаменте по военным статьям мирного договора для Италии.
- 6) FR. 1945, v. II. General: Political and Economic Matters. Wash., 1967, p. 230. Заявление югославского представителя Э. Карделя Совету министров иностранных дел, 18 сентября 1945 г.
- 7) Ibid., p. 179.
- 8) Ibid., p. 250.
- 9) Ibid., p. 255.
- 10) United States and Italy, 1936-1946. Documentary Record. Wash., 1946, p. 200.
- 11) FR. 1946, v. II. Council of Foreign Ministers. Wash., 1970, p. 145. Доклад комиссии экспертов.
- 12) FR. 1946, v. VI. Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1969, p. 876. Секретный меморандум директора европейского отдела госдепартамента Г.Ф. Мэтьюза государственному секретарю, 8 марта 1946 г.
- 13) Ibid., pp. 878-882.
- 14) "Правда", 11 марта 1946 г.
- 15) FR. 1946, v. I., p. 247. Устное заявление Бирно В.М. Молотову, 5 мая 1946 г.
- 16) Ibid., pp. 242-243.
- 17) United States and Italy, 1936-1946. p. 209.
- 18) FR. 1946, v. II, p. 443. Г. Трумен итальянскому послу А. Таркьяни, 25 мая 1946 г.
- 19) Ibid., p. 715.
- 20) Ibid., pp. 714-715.
- 21) "Правда", 14 августа 1946 г.
- 22) FR. 1946, v. IV. Paris Peace Conference: Documents. Wash., 1970, pp. 623-632. Доклад подкомиссии по статусу Свободной территории Триест Политической и Территориальной Комиссии по Италии, 30 сентября 1946 г.

- 23) FR. 1946, v. IV, pp. 841-842.
- 24) "Правда", 16 сентября 1946 г.
- 25) FR. 1946, v. IV, pp. 631-632.
- 26) Ibid., pp. 824-826.
- 27) FR. 1946, v. III. Paris Peace Conference: Proceedings. Wash., 1970, pp. 702-710.
- 28) История дипломатии, т. V, кн. I, с. 60.

Т.Т. БУРОВА

ОБСУЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ КОНГРЕССОМ ЗАКОНА
О НЕЙТРАЛИТЕТЕ 1937 г.

Попытка попустительства агрессии в Европе со стороны правящих кругов США ярко проявилась во время гражданской войны в Испании. Образование правительства Народного фронта в Испании и широкое демократическое движение в странах Европы во второй половине 30-х годов обусловили стремление правящей Америки к дальнейшему проведению так называемой политики умиротворения агрессоров, что проявилось в позиции правительства Соединенных Штатов в связи с началом в июле 1936 г. фашистского мятежа и германо-итальянской агрессии против Испанской республики.

Силы контрреволюции в Испании во главе с генералом Франко при активной поддержке фашистских правительств Германии и Италии стремились удушить национально-революционную борьбу испанского народа, разгромить Народный фронт и тем самым ослабить силы общественного прогресса во всем мире. В то же время реакционные силы в США и крупнейшие монополистические объединения, например, Моргана, Рокфеллера, Форда, имевшие значительные капиталовложения в Испании, были также заинтересованы в победе реакционных сил. Именно этими причинами объясняется позиция правящих кругов Соединенных Штатов по отношению к Испанской республике.

В первые годы гражданской войны руководители крупнейшей американской компании "Стандарт ойл" проявили значительный интерес к событиям в Испании. Газета Коммунистической партии США "Дейли уокер" писала, "что фашистское движение в Испании, по-видимому, хорошо финансируется. Международные нефтяные тресты очень заинтересованы в исходе гражданской войны в Испании. Следует иметь в виду, что мятежники покупают нефти на сотни тысяч фунтов стерлингов в год. Не случайно в Бургос прилетел на днях представитель американского нефтяного треста "Стандарт ойл"¹⁾. Только "Тексас ойл компани" было продано мятежникам за время гражданской войны "около 1400 тысяч тонн нефти"²⁾.

Политика, которую проводило правительство Соединенных Штатов с начала гражданской войны в Испании, базировалась на законе о нейтралитете, принятом 31 августа 1935 г. и дополненном 29 февраля 1936 г., хотя в нем не был предусмотрен случай гражданской войны. Чтобы узаконить политику нейтралитета по отношению к гражданской войне в Испании, правительство Соединенных Штатов решило дополнить акт о нейтралитете положением, применимым к испанским событиям. На первых порах решено было провести через конгресс резолюцию, которая запрещала бы экспорт оружия в Испанию. 8 января 1937 г. резолюция стала законом, запрещающим экспорт оружия как мятежникам, так и законному правительству Испании.

Срок закона о нейтралитете истекал 1 мая 1937 г. В конгрессе обсуждались законопроекты, представленные председателями комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей Литтлменом и Мак-Рейнольдсом.

В основу своего законопроекта Мак-Рейнольдс положил предложение правительства, отвергнутое конгрессом в 1936 г. и дополнил его рядом новых. Главное содержание этого предложения сводилось к предоставлению президенту чрезвычайно широких полномочий по определению товаров, предназначенных для продажи. Если президент объявит, что продажа таких материалов угрожает вовлечением в войну, то такие товары могли бы быть проданы за наличные деньги и должны быть перевезены на судах той страны, которая покупала их. "Изоляционисты", особенно сильные в сенате, выступили против свободной определения президентом товаров, опасаясь, что законопроект, будучи принят, даст возможность Рузвельту, при известных обстоятельствах, задержать провозглашение эмбарго. Главной статьей законопроектов оставалось положение об эмбарго на экспорт оружия в воюющие страны и страны, где происходят гражданские войны. Новым пунктом, дополняющим предыдущие акты, была статья об экспорте различных материалов в воюющие страны. Американский историк Л. Невинг замечает: "Законопроекти точно не определили, что входило в понятие материалы, но для всех было ясно, что под этим понятием подразумевалось: нефть, железо, каучук, хлопок и другое стратегическое сырье"³⁾.

По законопроектам председателей комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей Питтмана и Мак-Рейнольдса право вывоза из США стратегического сырья оставалось за теми странами, которые сполна платили наличными и вывозили свои покупки на собственных судах. Этот принцип получил название "каш энд кэрри" (плати и вези). Основным смыслом этого принципа состоял в том, чтобы примирить закон о нейтралитете с широкими торговыми операциями американской буржуазии. Законодатели США стремились спасти "изоляционистскую формулу", представляя дело "таким образом, что если Америка будет продавать свои товары за наличные, а не в кредит, и если к транспортировке будет допущен иностранный флот, то якобы риск вовлечения США в войну будет меньше. Логика такого принципа ясна. Американские монополии требовали расширения внешней торговли и получения выгоды от европейской войны, что и нашло свое выражение в принципе "плати и вези".

Выступая по радио 9 февраля 1937 г., член палаты представителей "изоляционист" Фиш настаивал на расширении торговли между воюющими странами и США по принципу "плати и вези". Принцип "плати и вези" исключал всякую опасность как для страны в целом, так и для предпринимателей США. Вся ответственность за доставку товаров в воюющую страну ложилась на покупателя. Поэтому Фиш самодовольно заявил: "Мы будем продавать им все, исключая оружие. Почему не продавать хлопок, медь, нефть, уголь и другое сырье, если рискуем не мы, а покупатель?"⁴⁾

Одним из родоначальников этого принципа был представитель крупного монополистического капитала миллионер Бернард Барух. Еще в июне 1936 г. Бернард Барух в статье "Нейтралитет", опубликованной в журнале "Каррент истори", достаточно подробно изложил и обосновал всю выгоду принципа "плати и вези". Он заметил такую естественную закономерность — желание США устоять на нейтральных позициях должно вести к ограничению торговых операций на мировом рынке, но ограничение внешнеторгового баланса противоречило всему экономическому развитию страны. "Современная борьба — это не только борьба между армиями — но и между экономическими системами. Экономическая стратегия не менее важна, чем военная

стратегия. Даже короткая торговая изоляция может нанести серьезный вред Соединенным Штатам", — замечал Бернард Барух⁵⁾. Чтобы совместить нейтралитет с неограниченной торговлей, Бернард Барух советовал "придерживаться принципа "плати и вези".

"Это есть самая первая и самая важная заповедь для нашего прочтения"⁶⁾. План Бернарда Баруха исключал торговлю оружием, но приветствовал развитие торговых отношений между всеми странами, не вдаваясь в юридическое определение агрессора и жертвы агрессии. Это был тщательно разработанный план, обещающий получение всех выгод от войны. Эту мысль подметил сенатор В. Боре давая меткую оценку принципу "плати и вези" в следующих словах: "Мы хотим избежать любого риска и любой опасности, но намерены получать всю прибыль"⁷⁾.

Учитывая политику невмешательства, которую проводили английские и французские правительства, флоты Германии, Италии и Португалии доставляли необходимые сырье для испанских фашистов. Формула "плати и вези" поддерживала техников и была направлена против законного правительства Испании.

При обсуждении законопроектов в конгрессе принцип "плати и вези" вызвал серьезные разногласия среди представителей различных групп американской буржуазии. Буржуазный исследователь А. Невинс по этому поводу писал: "В сенате принцип "плати и вези" предлагали провести обязательным пунктом, в палате представителей стремились дать свободу президенту"⁸⁾.

Выступая 3-го марта 1937 г., сенатор-изоляционист А. Вандерберг предостерегал членов конгресса от ошибки — предоставления президенту свободы в определении товаров, которые разрешается экспортировать. Он подчеркивал, что "президент может в таком случае использовать свою власть односторонне, одобрив одну воюющую сторону и осуждая другую". А. Ванденберг усматривал в этом пункте "усиление исполнительной власти за счет полномий конгресса"⁹⁾. Критика принципа "плати и вези" шла от монополистов, выражавших интересы торгово-промышленной буржуазии, связанной морскими магистральями с различными странами. Монопо-

листы, которые транспортировали на своих кораблях стратегическое сырье, теряли большой процент дохода. Представитель этих кругов из Нью-Джерси подчеркнул в своем выступлении мысль о том, что "Соединенные Штаты имеют глубокие экономические связи в мире и принцип "плати и вези" может подорвать американскую промышленность" ¹⁰). Представители торгово-промышленной буржуазии утверждали, что "отказ от доктрины "свободы морей" может подорвать американскую промышленность и сельское хозяйство" ¹¹).

Б. Раух в книге "Рузвельт от Мехико к Пирл-Харбору" назвал принцип "плати и вези" лазейкой ¹²). Действительно, это была очень удобная лазейка для империалистов США, которые наливали свои капиталы на европейских войнах. Законное правительство Испании не могло воспользоваться этим принципом, так как оно не имело достаточно транспортного флота для перевозки необходимых для ведения войны материалов. В то же время транспортные операции Франко осуществляла через своих союзников — Германию и Италию.

Нефтепромышленники Соединенных Штатов, используя принцип "плати и вези", получили такую возможность снабжать горючим армию испанских мятежников. Р.Трейна в книге "Американская дипломатия и гражданская война в Испании" даже при тщательном отборе материала не смог скрыть широких связей американских монополий с испанскими мятежниками и германо-итальянскими интервентами. "Только нефтяная компания "Тексас ойл" получила от правительства Франко за период гражданской войны в Испании 20 млн. долларов", — констатирует Р.Трейна ¹³). "Без американской нефти, без американских грузовиков нам бы никогда не выиграть войны", — заявил в 1945 г. Фозу Хосе Мариа Дуссинаге, бывший в ту пору старш-секретарем по иностранным делам в правительстве Франко ¹⁴).

Г.Икес, министр внутренних дел в правительстве Рузвельта, в своем "секретном дневнике" поведал о том, что когда законное правительство Испании обратилось к Форду с предложением закупить материалы по принципу "плати и вези", Форд отказал ему. В то же время фирма Форда отправляла большие партии груза испанским мятежникам в кредит. Г.Икес делает вывод о том, что "это было не только нарушением

международного закона, но и прямой помощью Франко и его союзников". На основании своих наблюдений он утверждает, что "большой бизнес Америки более склонен был поддержать фашистские тенденции на международной арене"¹⁵⁾.

Таким образом, политика нейтралитета фактически поддерживала агрессивные страны, которые думали национально-освободительное движение в Испании.

Закон о нейтралитете, вступивший в силу 1 мая 1937 г., состоял из 15 статей. Первая статья подтверждала принятый конгрессом закон о нейтралитете 31 августа 1935 г. о "запрещении ввоза оружия и предоставления займов воюющим странам". По-новому звучала статья, принятая 8 января 1937 г. Если в январском варианте она предусматривала только случай гражданской войны в Испании, то теперь она распространялась на все гражданские войны. Согласно принятому акту из "действия основных его разделов исключались американские республики, участвующие в войне против неамериканского государства лишь при том условии, если они не сотрудничали в этой войне с неамериканскими государствами"¹⁶⁾. Этим пунктом Соединенные Штаты узаконивали экономическое и военное покровительство американским государствам и усиливали дух панамериканизма на континенте. Закон о нейтралитете 1937 г., как и предыдущие акты, не запрещал продажу стратегического сырья. По законодательному акту предусматривалось ведение торговли со всеми странами по принципу "плати и вози". Такая торговля была выгодна государствам, которые располагали большим флотом. Например, Японии, развязавшей в 1937 г. большую войну против Китая, и испанским фашистам, которых обслуживал флот Германии и Италии. Р.Стронберг замечал, что принцип "плати и вози" в конечном счете "давал полную гарантию бизнесу". Он был счастливым компромиссом и нравился всем. "Изоляционистам" — потому, что сохранял американский флот в целостности и невредимости, "интернационалистам" — потому, что обеспечивал торговлю со всеми странами", т.е. Англией и Францией¹⁷⁾.

Принцип "плати и вози" и в целом закон о нейтралитете, принятый в 1937 г. конгрессом, отражал интересы монополистических групп, которые были заинтересованы в победе сггт реакции в Испании и помогли задуть Испанскую республику. Принцип "плати и вози" вполне устраивал и агрессоров, так как позволял им черпать в США необходимое им для гонки вооружения и снабжения армий сырье и продукты", — делает вывод Е.В.Ананова¹⁸⁾. Правящие круги США, проводя политику нейтралитета, заявляли, что такая полити-

ка должна "удержать Америку вне войны". На самом деле, как отмечает советский историк Ю.Л.Кузнец, закон о нейтралитете удерживал США не от "войны", а от развернувшейся в широком масштабе борьбы против войны и агрессии¹⁹⁾. Закон о нейтралитете использовался реакционными силами Соединенных Штатов для того, чтобы не допустить победы демократических сил в Испании, чтобы ограничить свободу рук в надвигающейся мировой войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) "Daily Worker", August 5, 1936.
- 2) Traina R. American Diplomacy and the Spanish Civil War. Bloomingston-London, 1968, p. 166.
- 3) Nevins A. The New Deal and World Affairs. New Haven, 1950, p. 102.
- 4) Congressional Record 75, v. 81, pt. 9, 1937, p. 232.
(Appendix).
- 5) "Current History", June 1936, pp. 32-35.
- 6) Ibid., pp. 39-44.
- 7) Congressional Record 75, v. 81, pt. 2, 1937, p. 1677.
- 8) Nevins A. Op. cit., p. 103.
- 9) Congressional Record 75, v. 81, pt. 2, 1937, p. 1798.
- 10) Ibid., p. 2172.
- 11) Ibid., p. 2278.
- 12) Rauch B. Roosevelt from Munich to Pearl Harbor. N.Y., 1967, p. 41.
- 13) Traina R. Op. cit., pp. 26-27.
- 14) Ажкарате М. и Сандоволь Х. 986 дней борьбы. Национально-революционная война испанского народа. М., 1964, с. 43.
- 15) The Secret Diary of Harold Ickes 1936-1939. N.Y., 1953-1954, v. II, p. 378.
- 16) Peace and War. United States Foreign Policy 1931-1941. Wash., 1943, pp. 355-365.
- 17) Stromberg R. American Business and the Approach of War 1935-1941, "The Journal of Economic History", v. XIII, 1953, p. 71.
- 18) Аванова Е.В. Новейшая история США 1919-1939 годы. М., 1962, с. 285.
- 19) Кузнец Ю.Л. Вступление США во вторую мировую войну. М., 1962, с. 49.

Л.С.РЕШЕТНИКОВА

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА О ПРИМЕНЕНИИ ЗАКОНА О НЕЙТРАЛИТЕТЕ
ПРОТИВ ЯПОНИИ И КИТАЯ В КОНГРЕССЕ США ВО ВТОРОЙ ПОЛО-
ВИНЕ 1937 г.

В мае 1937 г. в США вступил в силу новый закон о нейтралитете, обязывающий президента запрещать экспорт оружия, боеприпасов и военного снаряжения, а также предоставление кредитов и займов воюющим странам и государствам, охваченным гражданской войной. Однако американские фирмы могли продавать этим государствам любые виды сырья и товары при условии, что эти товары будут оплачены при покупке и перевезены в другие страны на судах покупателей. Этот принцип, получивший название "плати и вези" соответствовал интересам американского монополистического капитала и содействовал росту внешней торговли Соединенных Штатов. Подобная политика была также выгодна государствам-агрессорам, что ясно проявилось во время японо-китайской войны.

7 июля 1937 г. японские империалисты крупными силами вторглись в Северный Китай и развязали большую войну против китайского народа. Однако правительство Японии формально не объявило войну Китаю, поэтому правительство Рузвельта не ввело в действие закон о нейтралитете, что давало возможность японским агрессорам покупать в США не только стратегическое сырье, но и военные материалы. В связи с этим в конгрессе и прессе США неоднократно поднимался вопрос о применении закона о нейтралитете к Японии и Китаю. В настоящем сообщении предпринята попытка проанализировать обсуждение этого вопроса, который по разным поводам неоднократно поднимался в американском конгрессе.

Агрессивные действия Японии в Китае вызвали большую свабочность в Соединенных Штатах. Китай занимал большое место в расчетах американских империалистов. В китайских водах и портах находились американские военные корабли и солдаты морской пехоты. В начале 1937 г. в Китае работала делегация бизнесменов, изучавшая перспективы американской торгово-предпринимательской деятельности в этой стра-

не. Она пришла к оптимистическим выводам. Коммерческий атташе в Китае Д. Арнольдс писал: "Импорт машин и оборудования представляет огромные перспективы для американских промышленников, обещанный подъем экономического уровня населения повлечет увеличение покупательной способности¹). В перспективе Китай рассматривался американскими промышленниками как огромный рынок сбыта.

Однако американское правительство заняло очень осторожную позицию по отношению к японо-китайской войне. Государственный секретарь Хэлл заверил японского посла в Вашингтоне в том, что США занимают в отношении Японии "дружескую беспристрастную позицию"²). Во всех дипломатических документах и публикациях правительства эта война называлась не иначе, как конфликт. 16 июля 1937 г. в обращении к государственным-участникам пакта Бриана-Келлога, подписанным государственным секретарем К. Хэллом, были изложены основные принципы политики США: уважение международных договоров, свобода торговли и принцип равных возможностей, но ничего не говорилось о нарушении Японией международного договора, только выражено пожелание, чтобы конфликт Японии с Китаем был урегулирован на мирной основе³). Госдепартамент не желал вмешиваться, потому что обстановка в стране и в Европе становилась все сложнее, надеясь, что захват Японией части северных провинций Китая предотвратит японцев от дальнейших захватов в южном направлении, где были сосредоточены основные американские инвестиции, и направит агрессию Японии против СССР. Кроме того, позиции США в военном отношении были слабы в районе Тихого океана, расположенный там американский флот был малочисленным, не было достаточного количества хорошо укреплённых баз.

Эти действия госдепартамента были встречены резким недовольством в конгрессе как со стороны "изоляционистов", так и "интернационалистов". Вскоре после заявления Хэлла председателю сенатского комитета по иностранным делам К. Питтсмену выступил с публичным заявлением, где определил позицию правительства как "опасную своей нерешительностью"⁴). Питтсмен считал, что Япония угрожает американской политике "открытых дверей" в Китае. Выступая в сенате в феврале 1938 г., он привел заявление японского вице-адмирала Така-

хаси от 23 января 1936 г.: "До тех пор, пока Америка придерживается своей военно-морской политики, преследующей цель обеспечить ее экспансию и защиту внешней торговли, Япония будет вооружаться, чтобы расширить радиус действий к Новой Гвинее, Целебесу, Борнео и установить свои базы на Формозе и мандатных островах в Южных морях"⁵⁾. Питтмэн требовал проведения активной внешней политики по отношению к Японии и, поэтому настаивал на усилении военно-морского флота США в Тихом океане. Вступая за проведение активной внешней политики на Дальнем Востоке, Питтмэн подчеркивал, что США должны быть самостоятельны в своих действиях и не связывать себя никакими обязательствами⁶⁾. Питтмэн считал, что США не должны применять закон о нейтралитете, так как это лишает США возможности влиять на события в свою пользу. В этом он поддерживал правительство, но требовал от него активного вмешательства в японо-китайский конфликт⁷⁾. Многие члены сенатского комитета по иностранным делам разделяли мнение Питтмэна, что позиция занятая правительством президента Рузвельта, наносит ущерб американским интересам, хотя по другим проблемам их взгляды расходились. Так, Льюис, сенатор от Нью-Йорка, выразил мнение большинства, заявив, что президент должен вывести войски из Китая и применить акт о нейтралитете⁸⁾.

С острой критикой действий правительства на Дальнем Востоке выступили некоторые газеты. 31 июля 1937 г. в "Вашингтон пост" была опубликована статья журналиста В. Нувера, который указывал на опасность курса госдепартамента и президента, подчеркивая, что американские интересы могут быть нарушены японским вторжением в Китай. Эта статья была направлена против акта о нейтралитете. Лувер считал, что если США не откажутся от политики нейтралитета в японо-китайской войне, то вполне вероятно, что "американская политика будет определяться в Вашингтоном, а не в Токио"⁹⁾.

Дальнейшее продвижение Японии в Китае обострило японо-американское империалистическое соперничество. Вторжение японцев в Шанхай в начале августа 1937 г. заставило правительство США несколько изменить позицию. В ноте от 13 августа Хэлл заявил японскому послу, что Япония вместе с Китаем будет рассматриваться всеми государствами мира ответст-

венной за военные действия в Шанхае¹⁰⁾. Это заявление имело целью оказать давление на японские правящие круги, намекнув на возможность совместных с Англией и Францией действий против Японии. Вместе с тем правительству США продолжало придерживаться политики "беспристрастного наблюдателя", обвиняя в конфликте и Японию, и Китай.

14 августа послы Англии, Франции и США в Японии предложили японскому и китайскому правительствам превратить Шанхай в нейтральную зону. На это предложение японское правительство не ответило. Однако японские дипломаты указали американскому послу в Токио Грю, что если США займут по отношению к Японии более жесткую позицию, то японские генералы устроят из правительства представителей либеральной буржуазии, что будет иметь "самые печальные последствия" для японо-американских отношений¹¹⁾. Нужно учитывать, что США в своей политике в отношении Японии до некоторой степени делали ставку на проамерикански-настроенные круги японской буржуазии¹²⁾.

Несмотря на то, что в Соединенных Штатах понимали угрозу со стороны правительства Японии, проведение политики умиротворения определялось тем, что американские крупные монополии были тесно связаны с японским капиталом и американские бизнесмены были очень заинтересованы в торговле с Японией. В 1937 г. американский экспорт в Японию по сравнению с 1936 г. увеличился на 41 процент, а поставки военных материалов на 124 процента¹³⁾. Определенную роль играли и политические расчеты. Правящие круги США считали, что сильная Япония на Дальнем Востоке нужна в качестве противовеса Советскому Союзу и растущему национально-освободительному движению.

Политика попустительства японской агрессии вызвала недовольство американской общественности, что находило отклик в конгрессе. С конца июля по декабрь 1937 г. с кризисной политикой США в японо-китайском конфликте выступило 28 сенаторов и членов палаты представителей, особой активностью отличались сенаторы К.Питтман, Льюис, Кичг, Ренольдс, Най, Коффи; члены палаты представителей Фиш, Рич, Скотт, Гейер и другие. Все выступавшие по этим вопросам конгрессмены считали, что в Китае идет война, которая опасна для США, но взгляды относительно политики, которую должно проводить правительство,

были различны. Борьба развернулась по вопросам о выводе войск из Китая и применении акта о нейтралитете, активную борьбу за применение акта о нейтралитете начали "изоляционисты". С изоляционистских позиций выступали сенаторы Льюис, Дж. Най, Рейнольдс и др.

Льюис резко критиковал деятельность правительства на Дальнем Востоке, считал его позицию "нерешительной и опасной", выступал против сотрудничества с Англией¹⁴). 6 августа 1937 г. он внес проект резолюции, суть которой заключалась в том, чтобы министр обороны представлял в сенат информацию о г. сбывании американских войск в зоне военных действий от Пекина до Тяньцзиня. Против принятия этой резолюции резко возражал Питтман, считавший, что она осложнит деятельность правительства США на Дальнем Востоке. Питтману удалось настоять, чтобы эта резолюция была передана в комитет сената по иностранным делам¹⁵). 20 августа 1937 г. в интервью по радио о положении на Дальнем Востоке выступил Дж. Най, который призывал применить акт о нейтралитете к Японии и Китаю. На вопрос, не поставит ли этот акт в тяжелое положение Китай, Най ответил, что "применение акта к Китаю и Японии поставит эти страны в приблизительно равное положение. В любой момент, когда Япония пожелает установить блокаду, Китай может быть отрезан от всех поставок оружия и товаров. А закон о нейтралитете не позволит Японии покупать оружие в нашей стране и делать займы для закупок военных материалов"¹⁶). Най обвинял правительство в защите интересов бизнесменов, заинтересованных в торговле со странами Дальнего Востока. Он выступил в поддержку кампании за проведение референдума по вопросу об отношении к японо-китайскому конфликту. Такая кампания началась в августе 1937 г., в палату представителей была направлена петиция, предлагавшая референдум, 180 конгрессменов поставили под ней свои подписи¹⁷).

В палате представителей также существовали различные точки зрения по проблемам дальневосточной политики. Взгляды Най полностью разделял Э. Эйчер. Он считал, что в Китае идет война, "которая грозит опасностью превратиться в мировую", чтобы предотвратить эту опасность, надо ввести закон о нейтралитете в действие и тем самым лишить Японию и Китай возможности закупать военные материалы в США. Эйчер считал, также, что этот закон поставит Японию и Китай в приблизительно равное положение. Но, вместе с тем, Эйчер критиковал акт

о нейтралитете за то, что он не способен обеспечить полный контроль над торговлей военными материалами и предложил внести поправки к закону, которые усилили бы этот контроль. Полное одобрение и согласие с его мнением высказали 25 конгрессменов, среди которых были Г. Коупленд, Дж. Вурхис, Дж. Коффи, Л. Лэдлоу¹⁸⁾.

В ноябре 1937 г. по радио выступил сенатор Э. Томас с критикой акта о нейтралитете. Он считал, что применение этого акта усилит Японию¹⁹⁾.

Несколько отличной была позиция конгрессмена Г. Фиша. Он считал, что главная цель президента и конгресса — не допустить вовлечения страны в войну. Выступая в палате представителей в августе 1937 г., он выражал возмущение империалистической политикой США в Китае, выступил против сохранения там экстерриториальных прав. Фиш одним из первых в конгрессе выступил с заявлением, что японцы американским оружием убивают китайцев: " Действительно, в Китае идет война без объявления войны, а мы позволяем себе послать все виды оружия, боеприпасов, военных материалов обоим сторонам, чтобы убивать и разорять. Никто не знает, как долго будет длиться этот вооруженный конфликт в Китае без объявления войны, а мы будем продолжать посылать корабли с оружием и боеприпасами, чтобы убивать людей... ради денег, нажитых на крови, ради прибыли"²⁰⁾. Фиш выступил в поддержку вывода американских войск из Китая и применения акта о нейтралитете, но предложил внести поправку о запрещении торговли оружием и военными материалами со всеми странами как во время мир., войны²¹⁾.

Агрессивная война Японии против Китая все расширялась. В сентябре 1937 г. японское правительство ввело блокаду китайского побережья. Американцы пытались выступить в роли посредника между Японией и Китаем, но безрезультатно. Брюссельская конференция, созванная в конце ноября 1937 г., чтобы урегулировать японо-китайский конфликт, окончилась неудачей. В декабре японской авиацией была потоплена американская канонерка "Пэнел" и три судна компании "Стандарт ойл". Японская сторона сразу же принесла извинения, объяснив это ошибкой военных. Правительство США приняло эти извинения. Гроу в своих мемуарах сомневается в том, что

это была ошибка, но, хорошо зная положение дел на Дальнем Востоке, слабость военных позиций США, считал, что этот шаг был "мудростью" этих правительств, которые не стали "спасать лицо, а" вовремя договорились"²²).

...отопление американских кораблей в водах Китая вызвало новую волну обеспокоенности американской дальневосточной политики в прессе и в конгрессе. С требованием вывода всех американских войск и граждан из Китая и призывами к нейтралитету выступили газеты "Нью-Йорк дейли ньюс", "Филадельфия рекорд", "Вашингтон геральд" и другие. В редакционной статье в "Филадельфия рекорд" "Чего мы ждем в Китае?" говорилось о том, что такими действиями, как повышение зарплаты на 50 долларов морякам государственных судов, находившихся на Дальнем Востоке (надбавка для служащих в зоне военных действий.- Л.Р.), правительство уже признало состояние войны, но акт о нейтралитете не введен. Газете обвиняла правительство в защите интересов Великобритании. "Мы не хотим работать с Британией в урегулировании кризиса на Дальнем Востоке, такой союз только опасен. Акт о нейтралитете должен быть введен"²³).

Подобные призывы к отказу от защиты американских интересов в Китае вызвали возражения со стороны ряда буржуазных политиков. С письмом в "Вашингтон пост" обратился Генри Стивенсон, бывший государственный секретарь и военный министр. Стивенсон считал, что главным соперником США является Япония, что же касается Китая, то там нужно делать ставку на националистическое правительство Чан-Кай-ши, которое рассчитывает на поддержку американского капитала. "Если Япония будет продолжать действовать таким же образом, то на значительное время в северо-восточной Азии будет существовать очаг, чреватый серьезными угрозами нам и нашим интересам"²⁴). Зная огромную зависимость Японии от торговли, особенно с США и Англией, Стивенсон одним из первых предложил остановить агрессию совместными экономическими санкциями. Он призывал активно сотрудничать с Лигой Наций. Стивенсон выступал против заявления о нейтралитете, поскольку закон не учитывал разницы между агрессором и жертвой и не давал возможности защищать интересы страны на международной арене²⁵). С подобного рода обращением выступил доктор Уайт, бывший профессор и рек-

тор Шанхайского баптистского колледжа. Он считал, если не отнять давления на Японию, то "очень скоро вся азиатская торговля будет потеряна, так же как было в Манчжурии". Уайт требовал применения экономических санкций к Японии, считая, что если основные партнеры по торговле с Японией введут эмбарго, то этого будет достаточно, чтобы остановить японскую агрессию²⁶⁾.

Компартия США, многие профсоюзы, Американская лига против войны и фашизма и другие общественные организации выступили с требованием применения экономических санкций. В стране усилилось движение за бойкот японских товаров²⁷⁾.

В конгрессе с резким осуждением действий Японии выступил Питтман²⁸⁾. Конгрессмены Скотт и Льюис внесли резолюцию, которая дала бы президенту право применить экономические санкции против Японии вместе с другими нациями²⁹⁾. За применение экономических санкций выступал конгрессмен Ламбертсон, Роджерс и другие. С законопроектом, предлагавшим запретить продажу стратегических материалов агрессорам, выступил конгрессмен О'Коннелл³⁰⁾. Однако ни одна из этих резолюций не нашла необходимой поддержки в конгрессе.

Анализ выступлений конгрессменов по вопросам дальневосточной политики США в связи с агрессивной войной Японии против Китая показал, что борьба в конгрессе шла по двум основным направлениям: "изоляционистским" и "интернационалистским". "Изоляционисты" выступили против вмешательства США в эту войну, считали, что оно грозит столкновением с Японией, военно-морской флот которой превосходит силы США в Тихом океане. "Изоляционисты" требовали введения акта о нейтралитете по отношению к Японии и Китаю, вывода всех американских войск из Китая. Хотя применение этого акта существенно ослабило бы позиции США на Дальнем Востоке и лишило бы их возможности использовать какие-либо политические маневры в этом районе, а также способствовало укреплению японской агрессии в Китае. Выступления "изоляционистов" показывают, что они не были едины в мотивировках требования применения акта о нейтралитете. Большинство из них считало, что американские интересы в Китае незначительны, в нем заинтересованы Англия и Япония, поэтому вмешательство в события в Китае является защитой интересов Англии.

Другая часть "изоляционистов" признавала "обоснованность" японской агрессии, так как Япония "лишена сырьевых ресурсов". Этой точки зрения придерживались Рейнольдс, Кларк, Маверик. Они предлагали созвать международную конференцию, на которой великие державы могли бы договориться о переделе мира.

Най, Ландин, сенатор от Рабоче-фермерской партии Миннесоты и другие считали, что в самой Америке множество нерешенных проблем и не следует вмешиваться в международные дела, тратить средства на вооружение. Они предлагали запретить продажу оружия всем странам как во время войны, так и мира. Эта часть конгрессменов, в значительной степени выражала интересы буржуазии, не связанной с производством оружия, военных материалов, а также интересы фермерства Среднего Запада.

"Интернационалисты" выступили за проведение активной американской политики на Дальнем Востоке и в районах Тихого океана, они считали, что японскую агрессию необходимо остановить. "Интернационалисты" предлагали остановить японских агрессоров, применив экономические санкции совместно с другими великими державами.

К концу 1937 г. "изоляционистам" не удалось добиться применения акта о нейтралитете к Японии и Китаю, несмотря на многочисленные предложения и резолюции. Требования "интернационалистов" применить экономические санкции к Японии были слишком слабы и разрозненны, и дебаты по этому вопросу также закончились безрезультатно. Выгоду от этого извлекали, прежде всего, американские монополии, снабжавшие Японию военно-стратегическими материалами и сырьем, и Япония, которая продолжала захватывать все новые районы Китая. Единственным государством, оказавшим в это время китайскому народу большую помощь в борьбе против японской агрессии, был Советский Союз.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Congressional Record, v. 84, pt. 14, p. 3274.
- 2) Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке 1917-1945 гг. М., 1973, с. 123.
- 3) Peace and War. United States Foreign Policy 1931-1941. Wash., 1943, pp. 370-371.
- 4) Congressional Record, v. 81, pt. 7, p. 7862.
- 5) Ibid., v. 82, pt. 3, p. 578.
- 6) Ibid., pp. 578-581.
- 7) Ibid., v. 81, pt. 7, p. 7862.
- 8) Ibid., pp. 7919, 8178, 8990.
- 9) "Washington Post", July 31, 1937.
- 10) Papers Relating to the Foreign Relations 1937, v. 1, p. 345.
- 11) Grew J. Ten Years in Japan. N.Y., 1944, pp. 226, 306.
- 12) Blum Y. Roosevelt and Morgenthau. Boston, 1970, p. 216.
- 13) Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961, с. 75.
- 14) Congressional Record, v. 81, pt. 7, pp. 8178, 8940.
- 15) Ibid., p. 8516.
- 16) Ibid., v. 81, pt. 10, p. 2257.
- 17) Ibid., pp. 2257-2258.
- 18) Ibid., v. 81, pt. 11, pp. 2196-2197.
- 19) Ibid., v. 82, pt. 3, p. 96.
- 20) Ibid., v. 81, pt. 7, p. 8157.
- 21) Ibid., p. 8156.
- 22) Grew J. Op. cit., p. 236.
- 23) "Philadelphia Record", December 14, 1937.
- 24) Congressional Record, v. 82, pt. 3, p. 215.
- 25) Ibid., pp. 215-216.
- 26) Ibid., p. 592.
- 27) Севостьянов Г.Н. Указ. соч., с. 169-171.
- 28) Congressional Record, v. 82, pt. 2, p. 1453.
- 29) Ibid., v. 82, pt. 3, p. 108.
- 30) Севостьянов Г.В. Указ. соч., с. 172.

Б.С. ЛИГАЛОВ

АНГЛО-ЯПОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1917 г.

В феврале 1917 г. между Англией и Японией было заключено соглашение относительно раздѣла бывших германских владений на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Это соглашение явилось составной частью тайной дипломатии империалистов в годы первой мировой войны и имело далеко идущие международные последствия, укрепив позиции Японии как великой дальневосточной державы.

Обязательства, связанные с причинами появления и подготовки англо-японского соглашения 1917 г., не получили освещения в советской историографии. В буржуазной историографии до недавнего времени заключение этого соглашения объяснялось тем, что Англия очень нуждалась в помощи японского флота в борьбе против немецких подводных лодок и вынужденно была только под влиянием этих трудных обстоятельств пойти на уступку притязаниям Японии в отношении германских владений. Этот тезис впервые был высказан английским премьер-министром Ллойд Джорджем на Парижской мирной конференции при обсуждении Шаньдунского вопроса¹⁾. Однако появившиеся в последнее время работы, основанные на новом фактическом материале, почерпнутом из секретных архивов правительственных учреждений Великобритании, свидетельствуют, что англо-японское соглашение 1917 г. имело свои предпосылки и явилось важной составной частью дальневосточной политики Англии тех лет.²⁾

Как известно, намерение Японии вступить в войну с Германией было встречено в Лондоне со смешанным чувством. Английское адмиралтейство было заинтересовано в помощи японского флота в борьбе с эскадрой немецкого адмирала фон Шпее, находившейся в дальневосточных водах. Однако политические последствия вступления Японии в войну были для Англии не выгодными, поскольку это способствовало бы усилению японского влияния на Дальнем Востоке. Английский посланник в Пекине Джордан сообщил в Лондон 9 августа 1914 г.: "Вступление Японии в войну... подвергнет опасности стабильность существующего в Китае режима, не говоря уже о неизбежном

воздействию, которое оно окажет на наше политическое влияние в Китае в будущем и наш престиж в Азии в целом ³⁾. Это понимал и Грей, министр иностранных дел Англии, который в беседах с японским послом предостерегал его от захвата арендованной Германией китайской территории на Шаньдуне и убеждал, что операции японского флота должны быть ограничены Китайским морем и морскими коммуникациями, ведущими на запад ⁴⁾.

В Токио отказывались признавать какое-либо ограничение пределов действия японских вооруженных сил. В октябре – начале ноября 1914 г. японцы овладели германскими островами к северу от экватора, арендованной территорией Цзяочжоу с портом Циндао и Шаньдунской железной дорогой. На том война против Германии на Дальнем Востоке закончилась. Встал вопрос о судьбе бывших германских владений.

Правительство Англии знало, что японцы будут требовать своей доли захваченных владений. 19 августа 1914 г., через несколько дней после предъявления Японией ультиматума Германии, Грей записывал: "Невозможно предположить, что Япония будет проливать кровь и тратить свои средства в Цзяочжоу, не получив ничего за это..." ⁵⁾

Перспектива перехода островов Тихого океана в руки Японии с самого начала войны вызвала беспокойство правящих кругов Англии и особенно доминионов – Австралии и Новой Зеландии. Британская империя не склонна была уступать важные в стратегическом отношении территории в Тихом океане. Часть бывших германских владений (Самоа, часть Новой Гвинеи) были захвачены новозеландскими и австралийскими войсками в конце августа – начале сентября 1914 г. Австралия была готова двинуться и севернее экватора, выразив намерение оккупировать важный центр коммуникаций о. Яп. Японские власти вначале не возражали против этого, но уже 1 декабря 1914 г. министр иностранных дел Като сообщил Грею, что Япония не может допустить высадки австралийских войск севернее экватора ⁶⁾. Захватом о. Науру, лежащего почти на экваторе, завершились действия австралийских войск на Тихом океане.

Так, к середине ноября 1914 г. сложилась фактическая линия раздела бывших германских владений по экватору между Японией и Британской империей.

В последующий период японское правительство настойчиво требовало от Англии признания окончательного перехода к Японии «деланных ею приобретений». 1 декабря 1914 г. английский посол в Токио Грей сообщал, что японские власти «будут настаивать на оставлении за Японией навсегда всех германских островов к северу от экватора и полагаются на английскую поддержку в этом»¹⁾.

Со своей стороны, правительство Англии отнекивалось затормозить оформление подобного соглашения, оставить его на послевоенное урегулирование, не ухудшая одновременно и отношения со своим дальневосточным соперником. В первые месяцы после вступления Японии в войну Грей уклонялся от твердых заверений японцам, что они сохранят за собой завоеванные территории. Но неизбежность определенных уступок была очевидной. Тот же Грей 17 декабря 1914 г. отмечал: "...Япония должна получить компенсацию после войны, пропорциональную ее вкладу"²⁾. Правительственные круги Лондона определяли свое отношение к японским предложениям в условиях роста антияпонских настроений в Австралии и Новой Зеландии. Проведение Японии в одном направлении тревожило власти доминионов, а расширение ее экспансии на азиатском континенте — английскую администрацию в Индии. Лондону пришлось более обстоятельно разъяснять свою позицию по данному вопросу. В секретной телеграмме министра колоний генерал-губернатору Австралии Фергисону от 3 декабря 1914 г. говорилось, что английское правительство стремится возможным сохранить под японской оккупацией Марианские, Каролинские и маршалловы острова, "оставив решение вопроса о будущем этих островов до конца войны".

Через несколько дней в новой телеграмме Фергисону министр колоний доверительно разъяснял сложившуюся ситуацию. Английский флот занят в европейских водах, Атлантике и Индийском океане. Не имея достаточно сил на Тихом океане, Англия вынуждена просить помощи у Японии. Предполагается, что японский флот в будущем будет использован на европейском театре военных действий. Японцы требуют себе тихоокеанские острова к северу от экватора. "Безусловно, мы должны решительно отказаться дать в настоящее время какую-нибудь уступку подобным требованиям. Наши отношения ко всему этому следующие: все территориальные вопросы должны быть решены в статьях мирного

го договора и не ранее". Но, продолжал министр колоний, невозможно в настоящий момент ссориться с нашим союзником. К такому результату привела бы сейчас "любая попытка дипломатическими средствами вытеснить японцев с этих островов"⁹⁾.

Дальнейшее развертывание японской экспансии на Дальнем Востоке, предъявление "21 требования" к Китаю в январе 1915 г. усилили беспокойство в Австралии и Новой Зеландии. В Лондон шли требования воспрепятствовать утверждению Японии на тихоокеанских островах. Подчермгалось, что если острова к северу от экватора останутся у японцев, они не должны укрепляться и не могли бы быть превращены в угольные станции и военно-морские базы Японии. Генерал-губернатор Австралии Фергюсон писал в министерство колоний, что Япония идет по стопам Германии, "намереваясь стать доминирующей державой" на Дальнем Востоке¹⁰⁾.

Правда, в Форин Оффис не вполне разделяли эти опасения, считая их преувеличенными ("...единственное, чего японцы хотят в Австралии и Новой Зеландии, это доступа туда японских рабочих для заработка", - говорилось в одном официальном документе этого ведомства), но были уверены, что путь к мирному урегулированию на Дальнем Востоке будет достаточно "тернистым"¹¹⁾. Правительство Англии было более обеспокоено возможным проникновением японцев в Индию. В мае 1916 г. министр по делам Индии С. Чемберлен представил правительству два документа: "Деятельность японцев в Китае и Индии", подготовленный генерал-г-м штабом, и "Японская политика и ее влияние на Индию", подготовленный министерством иностранных дел Индии. Оба документа содержали тревожащую британские правящие круги информацию.

Чем больше Англия увязала в войне в Европе и ослабевала на Дальнем Востоке, тем настойчивее деливались японские руководители признания права Японии на захваченные территории. При этом они шли на прямой шантаж, угрожая выйти из войны с Германией и заключить с ней союз.

В Японии не скрывали прогерманских настроений, надеясь получить выгоды от обеих враждующих сторон. В начале 1915 г. в Пекине и Стокгольме имели место контакты германских и японских представителей. В марте 1916 г. эти переговоры были

поодолжены в Стокгольме Германия соглашалась признать переход к Японии своих бывших владений в Шаньдуне и на Тихом океане, предоставить Японии свободу рук в Китае. Японское правительство не скрывало эти факты от стран Антанты. Оно теперь могло требовать от своих союзников то, что Японии обещали в Берлине. Просачивание в прессу сведений о характере германских мирных предложений Японии привело к прекращению этих секретных переговоров¹²⁾. Но основная цель, которую преследовали японские правящие круги, была достигнута: в Лондоне и Париже теперь знают, что необходимы новые уступки Японии.

Премьер-министр Австралии Биз вспоминал впоследствии о своем разговоре с Греем в 1916 г. На упреки Биза в уступчивости англичан Японии и игнорировании австралийских интересов Грей рассказал, что незадолго до этого японский посол заявил ему, что если аннексия тихоокеанских островов Японией не будет признана Великобританией, то Япония немедленно вступит в союз с Германией¹³⁾.

По мнению некоторых буржуазных историков именно японо-германские контакты в 1916 г. сыграли важнейшую роль в заключении англо-японского соглашения в феврале 1917 г.¹⁴⁾

На изменение отношения английского правительства к требованиям Японии определенное влияние оказал военно-политический кризис, в котором оказалась Англия в конце 1916 - начале 1917 гг. Исход войны казался неопределенным. Острые противоречия раздирали правящий лагерь Великобритании. 7 декабря 1916 г. было создано новое коалиционное правительство во главе с Ллойд Джорджем. Для консолидации всех сил Британской империи он объявил о формировании Имперского военного кабинета, в состав которого, наряду с членами британского кабинета, вошли главы правительств доминионов и представители Индии. Это свидетельствовало об изменении положения в самой империи, возростании роли доминионов, которые отныне принимали участие в выработке кардинальных проблем политики и стратегии.

Особенно острой стала проблема борьбы с немецкими подводными лодками. 1 февраля 1917 г. Германия объявила неограниченную подводную войну. Английский флот нес огромные потери. Ллойд Джордж писал позднее в своих мемуарах: "...мы были очень напуганы этим новым оборотом войны..."¹⁵⁾ Англий-

ский торговый флот потерял только за один 1916 г. судов общим тоннажем 1237 тыс. тонн, что составляло всего около 1/5 довоенного британского торгового флота. Потери английского флота за первую половину 1917 г. составили 2136 тыс. тонн. Резко ухудшилось вследствие этого снабжение Англии продовольствием и сырьем. Английский импорт в марте 1917 г. составил 2,5 млн. тонн по сравнению с 3,5 млн. тонн в марте 1916 г.¹⁶ Положение во Франции и особенно в России, главных военных союзниках Англии, было не менее серьезным. Пессимистические настроения охватили правящие круги Великобритании. Видный член Военного кабинета лорд Мильнер после посещения России в начале 1917 г. пришел к выводу о невозможности разгрома Германии на полях сражений¹⁷).

Идея более широкого привлечения Японии к участию в войне полчает поддержку у руководителей английского правительства. Подобный курс был бы невозможен без новых уступок Японии. В феврале 1916 г. Грей писал в памятной записке, что сохранение англо-японского союза невозможно, если Англия будет препятствовать экономической экспансии Японии на Дальнем Востоке или если Англия вознамерится захватить германские концессии в Китае, как это сделано с германскими владениями в Африке¹⁸). Эта же мысль содержалась в подготовленном в феврале 1916 г. дальневосточным отделом Форин-оффиса меморандуме о развитии дальнейшего сотрудничества Англии и Японии. Главная идея документа состояла в том, что притязания Японии в Китае должны быть удовлетворены частью германских интересов в этой стране.

Выражая готовность уступить Японии германские владения в Китае, английские правящие круги стремились таким образом отвлечь экспансию Японии от Индии. Комментируя подготовленный министерством по делам Индии меморандум о деятельности японцев, личный секретарь Грея Эрик Друммонд, будущий генеральный секретарь Лиги наций, подчеркивал, что "если мы желаем сохранить хорошие отношения с Японией, то должны позволить ей расширять свою экспансию в Китае, который является наиболее подходящим местом для этого". Против этих слов Друммонда сам Грей написал на полях: "Я полностью разделяю это мнение"¹⁹).

Но были и противники политики уступок Японии. К их числу принадлежал английский посланник в Пекине Джордан, наиболее авторитетная фигура английской дипломатической службы на Дальнем Востоке. 15 февраля 1916 г. Джордан писал Грей, что подобная политика представляется ему совершенно нереальной, основанной на неверной оценке существующего политического положения в Китае. Китайцы, отвечал он, скорее предпочтут видеть германские концессии возвращенными Германией, чем переданными Японии. "Не должно забывать", — подчеркивал посланник, — что "имущество", которое предполагают делить, является либо китайской собственностью, либо в крайнем случае землей, на которую Китай принадлежит суверенные права". Эти возражения вызвали недовольство Грея. И хотя в условиях, когда японская пресса вела яростную кампанию против английского посланника в Китае, он не решился сменить 64-летнего диплома²⁰, с Джорданом уже не советовались при заключении соглашения с Японией в феврале 1917 г., и он вообще не был информирован о содержании этого соглашения²⁰).

Курс Грея на сближение с Японией за счет Китая и бывших германских владений на Тихоокеане был продолжен Бальфуром, ставшим с сентября 1916 г. министром иностранных дел Англии, и поддержан британским кабинетом в целом. В августе 1916 г. был создан подкомитет Комитета имперской обороны для обсуждения проблем будущего тех вражеских территорий, которые были захвачены британскими войсками. Подкомитет должен был определить, что отдать союзникам в качестве их доли за участие в войне, что оставить для торга с Германией, если не удастся добиться полной победы. Тогда же, в августе 1916 г., Грей заверил японского посла, что общие проблемы в связи с войной будут разрабатываться теперь союзниками только с участием Японии и что "Англия будет консультироваться с ней по всем вопросам политики к востоку от Малой Азии"²¹). Оказывалось давление на правительства доминионов, которые боялись экспансии Японии. 1 февраля 1917 г. министр колоний Лонг телеграфировал генерал-губернатору Австралии Фергюсону: "Практически невозможно заставить Японию отказаться от островов к северу от экватора"²²).

Последний шаг к достижению англо-японского соглашения был сделан в январе 1917 г., в "критическое" для Англии время. Английское правительство обратилось к Японии с

просьбой перебросить флотилию эсминцев в Средиземное море на Мальту для борьбы с подводными лодками противника и четыре легких крейсера в Кейптаун для борьбы с немецкими рейдерами в южной Атлантике. 2 февраля 1917 г. японское правительство согласилось на это, но напомнило, что Грей еще в начале войны давал определенные обещания относительно германских владений на Дальнем Востоке. 5 февраля английский кабинет обсудил эту проблему и пришел к выводу о необходимости пойти на соглашение с Японией. Наибольшие сомнения вызывал вопрос о тихоокеанских островах. На передачу германских владений на Шаньдуне Япония английские министры согласились без особых колебаний²³.

Идя на соглашение по дальневосточным вопросам с Японией, английское правительство, помимо получения дополнительной военной мощи от Японии, преследовало и другие цели. Британский империализм стремился закрепить за собой захваченные германские владения в южной части Тихого океана. На первом заседании Имперского военного кабинета представители доминионов выступили против возвращения завоеванных колоний Германии. И хотя английский премьер-министр Ллойд Джордж демагогически заявил о незаинтересованности Англии в приобретении новых колоний, а пресса писала об освободительной миссии англичан, австралийцев и новозеландцев и защите ими интересов "цветных" народов, империалистический характер притязаний Великобритании и ее доминионов на острова южнее экватора не подлежит сомнению. Сделка с Японией должна была "закрепить" права Британской империи на эти острова.

Подписание соглашения с японским правительством имело своей целью устранение США от решения судьбы германских дальневосточных владений. Англо-американские отношения к этому времени ухудшились. В Англии считали большей помощью от США, возмущались возражениями президента Вильсона против блокады Германии. "К началу 1917 г., - писал биограф американского президента, - обе страны, казалось, находились накануне разрыва"²⁴). 3 февраля 1917 г. США порвали дипломатические отношения с Германией. На Дальнем Востоке складывалась новая ситуация. Участие США в войне делало невозможным решение судьбы германских владений без их участия.

Поэтому Англия стремилась урегулировать вопрос с Японией до вступления в войну Соединенных Штатов. 5 февраля 1917 г. английский кабинет пришел к выводу, что "возможное вступление в войну Соединенных Штатов усиливает необходимость скорейшего решения споров относительно Японии, Шаньдун и оккупированных островов к северу от экватора для того, чтобы избежать переговоров по данной проблеме еще с одной державой"²⁵). Еще больше оснований спешить было у японской стороны: Государственный секретарь США Лансинг заявил японскому послу 29 января 1917 г., что "США никогда не признавали, что Германия имела специальные интересы в Шаньдуне, и не признает, что Япония владеет какими-нибудь из этих прав в данной провинции Китая"²⁶).

Англо-японское соглашение было оформлено в виде обменной ноты. В ноте британского посла в Токио от 16 февраля 1917 г. было заявлено, что правительство Англии "поддерживает японские притязания по вопросу о распоряжении правами Германии в Шаньдуне и ее островных владениях к северу от экватора во время мирной конференции; при чем резюмируется, что японское правительство при установлении мира будет в таком же духе относиться к притязаниям Великобритании на германские острова к югу от экватора"²⁷).

В своих нотках в ответ на соответствующий японский меморандум посольство России 20 февраля и посольство Франции 1 марта 1917 г. выразили согласие своих правительств поддержать притязания Японии на мирной конференции.

21 февраля 1917 г. министр иностранных дел Японии Мотоо информировал английского посла в Токио, что Япония поддерживает британские притязания на германские острова к югу от экватора на мирной конференции²⁸).

Заключенное соглашение представляло собой империалистическую сделку, направленную против интересов народов Дальнего Востока. Наибольшие выгоды от соглашения получила Япония, это была ее дипломатическая победа. Цели, которые ставила японская империалистическая дипломатия, вступая в первую мировую войну, фактически были достигнуты. Получив поддержку Англии и Франции, японская дипломатия могла смело идти на мирную конференцию.

Соглашение в феврале 1917 г. с Японией свидетельствовало об ослаблении роли Англии как дальневосточной державы.

Это выразилось в уступке Японии очень важных в стратегическом отношении островов Тихого океана. Слабость Англии проявилась и в том, что от Японии потребовали поддержки не всех английских требований к Германии на Буайской мирной конференции, а лишь требований в отношении тихоокеанских островов южнее экватора. Тогда как Англия обязалась поддержать все требования Японии к Германии²⁹).

Англо-японское соглашение 1917 г. пережило Парижскую мирную конференцию и Вашингтонскую конференцию (лишь по Шаньдунскому вопросу японцы вынуждены были уступить). Владение тихоокеанскими островами облегчило Японии подготовку и развязывание второй мировой войны на Дальнем Востоке. Свою долю ответственности за это несет английский империализм. И не прав американский историк У. Льюис, утверждавший, что согласие Англии на захват Японией тихоокеанских островов и Шаньдуна ничего не меняло, ибо выпроводить-де японцев оттуда было невозможно³⁰). Этот акт английской дипломатии отражал своекорыстную, империалистическую, враждебную интересам народов Китая и тихоокеанских островов политику британского империализма.

Только в Каирской декларации 1943 г. главы правительств США, Англии и Китая заявили о своем намерении лишить Японии захваченных ею после первой мировой войны островов Тихого океана.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Paris Peace Conference, v. 7, p. 139.
- 2) Louis W.R. Great Britain and German's lost colonies. 1914-1919. Oxford, 1967; Dignan D. New perspectives on British Far Eastern policy, 1913-1919. "University of Queensland Papers", v. 1, n. 5, January 1969, Brisbane.
- 3) Lowe P. Great Britain and Japan 1911-1915. L., 1969, p. 183.
- 4) Field R.H. Woodrow Wilson and Far East. Hamden (Conn.), 1965, pp. 19-20.
- 5) Louis W.R. Op.cit., p. 39.
- 6) Nish I. Alliance in Decline. A study in Anglo-Japanese Relations, 1908-1923. Oxford, 1972, p. 144.
- 7) Louis W.R. Op.cit., p. 40.
- 8) Ibidem, p. 40.
- 9) Ibid., pp. 41-42.
- 10) Ibid., p. 46.
- 11) Ibid., p. 44.
- 12) Irlé F.W. Japanese-German peace negotiations during World War I. "The American Historical Review", v. 71, n. 1, October 1965.
- 13) Field R.H. Op.cit., p. 60.
- 14) Rothwell V.H. British war aims and peace diplomacy 1914-1918. Oxford, 1971, p. 31; Irlé F.W. Op.cit.
- 15) Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. III, М., 1935, с. 68.
- 16) Lord Hankey. The Supreme Command, 1914-1918. v. 2. L., 1961, pp. 639, 643, 653.
- 17) Gollin A.M. Proconsul in Politics. A study of Lord Milner in Opposition and in Power. L., 1964, p. 529.
- 18) Dignan D. Op.cit., p. 283.
- 19) Ibid., p. 289.
- 20) Ibid., pp. 283-284.
- 21) Rothwell V.H. Op.cit., p. 31.
- 22) Louis W.R. Op.cit., p. 70.
- 23) Nish I. Op.cit., pp. 203-207.
- 24) Link A.S. President Wilson and his English Critics. Oxford, 1959, p. 6.
- 25) Dignan D. Op.cit., p. 268.

26) Fifield R.H. Op.cit., pp.53-54. Подробнее о позиции США по дальневосточным проблемам см.: Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906-1917 гг. Томск, 1964.

27) Гримм Э.П./сост./ Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке/1842-1925/. М., с.192.

28) Fifield R.H. Op.cit., p.54.

29) Rothwell V.H. Op.cit., p.68.

30) Louis W.R. Op.cit., p.79.

Г. А. МУХИНА

ФРАНКО-ЯПОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1907 г.
ПРИНЦИПЫ, СУЩНОСТЬ И ОППОЗИЦИЯ

После русско-японской войны борьба империалистических держав на Дальнем Востоке заметно усилилась. Она развивалась в новой обстановке стремительного назревания мировой войны. Перегруппировка европейских держав, революция 1905-1907 гг. в России и пробуждение Азии - таковы были важные перемены в мире.

Резкое обострение англо-франко-германского соперничества в Европе определило расстановку сил на Дальнем Востоке: вызвало к жизни заключение франко-японского соглашения 1907 г., а затем русско-японского и англо-русского¹⁾.

Статья преследует ограниченную задачу - выявить смысл принятых обеими державами обязательств, отношение к соглашению правящих, заинтересованных и оппозиционных кругов Франции и частично Японии и Китая.

Китай стал главным объектом франко-японского соглашения 10 июля 1907 г. Обе державы договорились поддерживать принцип целостности и независимости Китая, "равенства прав" в торговле. В соглашении отмечалось, что Франция и Япония, "заинтересованные в том, чтобы порядок и мирное содействие были гарантированы, в частности, в областях китайской империи, соседних с территориями, в которых они имеют право суверенитета, протектората или оккупации, взаимно обязуются поддерживать друг друга в целях обеспечения мира и безопасности в этих областях, в целях сохранения соответствующего положения и территориальных прав, договорами валившихся сторон на азиатском континенте"²⁾.

Это соглашение носило ярко выраженный империалистический характер. Обе державы провозгласили неоспоримость своих прав в собственных сферах влияния в Китае. Соглашение было враждебно Китаю, было направлено против него. Особенно в этом убеждает предстория соглашения, когда обе стороны обсуждали его проект, стремясь договориться между собой за счет Китая.

По свидетельству французского историка П. Ренувена, в результате обмена секретными нотами между договаривающимися сторонами, Франция признала существование японской зоны влияния в южной Маньчжурии, части Монголии и провинции Фуцзянь, а Япония, в свою очередь, обещала не угрожать Индокитаю и признавала "специальное положение", полученное Францией в 1897-1898 гг. в трех провинциях Южного Китая³⁾.

Косвенное упоминание о французской ноте имеется еще в документе, подготовленном на Кэ д'Орсе в 1912 г. В нем указывалось, что французское правительство "имело неосторожность вдохновить территориальные домогательства Японии в Фуцзяне." Здесь же было высказано сожаление по этому поводу, так как Япония после войны с Россией и без того получила большие льготы от раздела Китая⁴⁾.

Французская дипломатическая переписка 1906-1907 гг. дает довольно богатые сведения о франко-японскомговоре за счет Китая. Анализ ее содержания позволяет выделить главный объект разногласий между Японией и Францией, которые выявлялись по мере обсуждения проектов соглашения. Борьба за господство в Южном Китае - вот основной смысл противоречий между этими державами. Борьба за экономический раздел Китая делала партнеров неуступчивыми.

Знаменательна в этом отношении пометка, сделанная министром иностранных дел Пишоном на донесении французского посла Жерара от 3 мая 1907 г. Здесь откровенно говорилось об истинных целях французского империализма в Китае: признании своих "прав" в обмен на признание японских претензий в Китае. Пишон писал: "В целом не следует предпринимать ничего такого, что могло бы быть истолковано как возврат к политике сфер влияния в Китае, но, разумеется, мы могли бы упомянуть Фуцзянь среди китайских провинций, соседних с японскими владениями, так же, как мы могли бы, со своей стороны, упомянуть Гуанси, Юньнань и остров Хайнань".

Однако французские правящие круги намеревались ограничиться договором общего характера, обойтись, по возможности, без конкретных упоминаний территорий, на которые претендовали обе державы в Китае. Это пояснил Пишон: "Бы-

до бы рискованно возродить идеи раскола Китая на сферы влияния...»⁶⁾

Равносильны ли было такое заявление отказу Франции от политики сфер влияния? Разумеется, нет. Такие аргументы французская дипломатия выдвигала лишь против японских притязаний на провинцию Фуцзянь.

Как раз японское правительство настаивало на включение в текст секретной ноты следующего положения: "Япония имеет специальные интересы в провинции Фуцзянь и особо заинтересована в поддержании порядка и мирного состояния этой провинции"⁷⁾. Как видно отсюда, территориальные притязания Японии дополнялись и намерением монополизировать функции жандарма в этом районе.

Идея обмена секретными нотами принадлежала Японии, ибо ее не удовлетворял текст политического соглашения. Он был составлен в очень общих выражениях и поэтому не мог быть истолкован в пользу японских притязаний в юго-восточном Китае.

Для обоснования "законности" своих экспансионистских планов японская дипломатия выдвинула принцип "соседства". Рассчитывая на взаимность, министр иностранных дел Хаяси просил французское правительство признать специальные интересы Японии в Фуцзяни как области, "смежной с Формозой и Пескадорскими островами" (принадлежавшими Японии) и занимавшей по отношению к Японии такое же положение, как три провинции Южного Китая к французскому Индокитаю. Одновременно Япония прямо признавала "специальное положение" Франции в этих провинциях и в обмен на это требовала от последней принятия своей секретной ноты. Кроме того, японское правительство заверяло Париж и в том, что французские интересы в Фуцзяни (арсенал в Фуцжоу, французская горнодобывающая концессия) будут гарантированы⁸⁾.

Французская дипломатия отвергала японские претензии на указанную провинцию. Пашон квалифицировал их как нарушение принципа "целостности" Китая и, соглашаясь на обмен нотами, настаивал на исключении первого образца японской секретной ноты, то есть самого упоминания о "специальных интересах" Японии в Фуцзяни. Поль Камбон считал, "что было бы предпочтительным совсем исключить проект японской секретной ноты",

так как "всякое упоминание о Фуцзяне могло быть несомненно истолковано как притязание японских домогательств на эту провинцию"⁹).

Но не интересами Китая руководствовалось правительство Франции, выступая против японских происков в Фуцзяни. Речь шла об укреплении собственных позиций Франции. Замыслил Япония распространить свое влияние на территорию юго-западного Китая противоречили интересам французского империализма. Появление японцев в непосредственной близости от французских колониальных владений в Индокитае и французской сферы влияния в южных китайских провинциях, несомненно, внушало Франции тревогу. В частности, колониальные круги французского Индокитая были особенно заинтересованы в том, чтобы японская экспансия была ограничена северными провинциями Китая, ибо такая ориентация способствовала, по их мнению, хотя бы временному ослаблению опасности для Индокитая со стороны Японии.

Вместе с тем, Писон не хотел решать вопрос без предварительных консультаций с Лондоном. По его поручению Поль Камбон ознакомил английского министра иностранных дел Грея с японскими проектами соглашения и секретной ноты.

В беседе с французским послом Грей назвал оба документа противоречивыми, взаимно исключаящими друг друга. Он высказался против японской ноты и предложил объединить эти документы в один или найти общее выражение, которое было бы применимо и к провинции Фуцзянь¹⁰). Очевидно, в этом гнени нашло отражение раздражение Англии, которое вызвала у нее активность Японии в Китае в целом и в Фуцзяне — в частности — области близ английской сферы влияния (долина реки Янцай).

Немаловажное значение для французского правительства имело общественное мнение, с которым дипломатия вынуждена была считаться. Парижский кабинет старался "избегать всяких объяснений" в парламенте по поводу франко-японского соглашения¹¹). Действительно, в палате депутатов, все прошло "гладко", как этого хотело французское правительство. 17 июня 190 г. депутат Бони де Кастеллян потребовал у правительства объяснения относительно причин, выз-

вавших к жизни заключение франко-японского соглашения. Депутат рассматривал соглашение в единстве с "сердечным согласием" и русско-французским союзом. Он отмечал, что франко-японский пакт, "устраняя всякую возможную угрозу для Индокитая", служит гарантией французского господства в этой части света, но сомневался в целесообразности соглашения. По его мнению, англо-японский договор в достаточной степени гарантировал безопасность французского Индокитая и вообще французские интересы на Дальнем Востоке.

Последовавшее выступление министра иностранных дел Пишона удовлетворило парламент, не вызвав никаких сомнений. Пишон говорил "о глубоко миролюбивом" характере заключенного соглашения, подчеркивал его значение для Индокитая и его международное значение. Он особо отметил, что соглашение тесно связано с русско-японскими переговорами, англо-японским союзом, "сердечным согласием" и русско-французским союзом, с одной стороны, и не противоречит политике Германии, Австрии, Италии и США, добивающихся экономического равенства держав в Китае — с другой¹²⁾. Такие заверения Пишона призваны были создать впечатление, что французская дипломатия на Дальнем Востоке выполняла миссию мира, содействовала ослаблению напряженности в этом районе. Касаясь "целесообразности" заключения франко-японского соглашения, Пишон не смог скрыть антикитайский характер подписанного Францией соглашения и подчеркнул "преобладающую роль" Японии среди "всех цивилизованных наций в борьбе против китайских инсургентов" в 1900 году¹³⁾.

Таким образом, Франция видела в Японии оплот империализма на Дальнем Востоке, главное орудие для подавления революционного движения в Китае и упрочения его полуколониального положения. Начавшееся пробуждение Азии всколыхнуло Китай. В.И. Ленин, с мечая обилие вестей "о мятежах в различных местностях Китая" и отсутствие определенных сведений о революционном движении, признавал тем не менее "сильный рост "нового духа" и "европейских веяний" в Китае, особенно после русско-японской войны", и с уверенностью говорил о неизбежности перехода "старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение"¹⁴⁾.

Однако и вся французская пресса разделяла оптимизм Пигюна насчет Японии как ударной контрреволюционной силы против Китая. Напротив, в печати высказывались опасения на тот счет, что Япония станет гегемоном в Азии если ей вновь придется выступить против китайских повстанцев. Журнал "Ази франсэз" писал: "Если Китай вновь окажется в состоянии анархии, интервенция держав станет неизбежной. В результате, Япония займет господствующее положение, что, в свою очередь, может привести к возникновению конфликта в Европе"¹⁵). В этих словах звучала тревога французской буржуазии, озабоченной непрочностью и шаткостью своих позиций в Китае и опасавшейся здесь дальнейшего усиления японского влияния. "Ази франсэз" отмечал, что Япония абсолютно не нуждалась во французских гарантиях ее владений в Китае; она подписала соглашение, руководствуясь следующими соображениями: "Усилить свое влияние среди цивилизованных держав" и главное—"открыть французский финансовый рынок". Таким образом, колониальная французская пресса не заблуждалась относительно реальной стоимости франко-японского соглашения, хотя и отмечала, что "на какой-то период времени политика Японии не будет беспокоить Францию"¹⁶).

Именно интересы французского капитала, действовавшего в Китае, выражала колониальная французская пресса, когда выступала с требованием использовать японскую дипломатию в Пекине с той целью, чтобы Франция получила в Китае какие-либо экономические преимущества. Японское содействие, о котором писала пресса, рассматривалось здесь как плата за открытие для Токио французского финансового рынка¹⁷). Французская буржуазия стремилась извлечь максимальные выгоды из франко-японского соглашения для усиления своих позиций на Дальнем Востоке в целом.

Соглашение отвечало прежде всего интересам крупного финансового капитала Франции как в политическом, так и экономическом аспекте. Во-первых, для французского империализма было очень важно избежать возникновения нового дальневосточного кризиса, а во-вторых, втянуть Японию в сферу операций своего денежного рынка. Не случайно в конце лета 1907 г. представитель Парижско-Нидерландского банка совершил поездку в Японию с тем, чтобы прозондировать почву для создания франко-японского банка или специального агентства, призванного

играть роль постоянного посредника между финансовыми биржами обеих держав¹⁸). Такой банк был открыт в 1912 г. В японских займовых операциях были заинтересованы крупнейшие парижские банки: финансовый дом Ротшильдов, Лионский кредит, Парижско-Нидерландский банк, Генеральное общество. Эти банки приняли участие в японской 4%-ном займе 1910 г. (400 млн. франков), предназначавшемся для погашения внутреннего японского 5%-ного займа периода русско-японской войны. В результате конкуренции между банками на первое место среди них вышел финансовый дом Ротшильдов, на долю которого выпало 2/3 указанного займа¹⁹).

Среди колониальных кругов французского Индокитаея не было единодушия в отношении оценки франко-японского соглашения. С одной стороны, они рассматривали осуществление принципов статус-кво и "целостности" Китая как главное условие для безопасности Индокитаея. Слабость французской армии и флота в Индокитаея заставляла эти круги возлагать особую надежду, как писал Дорьян в 1906 г., на "игру политических комбинаций", то есть на блок с Англией и Японией на Дальнем Востоке, а также на осуществление и действий военного характера: усиление французского флота в этом районе, укрепление оборонительных сооружений Сайгона и проведение стратегических железных дорог в Индокитаея²⁰). Вот почему французская военная пресса с удовольствием восприняла подготавливаемый франко-японский договор. "Франс милитэр" писал о его значении: "Союз с Японией создает исключительно выгодное положение для Франции на Дальнем Востоке, такое положение вряд ли станет когда-нибудь еще возможным. Он позволит Франции вплотную заняться внутренними проблемами Индокитаея, чтобы довести до конца дело колонизации"²¹).

Французская буржуазия Индокитаея рассматривала союз в качестве необходимого внешнего условия - благоприятного для усиления своих колониальных позиций. Благодаря соглашению, Французский Индокитаея смог сократить свои военные расходы: часть военных кораблей была отозвана из Сайгона в Европу, приостановлены фортификационные работы в Кохинчине, сокращен оккупационный индокитайский корпус.

Но с другой стороны, среди французской буржуазии, имевшей интересы в Индокитаея, высказывалось и недовольство соглашением с Японией. Существовало мнение, что "львиная доля

добытаась японцам", а "для французов соглашение не дало никакого положительного результата"²²⁾.

Именно эти настроения выразил французский автор Анри Лябру, когда писал, с иронией отзываясь о результатах соглашения: "Японцы получили 5% -ный заем, который был размещен на парижском рынке... Французам оставалось только любоваться орденом "ризантемы, которым японцы наградили французского президента... Французы показали себя щедрыми рыцарями. Япония же извлекла пользу... И с экономической, и с политической точки зрения, Франция дала Японии гораздо больше, чем получила от нее взамен"²³⁾.

Особое нареkanie высказали французские коммерсанты, недовольные подписанием торговой декларации, которое состоялось одновременно с заключением политического франко-японского соглашения 10 июня 1907 г. Декларация предусматривала в дальнейшем заключение нового торгового договора. А пока лишь намечала как для японцев в Индокитае, так и для представителей Индокитая в Японии: применение режима наиболее благоприятствующей нации²⁴⁾. В результате, японцы должны были получить в Индокитае такие же права, как европейцы.

Колониальные круги французского Индокитая отвергали этот принцип декларации, протестовали против предоставления японцам "свободного въезда в Индокитай", передвижения и торговли в его пределах..., так как это позволяло японским купцам и торговцам усилить свою активность в морских портах и внутри страны"²⁵⁾.

Торговая декларация затрагивала насущные экономические интересы французской колониальной буржуазии. Именно поэтому во французских переговорах 1907 г. наряду с "проблемой" Фуцзяни: разработка принципов коммерческих отношений превратилась также в "особо дискуссионный вопрос". Не случайно французская сторона старалась составить ее так, "чтобы избежать любых запросов в парламенте и не допустить затягивания вопроса и осложнений". Так сообщал Жерару Пшон в телеграмме от 17 мая 1907 г.²⁶⁾ 17 июня он выступил в парламенте. Информировав депутатов о торговой декларации, Пшон ограничился только пересказом ее содержания, не комментируя и не оценивая документ. Таким образом, Япония добилаь того, что Франция признала ее равноправным коммерческим партне-

ром в собственной колонии, столь удаленной от Европы и столь близкой к японским островам, правда, это был только принцип, а не сам договор. Но для Японии это была победа, хотя она добивалась большего: распространение режима наибольшего благоприятствования не только для торговли, но и для своей навигации и промышленности (осуществить эти задачи Токио удалось во время второй мировой войны)²⁷).

Действия Японии были неразрывно связаны с ее экспансионистскими планами в Юго-Восточной Азии: не только в отношении Индокитае, но и Китая. Так, японская сторона настаивала на изменении текста декларации, ранее одобренного Курино, ее послом в Париже. Окончательный вариант документа доделывался в Токио, и предметом многих бесед Марара с Хаяси был как раз вопрос о принципе наибольшего благоприятствования. 27 мая Хаяси представил новую редакцию декларации, откуда он исключил все территории, где Япония имела права суверенитета, протекции или оккупации²⁸). Речь шла о Корее и некоторых областях Китая. Тем самым Япония плотно закрывала здесь двери для французской торговли.

Французские комментаторы опасались не только экономической конкуренции со стороны Японии, они были крайне обеспокоены тем, что усиление торговой деятельности японцев в Индокитае повлечет за собой активизацию антифранцузской пропаганды, которую японцы проводили в Индокитае. Вместе с тем, у отдельных представителей этих кругов имелось мнение, что в качестве заслона против агрессивных намерений Японии в отношении Индокитае можно использовать общую заинтересованность великих держав в неприкосновенности своих дальневосточных владений. Анри Лябру писал в связи с этим: "В международном плане претензии Японии на Дальнем Востоке не могли бы не натолкнуться на действие солидарных сил. Английские территории Вэйхайвэй и Гонконг, германские - Шаньдун, американские - Филиппины... создают вокруг Китая бастионы против японских действий: ликвидация одной из них означала бы угрозу для других. Если Япония осмелится напасть на Индокитае, этим самым будет брошена тень на Гонконг и Филиппины... Следовательно, Япония не опасна для Франции, так как иначе она окажется в состоянии международной изоляции"²⁹).

Оппозиция по франко-японскому соглашению во Франции носила ярко выраженный буржуазный характер и была столь же враждебна Китаю, как и самый договор, ибо империалистические принципы этого соглашения не стали для нее объектом критики.

Если французскому правительству удалось в какой-то мере обмануть общественное мнение Франции и скрыть от него истинный характер франко-японского соглашения, направленного против национальных интересов китайского народа, то ему не удалось ввести в заблуждение китайское общественное мнение. В результате заключения соглашения 10 июня 1907 г. франко-китайские отношения значительно осложнились. Китай выступил с протестом против франко-японского договора. В августе 1907 г. китайское министерство иностранных дел вручило французскому и японскому поверенным в делах в Пекине ноте, требуя от держав разъяснений относительно содержания договора. Пекин выражал возмущение вмешательством названных держав во внутренние дела Китая. В ноте говорилось: "Поддержание мира и безопасности в пределах Китайской империи является внутренним делом Китая и отнюдь не касается какой-либо другой державы"³⁰.

В защиту национального суверенитета подняла свой голос китайская проинципиальная пресса. "Ши! Охрана государственной территории Китая не входит в компетенцию нашей страны", - негодовала печать, отвергая тем самым империалистические принципы (поддержки статус-кво и "целостности" Китая), содержащиеся в тексте соглашения. Киньнаньский журнал прямо говорил об опасности раскола, о большом несчастье, на которое обрекало соглашение провинцию Юньнань: "Угроза войны, нависшая над Северо-Восточным Китаем, распространяется на юго-запад"³¹.

Еще в период франко-японских переговоров, предшествовавших подписанию соглашения 10 июня 1907 г., китайское правительство настороженно наблюдало за их ходом. Оно особенно опасалось, что соглашение предоставит японцам еще большую свободу действий в Китае. Тревогу в Пекине вызвало включение в текст договора термина "окупация", который, по его мнению, "санкционировал возможные территориальные захваты, проектируемые той или другой из договаривающихся сторон"³². Против франко-японского соглашения выступила и

китайская администрация: генерал-губернаторы отдельных провинций требовали от пекинского правительства Цинов принятия срочных мер с тем, чтобы не допустить "осуществления агрессивных замыслов" Франции и Японии в отношении Китая³²).

Довольно резко осудила его патриотическая национальная буржуазия Китая. Она бросила вызов Пекину, протестуя против его порочной линии компромисса с иностранными державами в ущерб интересам страны и обвиняя цинское правительство, местные власти в бездействии и слепоте³⁴).

Эти настроения сливались в единое целое с антицинскими выступлениями в южных провинциях Китая. Их подхватывала китайская пресса. Журнал "Юньнань цацши" живо откликнулся на злобу дня, на его страницах в августе 1907 г. появилась содержательная статья "Проблема японо-французского соглашения".

Идея целостности Китая, исполненная антиимпериалистическим содержанием, несмотря на отдельные оттенки провинциализма, звучала в статье как центральная волнующая проблема. Поэтому главный удар был направлен против антикитайского характера договора. "Соглашением о разделе Китая" называла его юньнаньская пресса³⁵).

Особый гнев вызывала Франция, так как ее экспансия прежде всего задевала интересы торгово-промышленной буржуазии юго-запада Китая. Именно Франция, с ее привилегиями в Юньнани, с ее широкими планами проникновения в юго-западный Китай логически становилась для национальной буржуазии этого района врагом № 1. Журнал писал в связи с этим: "...французы не только заняли Юньнань, но и стремятся проникнуть в провинцию Гуйчжоу, затем - в Хунань и Суйбэй, подчинить своему влиянию весь бассейн Янцзы и захватить Гуадун и Гуанси"³⁶).

Юго-Запад, Юньнань (где французы, используя право концессии, построили железную дорогу, которая была для них воротами в Южный Китай) юньнаньская буржуазия ставила в центр своей борьбы. Но она не замыкалась в местных границах и отстаивала право Китая на территориальную целостность. Протестуя против сближения Франции и Японии, статья писала с большим горечью и отчаянием: "...уже нельзя говорить

о государственном авторитете", "Китай, потеряв Юньнань, непременно погибнет", "границы прорваны, юго-запад не защищен"³⁷⁾.

Протест Сыл направлен не только против франко-японского договора. Провинциальная печать не отделяла его от серии соглашений 1904 и 1907 гг. между империалистическими державами: Англией, Францией, Японией, Россией, которые правильно оценивала, как фактор "усиления влияния держав на Востоке"³⁸⁾.

В основе критики лежали наиболее волнующие - "хозяйственные, торгово-промышленные вопросы", ибо противоречия между иностранным капиталом и интересами китайской буржуазии составляли одну из пружин политической борьбы. Отстаивая интересы национальной буржуазии Китая, пресса требовала принятия срочных мер для защиты ее торговой, промышленной, военной и культурной деятельности в своей стране³⁹⁾.

Однако эти выступления не могли оказать серьезного сопротивления политике держав. Циньское правительство заняло непоследовательную позицию в этом вопросе. Отчетливо сознавая, что франко-японское соглашение носило враждебный Китаю характер, циньское правительство, тем не менее, сделало вид, что его удовлетворили объяснения данные французским и японским дипломатическими представителями в Пекине в ответ на китайскую ноту. 10 августа 1907 г. они заявили, что соглашение "преследует исключительно мирные цели"; и ни в коей мере не затрагивает интересов Китая и не означает вмешательства держав во внутренние дела Средней империи⁴⁰⁾.

Французское правительство, по мнению русского дипломата в Пекине Покотилова, осознавая "всю шекотливость франко-японского соглашения по отношению к Китаю", пыталось "хотя бы отчасти сгладить невыгодное впечатление и успокоить Пекин", с этой целью, по настоянию французского посланника в Пекине Блеста, из Тонкина был выслан Сунь-Ят-сен⁴¹⁾, который находился там в качестве политического эмигранта. Это было сделано Францией в угоду циньской монархии. В борьбе с революционными силами Китая французские правящие круги и монархия Цинов выступали единым фронтом, а это не могло не отразиться на франко-китайских дипломатических отношениях в целом. Правительство Цинов, преследуя революцион-

нч борцов и подавляя гетимогархические выступления в Китае, — такая политика Пекина пользовалась поддержкой Франции, как и других держав, — тем самым ослабляло свое сопротивление перед натиском империалистических государств. Не случайно протест китайского правительства против империалистического франко-японского соглашения, объектом которого был Китай, оказался столь нерешительным и трусливым.

Что касается Японии, то здесь встретили заключение франко-японского соглашения с удовлетворением. Японская печать оценивала этот акт положительно, отмечая политические, торговые и финансовые выгоды, которые Япония приобретала с подписанием договора. В политическом отношении Япония рассматривала его как прелюдию к тесному сближению с Россией, в торговом — она предвидела большие перспективы в развитии японо-индокитайских связей, в финансовом — заручилась поддержкой мирового кредитора, каковыми явилась Франция и в услугу которого Япония нуждалась. В силу этих причин японская пресса приветствовала заключение соглашения с Францией⁴²).

С подписанием этого соглашения напряженность период русско-японской войны между Францией и Японией уступила место сближению. Достигнутое единство взглядов имело империалистическую основу: обе стороны обоюдно признали результаты экспансии в Китае, достигнутые каждой страной. Более того, союз между ними цементировался общей ненавистью к революционному, национально-освободительному движению, общей заинтересованностью в сохранении реакционной монархии Цинов. Это был взаимовыгодный акт, не смотря на разногласия и соперничество обеих держав. И в последующие годы французский империализм скреплял свое сотрудничество с Японией.

Сопротивление империалистическому сговору против Китая было тогда еще слабым, чтобы сорвать экспансионистские намерения Франции и Японии. И тем не менее оно давало знать о себе в Китае и в известной степени заставляло правящие круги держав считаться с ним.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлин-гас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке Книга 1. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973, с.236-239.
- 2) Documents diplomatiques français (1871-1914), (Далее: DDF), S.2-е, t.10, p.42. Министр иностранных дел Пишон французскому послу в Петербурге Бомпару. Париж, 13 июня 1907 г. Приложение 1. Соглашение.
- 3) Renouvin P. La Question d'Extrême-Orient 1840-1940. Paris, 1946, p.236.
- 4) DDF, S.3-е, t.2, p.340. Записка о китайском займе от 12 апреля (год не обозначен).
- 5) Ibid., S.2-е, t.10, p.791. Французский посол в Токио Мэрар-Пишону. Советка министра.
- 6) Ibid., p. 789. Французский посол в Лондоне Камбон - Пишону Лондон, 3 мая 1907 г.
- 7) Ibid., p.780. Пишон-Полю Камбону. Париж, 29 апреля 1907 г. Приложение III, проект секретной ноты.
- 8) Ibid., t.10, p.790. Мэрар - Пишону. Токио, 3 мая 1907 г.
- 9) Ibid., p. 779. Пишон-Полю Камбону. Париж, 29 апреля 1907 г.; p. 789. Поль Камбон-Пишону. Лондон, 3 мая 1907 г.
- 10) Ibid., p. 773. Пишон-Полю Камбону. Париж, 29 апреля 1907 г.; p. 788. Поль Камбон-Пишону. Лондон, 3 мая 1907 г.
- 11) Ibid., t.11, p.15. Мэрар-Пишону. Токио, 31 мая 1907 г.
- 12) Annales de la Chambre des députés. 1907, t.II, partie I, p. 608-609.
- 13) Ibidem.
- 14) Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.179.
- 15) "L'Asie Française", desembre 1907.
- 16) Ibid., mai 1907, desembre 1909.
- 17) "L'Asie Française", mai 1907.
- 18) Gérard A. Ma mission au Japon (1907-1914). Paris, 1919, p.86-87.
- 19) АВПР, ф. Канцелярия, оп.470, д.110, л.118. Неклюдов - Са-зонову. Париж, 15/28 апреля 1910 г.; Gérard ... La vie d'un diplomate sous Troisième République. Paris, 1928, p.407.
- 20) Dorient R. Le Japon et la politique française. Paris, 1906, p.270, 292, 325.
- 21) ЦГИА, ф. 2000, оп.1, д.1102, л.54-55. Обзор ежемесячных журналов за май 1907 г.

- 22) Labroue H. L'Imperialisme japonais. Paris, 1911, p. 154, 155.
- 23) Labroue H. Op. cit., p. 156.
- 24) DDF, S. 2-e, t. 11, p. 43. Пишон - Бомпару. Париж, 13 июля 1907 г. Приложение 1. Декларация.
- 25) Labroue H. Op. cit., p. 155, 174.
- 26) DDF, S. 2-e, t. 11, p. 14, 15. Примечание.
- 27) DDF, S. 2-e, t. 11, p. 14. Примечание.
- 28) Ibid., p. 15. Жерар - Пишону. Токио, 31 мая 1907 г.
- 29) Labroue H. Op. cit., p. 174, 177, 181.
- 30) Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Wash., 1907, part 2, p. 758. Посланный Роккил - государственному секретарю. Американская миссия. Пекин, 22 августа 1907 г.
- 31) Юньнань цзачжи сваньцзы. Пекин, 1958, с. 688.
- 32) АВПР, ф. Китайский стол, д. 126, л. 42. Покотилев - Извольскому. Пекин, 15 июля 1907 г.
- 33) Там же, л. 137-138. Покотилев - Извольскому. Пекин, 25 июля 1907 г.
- 34) Юньнань цзачжи сваньцзы, с. 691.
- 35) Там же
- 36) Там же, с. 689.
- 37) Там же, с. 690.
- 38) Там же, с. 691.
- 39) Там же, с. 692.
- 40) АВПР, ф. Китайский стол, д. 126, л. 184. Покотилев - Извольскому. Пекин, 15 августа 1907 г.
- 41) Там же, д. 129, л. 70-71. Покотилев - Извольскому. Пекин, 24 января 1908 г.
- 42) АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, л. 127, л. 83. Секретная депеша Бахметова. Токио, 15 июля 1907 г.

В.Я.КОРОБЕНКО

ПОЛИТИКА США ПО ОТНОШЕНИЮ К ФРАНЦИИ В
1945-1946 гг.

Вопрос о роли Франции в европейской политике США в первые послевоенные годы остаётся актуальным. В буржуазной историографии господствует мнение, что ухудшение американско-французских отношений, наблюдавшееся в 60-е годы, не имело существенных причин и было результатом политики генерала де Голля. Много пишется о традиционной дружбе Франции и США, об искренности чувств Соединенных Штатов к Франции. Целью данной статьи является попытка показать, что политика США по отношению к Франции в первые послевоенные годы преследовала сугубо американские интересы, что ради достижения своих целей США вмешивались во внутренние дела Франции.

После окончания второй мировой войны США выступили не только гарантом сохранения капитализма в тех странах, где он был ослаблен, но и взяли курс на завоевание мирового господства. В августе 1945 г. государственный секретарь США Бирнс заявил, что "в области международных отношений мы будем стремиться к созданию сильной мировой экономики, основанной на принципах частного предпринимательства". Охарактеризовав США как "бастион демократии", Бирнс говорил, что "во многих странах мира наши политические и идеологические устои вступают в конфликт с той идеологией, в которой отвергаются наши основные принципы"¹⁾. Американский империализм стремился поставить под свой контроль народы других государств. Как иронически заметил Д.Маккей: "В США широко распространилось убеждение, что у них есть все основания ожидать, что через годы остальной мир или, по крайней мере, некоммунистический мир, придёт к такому политическому, экономическому и социальному положению, которое не будет отличаться от положения нашей страны"²⁾. Правящие круги США для осуществления экспансионистской внешнеполитической программы использовали в период войны экономическую и военно-политическую мощь Соединенных Штатов.

В конце второй мировой войны правительство генерала де Голля предприняло шаги, направленные к восстановлению Францией позиций великой державы, что вызвало поддержку Советского Союза и

недовольство правящих кругов США. 10 декабря 1944 г. был подписан советско-французский Договор о союзе и взаимопомощи, который содействовал росту роли Франции на международной арене. Укрепление советско-французских отношений вызвало отрицательную реакцию американской буржуазной прессы. "Франции уже давно пора присоединиться к взгляду Америки на Россию", - писала "Вашингтон пост"³⁾. Другая газета "Вашингтон ивнинг стар" подвергла нападкам французскую прессу, которая, по её утверждению, "со времени возвращения генерала де Голля из Москвы заняла более критический тон по отношению к США, чем это было раньше". Преувеличивая роль американских вооруженных сил в деле освобождения Франции и ничего не упоминая о французском движении Сопротивления, "Вашингтон ивнинг стар" не преминула бросить тень на Советский Союз, внесший решающий вклад в победу над фашистской Германией⁴⁾.

Определение американской правительственной политики в отношении Франции было процессом противоречивым и сложным. Как отмечают американские авторы, "в Вашингтоне не было единого мнения в отношении французской политики: некоторые считали, что мощь Франции, её мировые позиции ослаблены и в отношении к ней это надо учитывать, другие полагали, что на международной арене необходима сильная Франция"⁵⁾. В целом: американскую политику в отношении Франции нельзя рассматривать в отрыве от общего внешнеполитического курса Соединенных Штатов, направленного на укрепление позиций капитализма в Западной Европе и втягивания западноевропейских стран в создаваемый под эгидой США военный блок. Независимый внешнеполитический курс Франции, несомненно, ослабил бы позиции Соединенных Штатов в Европе. Американская монополистическая буржуазия опасалась революционного движения рабочих и роста влияния коммунистов, сыгравших решающую роль в движении Сопротивления. "Чувство экономической ненадежности, которое пронизывает все классы, - писала вечной 1945 г. "Нью-Йорк таймс", - отражается в сильном внутреннем беспокойстве и усиливает стремление к революционным решениям, которые могут иметь громадные последствия для союзников. Сейчас необходима, прежде всего, решительная воля, чтобы наладить действительное сотрудничество"⁶⁾.

В Соединенных Штатах довольно критически оценивали способность Франции вновь занять место в ряду великих держав. Мур-

нал "Капрент хистори" писал в ноябре 1945 г., что "у Франции мало надежд на то, чтобы играть прежнюю роль в балансе сил"⁷⁾. Такого же мнения придерживался и Д. Джексон, который отмечал: "Ущерб, понесенный Францией - моральный и материальный, - был таким, что она не могла рассчитывать играть свою прежнюю роль великой державы в ближайшем будущем"⁸⁾. Позиция американского правительства, не считавшегося с Францией в решении международных вопросов, подвергалась критике в некоторых органах прессы, а также членами конгресса. Конгрессмен Д. Спаркман, отметив в своей речи, что "отношение между Францией и США сейчас далеко не такие, какими мы бы желали видеть", предложил допустить Францию к участию в решении возникших мировых проблем⁹⁾. Член палаты представителей Д. Доменгаук критически отзывался о позиции американской прессы по отношению к де Голлю после его отказа встретиться с Рузвельтом в Алжире¹⁰⁾ в феврале 1945 г. "Критика французского руководителя, - указал Доменгаук, - вредит дружественным отношениям между США и Францией". Он говорил о симпатиях американцев к французам, об исторической дружбе двух народов и закончил свою речь предостережением о том, что "следует проявлять осмотрительность, чтобы избежать каких-либо заявлений или действий, которые могли бы создать непонимание или сомнение среди французов насчет нашего отношения к ним"¹¹⁾.

Журнал "Нью-рипаблик" в редакционной статье резко отзывался о политике США по отношению к Франции: "Мы часто действуем так, будто Франция - это поверженный враг, а не воюющий союзник". Журнал выражал убеждение в том, что без восстановления роли Франции мирное урегулирование в Европе невозможно¹²⁾. В 1945 г. в либеральном журнале "Нэйшн" была помещена статья известного деятеля социалистической партии Франции Ж. Мок. "Как можно потерять друзей во Франции". Ж. Мок с сожалением отмечал, что "в течение всей войны многократно проявилось непонимание американцами французской психологии"¹³⁾.

Дальнейшее обострение американо-французских отношений притти зрело интересам Соединенных Штатов, так как без сотрудничества с Францией США не могли укрепить свои позиции в Европе, это хорошо понимали американские дипломаты. Посол США в СССР А. Гарриман в беседе с помощником государственного секретаря Д. Грю заявил, что для противодействия Советскому Сою-

зу надо объединить страны Запада и с этой целью улучшить взаимоотношения с Великобританией и Францией¹⁴). 18 мая 1945 г., президент США Трумен на встрече с министром иностранных дел Франции Д. Бидо в Вашингтоне предпринял шаги с целью улучшения американо-французских отношений. "Американский народ и американское правительство, - заявил Трумен, - пришли к выводу, что французская нация обрела силы и энергию после перенесенной катастрофы и продемонстрировала решимость и способность вновь занять законное место среди держав, на которых ложится большая мера ответственности за укрепление мира в Европе и во всем мире"¹⁵).

В результате войны и немецко-фашистской оккупации экономика Франции пошла в упадок. Ослабели международные позиции Франции. Влияние буржуазных партий было сильно подорвано. Послевоенный подъём политической активности трудящихся привёл к росту влияния коммунистов и социалистов. Французская коммунистическая партия, сыгравшая большую роль в движении Сопротивления, летом 1945 г. насчитывала в своих рядах 900 тыс. человек¹⁶). Коммунисты возглавили борьбу трудящихся за демократические преобразования.

Рост рабочего движения, борьба французских трудящихся за коренные социально-экономические преобразования вызвали опасения в правящих кругах США. Д. Грю сообщил послу США в СССР Д. Кеннану об активизации деятельности западноевропейских компартий, а, особенно, компартий Франции¹⁷). Американская монополистическая буржуазия затратила много средств и сил для укрепления реакционных буржуазных партий и группировок во Франции с целью сохранения там капитализма. В конгрессе был выдвинут лозунг "Помогая Франции, мы помогаем себе!". Член палаты представителей Кефвер предлагал в качестве первоочередной задачи американской политики способствовать созданию сильной Франции, чтобы иметь с ней хорошие торговые отношения и укреплять её как сильного военного союзника, необходимого в будущем¹⁸).

В августе 1945 г. состоялся визит в Вашингтон главы Временного французского правительства генерала де Голля, во время которого велись переговоры о предоставлении Франции американского займа, о будущем политических взаимоотношений двух государств, а также с внутриполитической обстановке во Франции. В совместном заявлении президента Трумена и генерала де Голля

отличалось "существенное совпадение целей Франции и США в строительстве послевоенного мира" и выражалась готовность добиваться "установления более тесного сотрудничества между двумя странами"¹⁹⁾ Между тем, в ходе внутривнутриполитической борьбы демократические силы Франции одерживали крупные победы. В октябре 1945 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, в ходе которых коммунисты получили 26% голосов избирателей, социалисты - 24%, а буржуазная партия Народно-республиканское движение (МРП) - 23,6% голосов. Было сформировано коалиционное правительство из представителей трёх партий во главе с генералом де Голлем. В январе 1946 г. де Голль, добивавшийся "сильного", независимого от парламента правительства, ушел в отставку. Новое коалиционное правительство возглавил социалист С. Гуэн, а с июня 1946 г. лидер МРП Ж. Бидо. По инициативе коммунистов, входивших в состав правительства, была проведена национализация крупнейших банков, страховых компаний и ряда отраслей промышленности. Была установлена 40-часовая рабочая неделя, улучшено социальное обеспечение и т.д. Социально-экономические преобразования во Франции шли в обстановке острой классовой борьбы.

В правящих кругах США выражали опасения, что Франция под руководством компартии может пойти по пути социализма. Журнал "Каррент истори" писал, что корректное поведение французских коммунистов в ходе политической борьбы является лишь "тактическим маневром" и что при благоприятной обстановке они попытаются установить свою неограниченную власть²⁰⁾

Используя своё большинство в Учредительном собрании, коммунисты и социалисты добились принятия демократического проекта конституции, по которому законодательная власть вручалась однопалатному парламенту, получавшему право контроля над деятельностью правительства. Предусматривалось установление во Франции широких политических свобод. Этот проект вызвал большое недовольство реакционных сил во Франции и Соединенных Штатах Америки, которые предпринимали энергичные усилия для того, чтобы не допустить его утверждения во время референдума, назначенного на 5 мая 1946 г. Правительство президента Трумэна, стремясь не допустить утверждения демократического проекта конституции, использовало меры финансового и военно-политического давления.

В декабре 1945 г. Франция получила от экспортно-импортного

банка заём в 550 млн. долларов. Эта сумма была быстро израсходована и в начале 1946 г. французское правительство обратилось к США с просьбой о предоставлении нового займа. Посол Соединенных Штатов во Франции Д.Кэффри в феврале писал государственному секретарю о политической важности этого займа. "Отказ или колебания в отношении предоставления этих незначительных сумм, - отмечал Кэффри, - по моему твердому убеждению, будет иметь далеко идущие отрицательные последствия для сохранения существующего строя во Франции"²¹. В своих донесениях в государственный департамент американский посол в Париже призывал правительство Трумэна оказать финансовую и политическую поддержку антикоммунистическим силам, которые "разделяют наш основной взгляд и будут содействовать стабильности в стране"²².

В марте 1946 г. в США прибыла французская делегация во главе с лидером социалистической партии Л.Слюмом. Начались переговоры о займе, которые длились до конца мая. Вопрос о предоставлении Франции займа решался на заседаниях Национального Консультативного совета по международным валютным и финансовым проблемам, в чьи функции входило давать рекомендации экспорто-импортному Банку относительно предоставления займа той или иной стране. Министр финансов Р.Уинсон и помощник государственного секретаря У.Клейтон считали необходимым предоставить Франции заём по "политическим соображениям". Клейтон заявил, что "госдепартамент настаивает на быстром решении этого вопроса" в связи с политическим положением и что отказ в предоставлении займа вызовет бы катастрофическое ослабление позиций капитализма во Франции²³. Американский посол в Париже настаивал на быстрейшем завершении переговоров, так как это, по его мнению, укрепило бы позиции социалистов во Франции²⁴.

В начале мая посол США в Париже в донесении в госдепартамент передал провокационные намышления, распространенные реакционными кругами о том, что "...отклонение проекта конституции на референдуме может привести к попытке коммунистов захватить власть до июньских выборов". "Подобная возможность, однако, считается маловероятной информированными наблюдателями, - писал Кэффри, - которые считают, что коммунисты не станут рисковать, так как они надеются значительно улучшить свои позиции на выборах 2 июня"²⁵.

В связи с этим донесением военный министр 3 мая 1946 г. дал телеграмму командующему вооруженными силами США в Европе генералу Макнарни, в которой ему предписывалось изучить вопрос о возможности ввода американских войск из Германии во Францию "накануне или во время референдума 5 мая"²⁶. Командующему рекомендовалось "не совершать продвижения без проведения подробнейшего инструкторского совещания с офицерами в отношении политической значимости совершаемой акции". В случае ввода американских войск во Францию военное министерство рекомендовало генералу Макнарни объяснять это тем, что "войска США защищают жизнь и имущество американских граждан" и "не будут вмешиваться во внутренние конфликты французов"²⁷.

Военный министр приказывал генералу Макнарни немедленно сообщить в Вашингтон в случае вступления американских войск во Францию для того, чтобы правительство США смогло своевременно довести до сведения правительства Франции о характере и цели совершаемой акции. Фактически, правительство Франции должно было быть просто поставлено перед свершившимся фактом вступления американских войск в страну. Макнарни предписывалось "ежедневно информировать военное министерство о его собственной оценке положения во Франции".

Однако, отправка телеграммы военного министра была задержана. О ней стало известно в госдепартаменте, где выступили против. Заместитель директора европейского отдела госдепартамента Хикерсон был не согласен с содержанием телеграммы и заявлял, что "он не стал бы опешить с её содержанием". По его мнению, "важные вопросы, которые были затронуты в телеграмме, следовало рассматривать лишь на высшем уровне". Он предложил обсудить этот вопрос на совместном заседании руководящих сотрудников госдепартамента и военного министерства и представить согласованный проект президенту. Но дипломатам достигнуть соглашения с военным министерством не удалось. Дальнейшее обсуждение этого вопроса продолжалось у заместителя государственного секретаря Д. Ачесона, где Хикерсона поддержал помощник заведующего западноевропейского отдела Бонбрайт. Дипломаты доказывали, что они не верят "в попытку коммунистов совершить переворот, даже если проект конституции не будет одобрен". Они подчеркивали, что "ушилки коммунистов направлены на укрепление их позиций на выборах

2 июня и пока у них нет причин совершать переворот, успех которого маловероятен". Особенно опасным последствием предполагавшегося ввода американских войск во Францию сотрудники госдепартамента считали то, что "в случае гражданских беспорядков, вступление американских войск может вызвать инциденты, в которых примут участие американские солдаты", а французские коммунисты могут обратиться "за помощью к Советскому Союзу, который обвинит США в интервенции". Кроме того, они были не согласны с наделением Макнарни такими большими полномочиями в этой "исключительно сложной ситуации". Ачесон полностью согласился с этими доводами. Было решено, что Хикерсон, Бонбрайт и три сотрудника военного министерства подготовят другой текст телеграммы командующему американскими войсками в Европе. Это было сделано, и проект новой телеграммы был одобрен Ачесоном²⁸⁾. В этот же день председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал Леги представил президенту оба варианта телеграммы на имя генерала Макнарни. Президент Трумен высказался в пользу телеграммы, составленной военным министерством, и она была отправлена. Однако Ачесон настаивал на изменении приказа, отданного Макнарни. Президент Трумен назначил обсуждение этого вопроса в Белом доме, которое состоялось 4 мая. На обсуждении, кроме Ачесона, присутствовали высшие офицеры армии и флота. Выслушав мнение присутствующих, президент подтвердил свой приказ о вводе американских войск во Францию в случае, если этого "потребуется обстоятельства". Таким образом, правительство США готово было нарушить суверенитет Франции с целью защиты интересов финансового капитала²⁹⁾.

5 мая 1946 г. во Франции состоялся референдум по вопросу утверждения конституции. Правые лидеры социалистической партии отказались поддержать новую конституцию, подорвав тем самым единство левых сил. Правые же партии выступили единым фронтом против. В итоге, проект конституции был отвергнут. Реакционные круги во Франции и США расценили это как крупную победу. Американский посол сообщал в госдепартамент, что этим референдумом "задержан непрерывный марш коммунистов к власти"³⁰⁾.

На 2 июня 1946 г. во Франции были назначены выборы во второе Учредительное собрание, которому предстояло разработать новый проект конституции. Американская буржуазная пресса, освещая предвыборную борьбу, подерживала буржуазные и социалисти-

ческую партии, но вынуждена была признать возрастающее влияние компартии. В еженедельном обзоре "Хьюмен ивентс" отмечалось, что компартия Франции является превосходной гибкой организацией, возглавляемой авторитетными руководителями - М. Торезом и Ж. Дюкло. Относительно социалистической партии обозреватель писал, что она занимает промежуточную позицию между коммунистами и правыми³¹⁾.

Американская дипломатия с удовлетворением встретила известие о том, что проект демократической конституции не был отвергнут во время референдума и предпринимала шаги для того, чтобы поддержать французские реакционные круги на выборах в новое Учредительное собрание. С этой целью было решено ускорить рассмотрение вопроса о предоставлении Франции нового займа. 6 мая состоялось заседание Национального Консультативного совета по международным валютным и финансовым проблемам. На заседании с удовлетворением отметили, что итоги референдума свидетельствуют о "некотором сдвиге вправо"³²⁾. Совет одобрил предоставление экспортно-импортным банком займа Франции в 650 млн. долл. "на условиях, которые будут выработаны банком и будут обязательны для исполнения французской стороной". Соглашение было подписано 28 мая 1946 г. Получая кредит от экспортно-импортного банка, Франция обязалась отказаться от довоенной политики таможенного протекционизма, что открывало французский внутренний рынок для американских товаров. Соглашение о займе было подписано накануне выборов во Франции и имело целью укрепление позиций буржуазных и социалистической партий. Успешно завершив переговоры в Вашингтоне, Л. Блум, возвратившись в Париж, заявил на пресс-конференции, что США предоставили помощь Франции бескорыстно. Однако, это было не так. Д. Маккей писал, что "в сравнительно мирной обстановке Франция могла бы восстанавливать свою экономику более медленными темпами и со значительно меньшей иностранной помощью. Однако, внутренняя угроза коммунизма была так велика, что Франция и США стали готовы к проведению широкой программы помощи с тем, чтобы быстро создать барьер против наступления коммунизма в виде экономического процветания"³³⁾.

В правящих кругах США не скрывали удовлетворения исходом переговоров с французской делегацией. На следующий день после

подписания соглашения Кэффри в телеграмме Бирноу оценил переговоры как "большой успех". Особенно важным моментом в соглашении, по мнению Кэффри, было то, что "в торговой политике мы заручились гарантированной поддержкой Францией нашей точки зрения (имеется в виду отказ Франции от таможенного протекционизма. - В.К.) и, кроме того, устранены некоторые трудности в отношении наших деловых интересов"³⁴. Однако и до подписания этого соглашения американская сторона имела более положительный баланс в торговле с Францией: например, в 1945 г. США экспортировали во Францию товаров на сумму 472 млн. долл., в то время, как импорт из Франции не превышал 13 млн. долл.³⁵.

2 июня 1946 г. состоялись выборы в Учредительное собрание Франции. Развязанная буржуазией и лидерами социалистов шумная антикоммунистическая кампания успеха не принесла: социалисты собрали 4,2 млн. голосов, компартия подбила 5,2 млн. За буржуазную партию МРП проголосовало 5,6 млн. человек³⁶. Таким образом, хотя ваём, предоставленных США Франции, и укрепил позиции французского господствующего класса, но другой цели - уменьшения влияния компартии - он не достиг, коммунисты по-прежнему входили во французское правительство. Видный деятель компартии Франции Ж. Дюкло, выступая в Учредительном собрании в поддержку сформированного после выборов 2 июня правительства, говорил: "Вероятно, что это правительство вывало разочарование тех, кто не является нашими друзьями. Ещё более вероятно, что не о таком правительстве мечтали в известных кругах вечером 5 мая, когда стали известны победа сторонников "нет" и поражения сторонников "да"... Возможно, надеялись, что выборы 2 июня ослабит позиции нашей партии и тогда можно будет отстранить нас от участия в новых правительствах... Против нас вели очень упорную борьбу"³⁷.

Отношение в Соединенных Штатах к результатам выборов 2 июня во Франции было двойственным. С одной стороны, буржуазная пресса выражала удовлетворение тем, что "Франция поворачивает к Западу". Журнал "Юнайтед Стэйтс ньюс" писал, что "выбег остановили, по крайней мере, временно, распространение влияния коммунистов в западном направлении". Журнал откровенно связывал результаты выборов с возможностью получения американской экономической помощи. Он писал: "Долларовые займы будут более крупными, чем они были бы в том случае, если компартии показа-

ли бы большую илу во Франции, Италии и других странах континента"³⁸).

С другой стороны, в правящих кругах США были обеспокоены тем, что события во Франции развивались не так, как хотелось бы. В американской прессе периодически появлялись материалы с откровенно злобными напатками на ФКП, а в конгрессе США раздавались призывы "воедействовать" на внутривнутриполитическое развитие во Франции. в одной из статей "Нью-Йорк таймс" обвинила ФКП в "стремлении установить правление меньшинства путём использования демократических органов"³⁹). Конгрессмен А.Питтенгер, выступая в палате представителей, подверг резкой критике решение правительства предоставить Франции зём, так как в её правительстве находятся коммунисты. Он охарактеризовал политику США как "совершенно безразличную" и осудил тех, кто "слишком щедро распоряжается деньгами американцев"⁴⁰). Известный американский журналист С.Сульцбергер с раздражением писал в "Нью-Йорк таймс изгасин" о росте антиамериканских настроений во Франции и других западноевропейских странах и отмечал, что "огромные массы населения в Европе склоняются влево и рассматривают США как главную надежду правых"⁴¹).

Состоявшиеся 10 ноября 1946 г. выборы в Национальное собрание Франции подтвердили тот факт, что коммунисты продолжали оставаться первой по влиянию на массы партией Франции: они получили 5,5 млн. голосов, на 300 тыс. голосов больше, чем на предыдущих выборах⁴²). В Соединённых Штатах с ещё большим размахом развернулась антикоммунистическая истерия: по радио и в прессе утверждалось, что коммунисты вот-вот захватят власть во Франции. Посол США в Париже Д.Кэффри, информируя госдепартамент о событиях во Франции, нередко прибегал к умышленному искажению фактов. Так, критику французскими коммунистами финансового соглашения от 28 мая 1946 г. он представлял как "антиамериканскую кампанию во французской коммунистической печати с целью убедить народ Франции, что США проводят политику экономического порабощения всего мира, и в том числе Франции"⁴³).

Антикоммунистическая кампания в США набирала силу. Причем, она была направлена не только против компартии Франции, но и против Советского Союза, стран народной демократии и коммунистических партий других западноевропейских стран. Американский империализм разжигал "холодную войну".

Примечания:

- 1) Documents on American Foreign Relations, 1945-1946, vol. 8, p. 601. Princeton, 1948. Принципы послевоенной экономической политики. Заявление государственного секретаря Гирнса сенатской комиссии по валютному и банковскому делу, 21 августа 1945 г.
- 2) D. V. McKay. The United States and France. Cambridge, 1951, p. 269.
- 3) Александр Верт. Франция в 1940-1966. М., 1959, с. 226.
- 4) Congressional Record (CR), 1945, vol. 91, part 10, Appendix, p. A41.
- 5) W. Reitzel, M. Kaplan, C. Coblentz. United States Foreign Policy, 1945-1955. Washington, 1955, p. 69.
- 6) CR, 1945, vol. 91, part 10, Appendix, p. A910.
- 7) "Current History", November 1945, p. 437.
- 8) J. Jackson. The World in Postwar Decade. 1945-1955. Cambr., 1956, p. 4.
- 9) CR, 1945, vol. 91, part 10, Appendix, p. A909-A910.
- 10) После окончания работы Крымской конференции Рузвельт прислал де Голлю приглашение встретиться в Алжире, но тот отказался, объяснив это следующим образом: "Ехать на встречу с президентом после закрытия конференций, моему присутствию на которой он противился, мне не хотелось". Более подробно см.: Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин. США и Франция в годы войны. 1939-1945. Из истории взаимоотношений. М., 1974, с. 370.
- 11) CR, 1945, Vol. 91, part 10, Appendix, p. A1107.
- 12) "The New Republic", February 26, 1945, p. 280.
- 13) "The Nation", January 13, 1945, p. 44.
- 14) Foreign Relations of the United States (FR), 1945, vol. 5, p. 840, 843. Запись беседы между послом США в СССР Гарриманом и Грю, 20 апреля 1945 г.
- 15) FR, 1945, vol. 4, p. 690. Заявление президента Трумэна от 18 мая 1945 г.
- 16) Международные отношения после второй мировой войны, т. 1, М., 1962, с. 399.
- 17) Ibid., Vol. 5, p. 872. Помощник государственного секретаря Грю - Кеннану, 25 июля 1945 г.
- 18) CR, 1945, vol. 91, part 10, Appendix, p. A1354.
- 19) FR, 1945, vol. 4, p. 707, 725. Меморандум о беседах в Белом доме между президентом Трумэном и генералом де Голлем, 22 августа 1945 г.

- 20) "Current History". March 1946, p. 237.
- 21) FR, 1946, v. 5, p. 413. Посол во Франции-государственному секретарю, 16 февраля 1946 г.
- 22) FR, 1946, vol. 5, p. 422. Посол во Франции-государственному секретарю, 8 апреля 1946 г.
- 23) Ibid., p. 432. Протокол заседания Совета от 25 апреля 1946 г.
- 24) Ibid., p. 434. Посол во Франции-государственному секретарю, 1 мая 1946 г.
- 25) Ibidem. Посол во Франции-государственному секретарю, 2 мая 1946 г.
- 26) Упоминание об этом можно найти в работе А.В.Кирсанова. Автор отмечал, что "по свидетельству бывшего министра авиации Форрестола, в мае 1946 г. президент США Труман намеревался отправить американские войска из Западной Германии во Францию, если бы там после выборов в парламент возникла опасность прихода к власти коммунистов". А.В.Кирсанов. США и Западная Европа. М., 1967, с.19.
- 27) FR, 1946, vol. 5, p. 435-436. Военное министерство-командующему вооруженными силами США в Европе, 3 мая 1946г.
- 28) Полный текст этой телеграммы не опубликован - В."
- 29) FR, 1946, vol. 5, p. 436-438. Меморандум заместителя директора европейского отдела Хикерсона, 6 мая 1946 г.
- 30) Ibid., p. 448-449. Посол во Франции-государственному секретарю, 7 мая 1946 г.
- 31) CR, 1946, vol. 92, part 11, Appendix, p. A2798.
- 32) FR, 1946, vol. 5, p. 441-445. Протокол заседания Совета от 6 мая 1946 г.
- 33) D. McKay. Op. cit., p. 254.
- 34) FR, 1946, v. 5, p. 464. Посол во Франции-государственному секретарю, 29 мая 1946 г.
- 35) Historical Statistics of the United States. Wash., 1960, p. 550552.
- 36) История Франции, т. 3, М., 1974, с.312.
- 37) Ж. Докл. Мем. арх, т. 1, М., 1974, с.529.
- 38) "The United States News", June 14, 1946, p. 24.
- 39) CR, 1946, vol. 92, part 12, Appendix, p. A4150.
- 40) CR, 1946, vol. 92, part 11, Appendix, p. A3510.
- 41) "The New York Times", June 23, 1946.
- 42) История Франции, т. 3, с.317.
- 43) FR, 1946, vol. 5, p. 471. Посол во Франции-государственному секретарю, 15 ноября 1946 г.

В. В. ЗЕЛЁВ

ВОПРОС О ВОЗМОЖНОСТИ АНГЛО-РУССКОГО СБЛИЖЕНИЯ И ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (МАРТ-ИЮНЬ 1903 г.)

В начале XX века в связи с вступлением капиталистических стран в стадию империализма обострилось англо-германское торгово-колонияльное соперничество. Предпринятая в 1899-1901 гг. попытка правящих классов обеих стран предотвратить надвигающийся военный конфликт между Англией и Германией путем компромиссного раздела сфер влияния в мире закончилась неудачей, вследствие антагонистического характера этих противоречий...Провал переговоров усилил антигерманские настроения в правящих классах Англии. Союз с Японией, заключенный в 1902 г., и окончание войны с бурами избавили британскую дипломатию от необходимости односторонней ориентации на Германию. Английский империализм, раньше германского осознавший неизбежность решительного столкновения, взял курс на подготовку к войне со своим главным конкурентом.

В начале марта 1903 г. по инициативе английского правительства возобновились переговоры по урегулированию англо-французских противоречий в Африке, которые безуспешно велись с 1902 г. На этот раз дела быстро продвигались вперед, так как антигерманская направленность будущего соглашения не вызвала сомнения у обеих сторон. Форин-оффис рассматривал сделку с французским империализмом как необходимый этап для достижения аналогичного соглашения с Россией. Французская дипломатия охотно откликнулась на инициативу Англии и согласилась взять на себя роль посредника при англо-русских переговорах.

Усилия правительств Англии и Франции, направленные на создание тройственной антигерманской коалиции, не ускользнули от внимания правящих кругов Германии. Часть германской прессы сразу поняла смысл происходящих событий. Влиятельный немецкий журнал "Цукунфт", считавший, что замыслы врагов Германии могут быть парализованы только сближением последней с Российской империей, писал 2 марта 1903 г., предупреждая об угрозе внешней опасности: "Немецкая империя еще никогда не была в таком чрезвычайно бедственном положении, как теперь никогда еще ей так сильно в угрожала опасность могущественной коалиции"¹⁾. Однако руководители германского ведомства

иностранцев считали, что англо-французское сближение носит не антигерманский, а антирусский характер ввиду, по их мнению, непримиримых противоречий между Англией и Россией в Китае, Персии и Афганистане, а потому англо-франко-русскую группировку считали невозможной. В советской историографии мало работ, освещавших позицию, занятую германским правительством весной 1903 г. в связи с вопросом о возможности урегулирования англо-русских противоречий накануне русско-японской войны 1904-1905 гг. Последние касались данной темы только в общей форме при исследовании других исторических проблем²⁾. Цель этой статьи восполнить указанный пробел.

В правящих кругах кайзеровской империи переоценивали антирусскую направленность англо-японского союза, заключению которого германская дипломатия содействовала втайне от России, считая, что он кладет конец стремлению английского империализма урегулировать англо-русские противоречия в Азии за столом дипломатических переговоров³⁾. Более того, руководители германского ведомства иностранных дел надеялись на разрыв франко-русского союза, в связи с наметившимся сближением Франции с Англией. В условиях резкого обострения антигерманских настроений в правящих кругах Великобритании, которые особенно усилились после принятия морским рейхстагом в 1900 г. закона о второй морской программе, предусматривающего создание мощного военного флота, немецкое правительство нуждалось в хороших отношениях с царизмом. Разрыв франко-русского союза, по мнению германских дипломатов, устранил бы главное препятствие на пути сближения между Германией и Россией. Немецкие дипломаты считали, что происходящая перестановка сил в Европе только улучшит международное положение кайзеровской империи. Канцлер Блота, соглашаясь с этой оценкой международного положения, данной советником ведомства иностранных дел Гольштейном, фактически руководившим внешней политикой Германии после отставки Бисмарка, писал в начале апреля 1903 г.: "Кокетство Делькассе (министр иностранных дел Франции, - В.Э.) с Англией станет для нас только тогда опасным, если французскому министру иностранных дел удастся добиться сближения между Англией и Россией, что привело бы к англо-франко-русскому соглашению..."⁴⁾ Активность англо-французской дипломатии

возрастала. В начале мая 1903 г. последовал визит английского короля Эдуарда УП в Париж. Этот визит должен был по замыслу правящих классов двух стран стать важной вехой на пути к улучшению взаимоотношений не только между Англией и Францией, но и между Англией и Россией⁵⁾. Британская печать накануне поездки английского короля призвала английское правительство использовать Францию как посредника для урегулирования англо-русских противоречий. Одновременно английская пресса обрушилась с нападками на Германию. Объектом для критики послужила экспансионистская политика германского империализма на Ближнем востоке. Лондонские газеты, публиковавшие в апреле месяце одну за другой статьи, призывавшие правящие круги Англии отказаться от совместного с Германией участия в строительстве железной дороги Берлин-Багдад, в качестве одной из главных причин отказа выдвигали необходимость англо-русского сближения⁶⁾.

Прибытие короля Эдуарда УП во Францию сопровождалось шумной газетной кампанией по обе стороны пролива, рекламирующей англо-французскую дружбу. Особенно усердствовала английская печать, подчеркивавшая антигерманский характер воля коронованного гостя⁷⁾.

Германское правительство, убежденное в том, что попытка англо-французской дипломатии создать антигерманскую группировку окончится крахом, спокойно отнеслось к этой политической демонстрации нового курса во внешней политике правящих классов Англии, направленного на поиски соглашения с державами враждебного Германии франко-русского альянса. Газета "Кройццейтунг", указывая на антирусский, по мнению германского правительства, характер поездки, писала с удовлетворением, что целью высокого гостя являлось достижение такого соглашения, которое помешает последнему оказать помощь своей союзнице России в случае русско-японской войны⁸⁾.

Однако, в мае 1903 г. недавно вернувшийся из поездки по Англии и Франции бывший первый секретарь немецкого посольства в Лондоне, Экардштейн, опытный дипломат, обладавший связями в политических и деловых кругах Лондона и Парижа, предупредил в просторной записке на имя канцлера Булова, что вопреки взглядам руководства ведомства иностранных дел, происходящая на европейском континенте новая расстановка сил

является зародышем антигерманской коалиции. Экардштейн сослался при этом на информацию, полученную им лично от правительственных лиц Англии и Франции. Немский дипломат, будучи сторонником англо-германского союза, боялся, что недалечность государственных деятелей Германии поставит страну перед фактом борьбы с мощной группировкой: "...господин Делькассе не только франко-английское, но и русско-английское сближение подготавливает и его усилия падают на благодатную почву... В последнее время в немецкой прессе часто высказывался взгляд, как будто англо-французское сближение способствует развалу русско-французского союза... Напротив, сейчас создается новый тройственный союз... могущий стать причиной политических и экономических трудностей, которые возникнут у нас по его вине во всем мире", - подчеркнул Экардштейн⁹⁾. Англо-русское противоборство в Азии он не считал достаточной преградой к взаимопониманию между этими державами. Экардштейн доказывал, что английское правительство в последнее время склоняется к мысли пойти навстречу притязаниям царизма на Среднем Востоке и признать за ним право на такой раздел сфер влияния в Персии, который обеспечит России выход в Индийский океан. Экардштейн отмечал, что правительство Великобритании может использовать как средство давления на Россию финансовую зависимость самодержавия от Франции, правительство которой было заинтересовано в англо-русском сближении, и крайнюю заинтересованность русского царизма в английских займах. Он также отметил энергичную деятельность в этом направлении нового русского посла в Лондоне Бенкендорфа, известного в дипломатических кругах Германии англофильскими взглядами¹⁰⁾.

Немецкое правительство было встревожено прелюбопытными заявлениями Экардштейна, хотя канцлер Бюлов, обсудив его записку, с находившимся в это время в Берлине немецким послом в Англии Меттернихом, остался на прежней позиции. Меттерних при обмене мнениями с канцлером поддержал точку зрения Бюлова. Оба сошлись на том, что опасность англо-русского соглашения преувеличена Экардштейном. Бюлов считал, что стремление Форин-оффис добиться соглашения с русским самодержавием носит односторонний характер: "потому обречено на провал. "Англичане были издавна склонны договариваться с русскими, которых боятся... Англия

всегда стремилась урегулировать свои противоречия с Россией. Однако эти попытки каждый раз холодно отвергались русскими. Препятствие для осуществления англо-русского взаимопонимания находится... в Петербурге", - писал Бюлов Гольштейну в первой половине мая 1903 г.¹¹⁾

Канцлер Бюлов в письме германскому послу в России Альвенслебену, пояснив существо вопроса, просил последнего изложить свою точку зрения. Канцлер указывал, что если существует реальная угроза англо-русского сближения, то следует принять экономические меры воздействия на Россию для улучшения германо-русских отношений. С этой целью Бюлов выразил готовность облегчить России выплату ее долга прусскому аграрному банку путем размещения русских ценных бумаг на немецком рынке, хотя против этого возражал прусский министр торговли, считая, что указанная мера нанесет большой ущерб прусскому хозяйству.¹²⁾

Но антигерманские действия правящих кругов Англии, предпринятые ими в апреле 1903 г. и выразившиеся как в отказе от совместного с немецким капиталом участия в строительстве Багдадской железной дороги, так и в призывах английской прессы к объединению с Россией и Францией для борьбы с Германией, встретили сочувственный отклик в Петербурге.¹³⁾ Царское правительство, уже в середине апреля 1903 г. знавшее о визите английского короля в Париж, правильно поняло его подлинный смысл, поэтому воспринимало статьи в немецких газетах о якобы антирусском характере англо-французского сближения, как стремление немецкой дипломатии торпедировать возможное сближение между Англией, Францией и Россией. Официоз министерства иностранных дел России газета "Новое время" писала в этой связи: "Все походы немецкой печати и все поступки германского правительства объясняются одним желанием - не допустить сближения между Францией и Россией, с одной стороны, и другими державами - с другой"¹⁴⁾.

Во второй половине мая 1903 г. близкие к правительственным кругам русские газеты стали осторожно подготавливать общественное мнение к возможности англо-русского сближения. 17 мая "Новое время" поместила обширную заметку своего лондонского корреспондента Веселицкого, писавшего под псевдонимом "Аргус". Веселицкий также сотрудничал в английском еженедельном журнале "Чейнл ревью" - органе деловых и политических кругов Великобритании, которые активно и после, вательно

выступали за сближение с Россией. Веселицкий сообщал о якобы ошеломительном повороте английской политики в сторону урегулирования англо-русских противоречий. По его мнению, лучшим доказательством данного тезиса является отказ британского правительства участвовать в багдадском предприятии. "Нынешняя Англия... не верит больше в непримиримость англо-русских интересов, а признает возможность мирного урегулирования споров и противоречий", - делал вывод корреспондент "Нового времени"¹⁵.

Первые выступления русских газет, возвестивших о готовности правящих кругов царской России рассмотреть конкретные английские предложения об урегулировании англо-русского соперничества в Азии, были поняты немецким послом в Геттербурге как дипломатический блеф, предпринятый с целью продемонстрировать мирлюбие царизма, для того, чтобы успокоить влиятельные круги русской либеральной буржуазии, опасавшиеся военного конфликта с Англией из-за агрессивной политики русского правительства на Дальнем Востоке.

Отвечая на запрос канцлера Бюлова по поводу возможной перспективы англо-франко-русского соглашения, Альвенслебен писал, что внешнеполитический курс России, направленный на экспансию в Азию, делал невозможной антигерманскую коалицию. Поэтому мысли Экардштейна об угрозе Германии со стороны трех держав он категорически отверг. Основное препятствие к достижению такой политической комбинации Альвенслебен видел в торговом и политическом проникновении российского империализма в Персию, которое, как полагал немецкий посол, исключало какое-либо широкое соглашение между этими державами. "Вполне возможно, что Россия и Англия договорятся по тому или иному азиатскому вопросу, но всеобщего соглашения... не удастся достигнуть из-за русских претензий", - писал Альвенслебен Бюлову 18 мая 1903 года¹⁶.

Исходя из всего этого, посол считал нецелесообразным представление России финансовых льгот со стороны Германии. Такая акция германского правительства облегчит финансовое положение самодержавия и укрепит веру в платежеспособность последнего в кругах английских банкиров. В этом случае лондонское Сити может пойти навстречу желанию русского правительства и открыть самый богатый в мире лондонский финансовый рынок для

размещения там русских ценных бумаг, последнее действительно приведет к разрядке в отношениях между Англией и Россией, что и облегчит англо-русское сближение¹⁷⁾. Немецкие дипломатические представители в Лондоне и Париже, отвечая на запрос правительства по поводу записки Эккардштейна, подтвердили мнение своего коллеги с невозможности создания тройственной антигерманской коалиции ввиду непримиримого англо-русского соперничества в Азии¹⁸⁾.

20 мая 1903 г. канцлер Булов, обобщая эти выводы немецких дипломатов, писал императору Вильгельму II, что в ближайшее время опасения барона Эккардштейна относительно англо-франко-русского альянса безосновательны. Подчеркнув, что Эккардштейн остался в единственном числе со своим мнением, Булов не упомянул в докладе Тайзеру об аналогичном предугреждении графа Секкендорфа из Лондона¹⁹⁾. Канцлер, убежденный в правильности стратегической линии, проводимой Германией на международной арене и поддержанный многими немецкими дипломатами, хотел доказать императору Вильгельму II, что по-прежнему остается верной теоретическая платформа его внешней политики, разработанная еще в 90-х годах прошлого века Гольштейном и основанная на примате англо-русского противоречия, а отсюда неизбежность войны между Англией и Россией.

После провала англо-германских переговоров о заключении союза в 1901 г., внешнеполитический курс германского ведомства иностранных дел все чаще стал подвергаться резкой критике со стороны журнала "Дуг нефт" - органа, так называемой, "бисмарковской фронды" - могущественного блока, объединявшего силы влиятельной части немецкой буржуазии, юнкерства и либеральной интеллигенции. Представители данного блока считали политику балансирования между Англией и Россией устаревшей в связи с ростом англо-германского антагонизма в начале XX века. Такая политика, по их мнению, могла привести к тому, что Германия испортит отношения как с Англией, так и с Россией. В изменившихся международных условиях они требовали возврата к традиционному внешнеполитическому курсу Бисмарка - политике союзов с Россией. Влиятельные политики из "бисмарковской фронды" считали, что, только опираясь на военно-экономическую мощь России и ее политическую поддержку, Германия сможет сокрушить своего главного врага на мировой арене - английский империализм. Их идеи поддерживал император Вильгельм II, очень недовольный существованием франко-русского

союза и мечтавший о восстановлении былого доверия между двумя монархиями. Поэтому Блов в докладе императору старался создать у Вильгельма II впечатление, что проводимый им внешнеполитический курс почти единогласно одобряется немецкими дипломатами, и одновременно убедить кайзера не принимать пока никаких политических комбинаций, направленных против Англии. Канцлер по-прежнему считал, что интересам германского империализма больше соответствует использовать англо-русское соперничество, оставляя за собой свободу рук, чем связывать Германию какими-либо политическими обязательствами с одной из упомянутых держав. Согласно его предположению сама логика развития событий на европейском континенте, связанная с попыткой правящих классов Великобритании урегулировать противоречия с Францией, с одной стороны, ослабляет франко-русский альянс, что автоматически улучшает отношения кайзеровской Германии с Россией, а с другой - делает невозможным англо-франко-русский союз²⁰.

Газета "Кройццейтунг" - орган прусского юнкерства, игравшего главенствующую роль при практическом осуществлении внешнеполитического курса империи, одобрила тактику правительства Блова использовать англо-русское соперничество с целью не допустить сближения между Англией и государствами франко-русского союза. Внешнеполитический обозреватель газеты Теодор Шиман, доказывая безнадёжность попыток английского правительства создать антигерманскую комбинацию, писал в начале июня, "что комбинация Англия, Франция, Россия, которая для Лондона была бы самой желательной, пока целиком безнадёжна, об этом ни один трезвомыслящий человек в Англии не питает больше иллюзий"²¹.

Таким образом, немецкая дипломатия не смогла правильно оценить, какие последствия будет иметь для международного положения кайзеровской Германии гачавшаяся в Европе перегруппировка сил. Исходя из тезиса о непримиримом характере англо-русских противоречий в Азии, правящие круги Германии превеличивали антирусскую направленность англо-японского союза. Они полагали, что он кладет конец стремлению Великобритании урегулировать мирным способом соперничество между Англией и Россией, а потому считали англо-французское сближение фактором, разрушающим франко-русский союз и открывающим путь к германо-русскому взаимопониманию. В конечном итоге, по мнению ведущих деятелей германского ведомства иностранных

дел, этот процесс должен был привести к укреплению позиций немецкого империализма в Европе. В этих условиях политическое руководство Германской империи считало необходимым не мешать происходившей на европейском континенте перегруппировке сил. В то же время с целью вызвать недоверие в господствующих классах России к политике Англии и Франции, направленной на урегулирование англо-французского соперничества, ведомство иностранных дел Германии распространяло через официальную прессу слухи о том, что главная цель упомянутых переговоров - парализовать активность политики России на Дальнем Востоке. Более того, ведущие деятели кайзеровского правительства, поддерживаемые многими немецкими дипломатами, игнорировали своевременные предупреждения о том, что намечавшееся англо-французское сближение направлено не против России, а носило только антигерманский характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Erich Geupolt. Die Außenpolitik in den bedeutendsten politischen Zeitschriften Deutschlands 1890-1909. Leipzig, 1933, S. 51.
- 2) См. Н. В. Королев. Англо-Французская Антанта 1904 г. и её влияние на Тройственный союз. — Уч. зап. Бельцкого гос. пед. ин-та, вып. 3 (исторический), Кишинев, 1958, с. 56.
- 3) А. Гальперин. Англо-японский союз. 1902-1921 годы. М., 1947, с. 122-123.
- 4) "Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871-1914" (далее "G.P.") т. 2, S. 839-840. Телеграмма Белова в ведомство иностранных дел от 3 апреля 1903 г.
- 5) Ibidem, Bd. XVII, S. 585-587. Донесение немецкого посла в Париже Радолина канцлеру Бюлову от 18 мая 1903 г.
- 6) АВПР, ф. Помитархив, 1903, д. 1013, лл. 234-235. Делзма русского посла в Англии Бейкендорфа в МИД России от 22/9 апреля 1903 г.
- 7) T. Schiemann. Deutschland und die grosse Politik anno 1903 (далее Deutschland... anno 1903), Berlin, 1904, S. 152.
- 8) "Kreuzzeitung", 6 мая 1903 г. T. Schiemann. Op. cit. S. 153.
- 9) "G.P.", Bd. XVII, S. 569.
- 10) "G.P.", Bd. XVII, S. 567-570.
- 11) "Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins" (далее "Die geheimen Papiere..."), Göttingen-Berlin-Frankfurt a/M, 1963, Bd. 4, S. 247.
- 12) "G.P.", Bd. XVII, S. 557-558. Бернсдорф Бюлову, 25 апреля 1903 г.; Бюлов Льеволюбену, 13 мая 1903 г., а также примечания к документу № 5370.
- 13) См. Г. Л. Бондаревский. Багдадская дорога и прогнивание германского империализма на Ближний Восток 1888-1903, Ташкент, 1955, с. 281.
- 14) "Новое время", 16/5 апреля 1903 г.
- 15) "Новое время", 17/4 мая 1903 г.
- 16) "G.P.", Bd. XVII, S. 578-579.

- 17) "G. P.", Bd. XVII, S. 577-580.
- 18) Ibidem, S. 573-577, 581-587. Донесение Бюлову от немецкого поверенного в делах Англии Берндорфа от 17 мая 1903 г., а также два донесения немецкого посла в Париже Радолина от 18 мая того же года.
- 19) Граф Секкендорф незадолго до описываемых событий был по распоряжению Вильгельма II послан в Лондон. Являясь личным другом Бюлова и английского короля Эдуарда VII, он использовал свои большие связи в английской столице для того, чтобы информировать ведомство иностранных дел Германии о настроениях, царящих в правительственных кругах Великобритании. O. Hamann. Zur Vorgeschichte der Weltkrieges. Berlin, 1919, S. 195.
- 20) "G. P." Bd. XVII, S. 588-589; "Die geheimen Papiere...", Bd. 4, S. 247-248. Записки Бюлова Гольштейну от 15 и 16 мая 1903 г. O. Hamann. Op. cit., S. 125; Б. Бюлов. Воспоминания. М.-Л., 1935, с. 277; В. М. Хвостов. Указ. соч., с. 272-273.
- 21) "Kreuzzeitung", 3 июня 1903 г.

В. А. СВИНИН

ПОДГОТОВКА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1945 ГОДА

После второй мировой войны позиции английского империализма оказались сильно подорванными. В то же время монополии Соединенных Штатов Америки намного увеличили свою производственную мощь, а их правящие круги стали претендовать на установление американского мирового господства. Правительство США пыталось объединить капиталистические государства для борьбы с революционным и национально-освободительным движением и в то же время активно защищало экономические интересы американского финансового капитала, стремившегося укрепиться на рынках Британской империи, что вызвало обострение англо-американского соперничества, ярко проявившееся в связи с подготовкой экономического соглашения 1945 года.

Поводом к началу переговоров послужило решение президента Трумэна от 21 августа 1945 года прекратить операции, связанные с поставками союзникам товаров по ленд-лизу. С этого дня товары, находившиеся в процессе поставок, а также бывшие на складах за границей, общей стоимостью в 1,5 млрд. долл., товары, застрявшие в США и находившиеся на американских складах, стоимостью в 2 млрд. долл., могли быть приобретены только за наличный расчет. В ходе войны был резко увеличен выпуск американской промышленной и сельскохозяйственной продукции. Удельный вес США в промышленном производстве капиталистических стран в связи с сокращением производства в Европе, составил к концу войны 60-65%¹⁾. Рост промышленного производства был достигнут не только за счет увеличения эффективности уже имевшихся производственных мощностей, но также и за счет расширения производственной базы. Если к 1939 г. стоимость всех производственных мощностей в обрабатывающей промышленности США составляла 40 млрд. долл., то к 1945 г. к этому прибавились новые заводы и оборудование стоимостью 26 млрд. долл.²⁾. Государство построило около 2800 новых предприятий, вложив около 17 млрд. долл.³⁾ Войне закончилась, и Соединенным Штатам предстояло решить круг вопросов, связанных с реконверсией-переводом значительной части предприятий с производства военной продукции

III

и гражданской. Чтобы избежать кризиса, необходимо было поддерживать производство на достаточно высоком уровне. Но вставала проблема сбыта продукции. В самих Соединенных Штатах существовал внутренний, достаточно ёмкий рынок. Однако он не мог обеспечить реализации всех товаров. Правящие круги США стремились укрепиться на внешних рынках. Эта проблема была сложной, поскольку предполагаемые страны-покупатели не имели достаточных золотых и валютных запасов. Особенно это касалось стран Европы, понесших значительный материальный ущерб в ходе войны и нуждавшихся в новом оборудовании для восстановления своей экономики. Потенциально ёмким рынком являлась Британская империя, но доступ туда был ограничен системой имперских преференций и валютного контроля со стороны Англии. Тем не менее, например, в 1943 г. на рынки Великобритании приходилось более 34% всего американского экспорта⁴.

После того, как в августе 1945 г. США прекратили поставки товаров по ленд-лизу, правительство Великобритании обратилось за финансовой помощью к Соединенным Штатам — единственной стране, которая могла в то время провести такую операцию. В Англии прекращение операций, связанных с ленд-лизом, сразу же было расценено как мера, направленная против Великобритании, преследовавшая цель открыть рынки Британской империи для американских товаров.

Международные позиции Англии были ослаблены. Колониальная империя — основа британского могущества — находилась в состоянии распада. За годы войны Англия потеряла около 1/4 своего национального богатства. Экспорт, доходы от которого составляли важнейшую статью поступлений в британскую казну, в 1945 году составлял всего 55% от довоенного 1938 г.⁵ Также резко сократились доходы от заграничных инвестиций, судоходства, банковских операций и пр., за счет которых до войны оплачивалось около половины британского импорта. К концу войны Англия оказалась в большом долгу перед империей. В обмен на экспорт или использование военных материалов доминионы, Индия и другие части империи, получили в лондонских банках ограниченные счета в фунтах стерлингов, которые к концу войны вместе с займами составили 12 млрд. долл., т.е. сумму, которая почти была равна довоенному годовому национальному

нальному доходу Англии. Великобритания попала в финансовую зависимость от США.

Лейбористское правительство Эттли, пришедшее к власти летом 1945 г., столкнулось со сложными социально-экономическими проблемами, связанными с осуществлением реконверсии в промышленности. На укрепление, обновление, расширение производственного аппарата требовалось, по подсчетам английских экономистов, около 763 млн. ф.ст. (примерно 3 млрд. долл.)⁶⁾. Кроме того, рост революционных выступлений трудящихся Великобритании заставил правительство увеличить расходы на социальные нужды.

Несмотря на внутренние трудности и ослабление международных позиций, Англия в это время являлась вторым по мощи и влиянию капиталистическим государством и уступала в этом отношении только США. Британская империя в связи с ростом национально-освободительного движения переживала кризис, но продолжала существовать. Предпочтительные тарифы (имперские преференции) давали возможность правительству Великобритании сохранять за английскими предпринимателями привилегированное положение на рынках британских колоний и доминионов. Sterling-блок позволял Англии осуществлять тем валютный контроль. Английские военные базы были расположены во многих стратегически важных районах мира. Английские монополии имели крупные капиталовложения за границей. Однако финансово-экономическое положение страны в связи с прекращением американских поставок по ленд-лизу оказалось тяжёлым. У Англии не было достаточного количества валюты для оплаты сырья, продовольствия и промышленных товаров, которые ввозились из Соединённых Штатов.

Решение президента Трумэна о прекращении поставок по ленд-лизу было для правительства Эттли неожиданным и в силу этого оно не смогло провести необходимые меры по мобилизации валютных ресурсов для оплаты кшорта и обратилось к Соединённым Штатам в просьбой о займе. Правительство Трумэна согласилось обсудить этот вопрос при условии, что параллельно будут вестись переговоры о послевоенной торговой политике Британской империи⁷⁾. Таким образом, предоставление денежной помощи Англии было поставлено в зависимость от согласия понизить ввозные пошлины и открыть рынки своей империи для американских товаров.

11 сентября 1945 г. в Вашингтоне начались переговоры, которые продолжались до 6 декабря. Американскую делегацию возглавлял государственный секретарь Бирнс, английскую – посол Англии в США Галифакс и известный экономист Кейнс – советник министерства финансов и один из директоров Английского банка. В повестке дня было несколько вопросов, связанных с урегулированием расчетов по ленд-лизу, предоставлением Англии денежной помощи и торговой политикой.

Английская делегация была настроена оптимистично. Она надеялась получить от США в качестве дара 6 млрд. долл. Оптимизм англичан питался сознанием того факта, что в предстоящей сделке американцы были заинтересованы не меньше англичан. Кроме того, британская делегация полагала, что американская сторона учтёт жертвы, понесённые Великобританией в ходе войны, кстати сказать, к чему Кейнс безуспешно апеллировал в ходе переговоров. Американцы заинтересованы в будущем англо-американских отношений, писал Кейнс, и поэтому Англии, "как старому солдату, показывающему медали, не нужно адвоката"⁸⁾.

Британская делегация кроме просьбы о предоставлении безвозмездной денежной ссуды потребовала сокращения пошлин на английские товары, ввозившиеся в США. Английские представители указали, что без финансовой помощи от Соединённых Штатов Великобритания не сможет ратифицировать Бреттон-Вудское соглашение 1944 г. о создании Международного валютного фонда и Банка реконструкции и развития. Американская делегация выступила против оформления помощи в виде дара и против того, чтобы эта помощь была осуществлена в столь крупном размере. Кроме того, ссылаясь на необходимость создания более благоприятных условий для расширения международной торговли, американские дипломаты потребовали отмены британских имперских преференций и ликвидации долларовой пулы⁹⁾.

Переговоры проходили в напряжённой обстановке. В конце сентября 1945 г. британская делегация согласилась ликвидировать стерлинговый блок к 31 декабря 1947 г. при условии, что долг Великобритании странам стерлинговой зоны в 12 млрд. долл. должен будет урегулирован следующим образом: 4 млрд. долл. будут списаны; 800 млн. долл. будут превращены в свободно обратимую валюту, а 7,2 млрд. долл. будут выплачены пятьюдесятью ежегодными взносами

из расчета 2% годовых, при условии начала выплаты через пять лет. Правительство Эттли рассчитывало, что задолженность Канаде удастся списать, а часть финансовых обязательств предлагалось покрыть поставками британских товаров. Американская делегация сочла эти предложения в основном приемлемыми¹⁰⁾.

В ходе переговоров американские дипломаты настаивали на ликвидации таможенных соглашений Великобритании с её доминионами, подписанных в 1932 г., на основе которых устанавливались предпочтительные (преференциальные) тарифы, укрепившие торговые связи Англии с доминионами и затруднявшие ввоз американских товаров в страны Британской империи. Помощник государственного секретаря Клейтон настаивал на быстрой отмене "соглашений по поддержанию преференции" и принятии Англией обязательств не заключать подобные соглашения в будущем¹¹⁾. В конечном итоге английская делегация пошла на уступки в этом вопросе.

Длительные дискуссии вынавало обсуждение вопроса о размерах и форме американской денежной помощи. Американская сторона категорически отказалась согласиться на финансовую помощь в виде дара и предложила предоставленный кредит. Английская делегация согласилась, но потребовала, чтобы кредит был беспроцентным. В ответ на это американская делегация указала, что любая помощь, которую они предоставят англичанам, "для того, чтобы быть утверждённой в конгрессе, должна быть похожей на коммерческую сделку, а не на акт великодушия"¹²⁾.

30 октября посол США в Лондоне писал государственному секретарю, что в Англии "положение относительно финансовых переговоров в Вашингтоне оценивается как "очень тяжелое" в связи с предложением оформить финансовое соглашение на коммерческой основе"¹³⁾. В английском журнале "Экономист", отмечалось, что предложенная Соединенными Штатами большая сумма кредита на длительный срок с низкой процентной ставкой и сроком начала погашения кредита в пять лет - всё это действительно очень щедро, но ежегодная сумма погашения кредита, не менее 100 млн. долл., будет весьма трудным делом для Англии, "не имеющей валютных резервов"¹⁴⁾. Посол США в Великобритании сообщал в государственный департамент, что в английских правительственных кругах появились сомнения относительно целесообразности финансового соглашения на условиях,

предложенных Соединенными Штатами¹⁵⁾.

Переговоры были близки к завершению, когда содалась угроза их срыва. В своих мемуарах бывший министр финансов Великобритании Х. Дальтон пишет: "Мы были близки к разрыву в понедельник и вторник 3 и 4 декабря"¹⁶⁾. Дальтон даже начал продумывать речь в палате общин в связи с возможным срывом переговоров. Дело было в том, что американская сторона внесла в проект соглашения пункт, по которому Англия лишалась права выхода из Межд. валютного фонда с целью получения свободы действий в вопросах урегулированных Бреттон-Вудским соглашением 1944 г. на срок действия соглашения о кредите, т.е. на 50 лет. 4 декабря 1945 г. на совместном заседании англо-американского финансового комитета в соответствии с инструкциями, полученными из Лондона Галифакс заявил, что при таком положении шансы утверждения соглашения о Международном валютном фонде в английском парламенте будут подвергнуты серьезной опасности¹⁷⁾. В таких условиях американские дипломаты пошли на уступки, и соглашение было достигнуто.

6 декабря 1945 г. в Вашингтоне состоялось подписание документов. Согласно англо-американскому финансовому соглашению правительство Соединенных Штатов предоставляло правительству Великобритании двухпроцентный кредит на сумму 4,4 млрд. долл., который мог быть получен в промежутке между датой вступления соглашения в силу и 31 декабря 1951 г. включительно. Целью кредита было "облегчить условия закупки Соединенным Королевством товаров и получение услуг в Соединенных Штатах, помочь Соединенному Королевству погасить дефицит его текущего платёжного баланса в послевоенный переходный период, помочь Соединенному Королевству поддерживать достаточные запасы золота и долларов и помочь правительству Соединенного Королевства принять обязательства по многосторонней торговле". По условиям соглашения в течение первых шести лет Англия не должна была платить проценты или производить погашения суммы, предоставленной ей в кредит. Погашение кредита предусматривалось начать с 31 декабря 1951 г. и осуществить равными взносами в течение пятидесяти лет. Соглашением предусматривалась отсрочка выплаты процентов в случае, если правительство Соединенных Штатов найдет, что отсрочка является необходимой ввиду неблагоприятных условий для международной торговли и уров-

ня золотых и валютных запасов Великобритании. Англия не имела права расходовать средства, полученные по займу, для выполнения своих обязательств перед третьими странами. Правительство Англии обязалось не получать какие-либо долгосрочные займы от правительств стран, входящих в Британское содружество, после 6 декабря и до конца 1952 г. на условиях более благоприятных для кредитора, чем условия англо-американского соглашения, а также не позднее чем через год после вступления в силу соглашения допустить свободный обмен фунтов стерлингов на доллары, т.е. упразднить "стерлинговый блок"¹⁰. Правительство Великобритании обязалось разморозить средства колоний и доминионов, хранившиеся в английских банках, и по желанию вкладчиков выплатить их в долларах. Последнее условие преследовало цель высвободить имеющиеся у некоторых стран долларовые ресурсы для оплаты американского импорта и наносило ущерб интересам Англии.

В совместном заявлении Соединенных Штатов и Англии по поводу "Предложений для рассмотрения Международной конференцией по торговле и занятости" указывалось, что эти вопросы должны рассматриваться только во взаимосвязи с другими документами. В заявлении говорится, что "Предложения", в наиболее важных пунктах одобренные Великобританией, переданы для предварительного обсуждения другим странам. "Предложения" — довольно подробный документ, в котором рассматривались вопросы экономического сотрудничества, "равенства в экономических отношениях" между государствами, пути "отмены торговых барьеров и дискриминации" и вопросы расширения международной торговли. Следует отметить, что этот документ должен был стать основой для дискуссии на конференции, которую предполагалось провести летом 1948 г. В "Предложениях" нашло отражение стремление правящих кругов США открыть рынки Британской империи для американских монополий. В этом документе подробно излагалось, каким образом должны сокращаться и ликвидироваться имперские преференции, но в отношении американских таможенных тарифов говорилось лишь об их "существенном сокращении". Последнее вызвало возражение британской прессы. "...американский тариф настолько высок, — писал "Экономист", — что сокращения, которые были вполне "существенными" на бумаге, могли быть совершенно неэффективными в действительности". Автор критиковал правительст-

во США также за то, что в документе, в котором изложены перспективы международной торговли в ближайшем будущем, нет осуждения практика предоставления таких займов согласно которым страна-должник обязана тратить займ на покупку товаров в стране-кредиторе. По мнению "Экономиста", это являлось "большой дискриминацией", чем преференции или двухсторонние соглашения¹⁹⁾.

В совместном заявлении Соединенных Штатов и Англии по урегулированию расчетов по ленд-лизу и взаимопомощи, приобретению излишков американского военного имущества и урегулированию претензий, возникших во время войны, оба правительства соглашались, "что не будут в дальнейшем искать никаких выгод в виде компенсаций за ленд-лиз и взаимопомощь". Общая сумма, которую Великобритания, согласно этому документу, должна выплатить Соединенным Штатам, была определена в 650 млн.долл. В эту сумму входила стоимость поставок и услуг по ленд-лизу, которые продолжались после капитуляции Японии (2 сентября 1945 г.). Все же новые сделки между двумя правительствами после 31 декабря 1945 г. должны были производиться за наличный расчет. Передача для военного использования другим вооруженным силам товаров, предназначенных для поставок по ленд-лизу, которыми владели вооруженные силы Великобритании ко 2 сентября 1945 г., а также передача "другим странам для гражданского использования таких же товаров должны были быть произведены только с согласия правительства Соединенных Штатов, и доходы от подобной операции должны были перечисляться правительству США²⁰⁾. 650 млн.долл., которые Великобритания уплачивала в счет погашения задолженности по ленд - лизу, вычиталась из общей суммы кредита в 4,4 млрд. долл., и таким образом сумма американского кредита снижалась до 3,75 млрд.долл. Внешне условия расчета по ленд - лизу выглядели великодушными со стороны США. Из общей суммы поставок по ленд - лизу в 46 млрд.долл. 30 млрд.долл. приходилось на страны Британской империи. В американской прессе отмечалось, что в результате этого соглашения с Англией был отсчитан долг в 25 млрд. долл. В ходе войны поставки по ленд-лизу составили более 50 % американского экспорта. Эти поставки сыграли большую роль в обогащении американских монополий и росте американской промышленной мощи. В правящих кругах США рассчитывали, что услуги, которые удалось получить от Великобритании по внешнеторговым и валютным

вопросам в связи с соглашением о предоставлении кредита и расчетам по ленд-лизу, дадут возможность укрепить капитализм в Англии и подготовить англо-американское военно-политическое сближение в будущем. Но при оценке этого документа следует иметь в виду, что американцы в ходе урегулирования платежей по ленд-лизу не взяли в расчет принцип равенства жертв, на котором настаивали англичане, что вынуждало британскую сторону нести дополнительное бремя расходов. Далее, оборудование, которое оставили в Англии американцы и за которое англичане вынуждены были платить, было низкого качества. Негативной стороной этого документа, по мнению англичан, было и то, что самостоятельной силой соглашение о расчете за ленд-лиз не имело, т.к. было связано с другими документами.

В середине декабря британский парламент ратифицировал англо-американское экономическое соглашение. Оно было одобрено в палате общин 345 голосами против 98, а в палате лордов - 90 голосами и против 8²¹).

В Соединенных Штатах англо-американское экономическое соглашение было подвергнуто критике. 20 января президент Трумен передал законопроект о соглашении на рассмотрение в конгресс, где дебаты по этому вопросу продолжались почти шесть месяцев. Те, кто выступал против его утверждения, указывали, что заём Великобритании представлен на условиях, невыгодных для США, и является "плохим бизнесом", поскольку кредит даётся под низкий процент, и есть угроза, что он не будет выплачен. В выступлениях конгрессменов указывалось, что Великобритания не выплатила долг Соединённым Штатам после первой мировой войны и добавок к этому правительство предлагает списать с Великобритании 25 млрд. долл. за американский ленд-лиз. В связи с предполагавшимися переговорами о займе Франции выражалось опасение, что данное соглашение послужит прецедентом. В то время, как одни противники соглашения доказывали, что заём - это субсидирование, направленное на сохранение Британской империи, другие утверждали, что это - субсидирование британского социализма, который пытается осуществить правительство Эттли. Некоторые конгрессмены говорили, что, получив крупный заём, Англия не даст гарантий его выплаты или уступок в виде баз или каких-либо британских владений. Другие полагали,

что покупка англичанами американских товаров, необходимая самим американцам, усилит инфляцию²²⁾.

Сторонники займа в ответ на упреки, что финансовое соглашение — "плохой бизнес", доказывали, что это не так. В январе 1946 г. Д. Ачесон, выступая по радио, сказал, что в случае полной уплаты процентов по займу, сумма их должна составить 2,2 млрд. долл.²³⁾ Даже при условии невыплат англичанами в определённые годы процентов сумма всё равно должна была быть значительной. Аргументами в пользу соглашения выдвигались перспективы развития широкой международной торговли без дискриминационных барьеров, которые Великобритания обязалась отменить. И это соображение сыграло главную роль в том, что большинство конгрессменов высказалось за утверждение соглашения. Указывалось, что альтернативой соглашению могла быть только англо-американская торговая война. Об этом говорили конгрессмен Спаркмен, сенатор Фулбрайт и другие²⁴⁾. Сторонники ратификации соглашения отмечали, что Англия является наиболее крупным покупателем американской сельскохозяйственной продукции. Например, в 1936 г. 38% сельскохозяйственного экспорта США шло в Великобританию. В 1936-1938 гг. 27% всего американского экспорта составляла продукция сельского хозяйства. За тот же период 54% американского ввоза в Англию составили сельскохозяйственные товары²⁵⁾. В случае провала соглашения о займе у американцев, по словам конгрессмена Бульвинкля, не оставалось никакой альтернативы, кроме как сократить производство хлопка и табака на 20-30%²⁶⁾. Определённую роль в ратификации соглашения сыграла антисоветская речь У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. В этой речи Черчилль призвал США и Англию объединиться для борьбы против СССР и революционного движения. Под впечатлением от этого выступления конгрессмен Рейдбёрн заявил, что Англию следует поддерживать экономически, чтобы не допустить её развятия в направлении "враждебной идеологии" и сохранить её в качестве "великого естественного союзника" Соединённых Штатов²⁷⁾. Сторонники соглашения использовали антисоветские и антикоммунистические лозунги. Журнал "Ньюсуик" 6 мая 1946 г. писал, что речь Черчилля заставила колеблящихся и некоторых противников ратификации пересмотреть свои взгляды в пользу утверждения соглашения²⁸⁾.

Результаты голосования в конгрессе по резолюции, одобрявшей

англо-американское экономическое соглашение, были таковы: в сенате 46-за и 34-против, а в палате представителей 219-за и 155-против. В июле 1946 г. законопроект был подписан президентом Трумэном и обрел силу закона²⁹⁾.

Отмена контроля над ценами в США снизила реальную ценность займа на 28%. Кроме того, Англия потеряла около 240 млн. долл. при обмене фунтов стерлингов на доллары. При учете всех потерь, а также при учете удержания из займа в порядке расчета по лендлизу, оказывалось, что Англия могла реально использовать для своих нужд лишь около половины суммы займа. По оценке некоторых специалистов, "если условия о займе были бы полностью соблюдены, стерлинговая зона обанкротилась бы в течение нескольких недель"³⁰⁾. К 1947 г. Англия истрасходовала американский кредит.

Соглашение носило компромиссный характер и критиковалось как в Англии, так и в США. Трумэн в своих мемуарах вспоминал: "Была критика, что заём был недостаточный и критика, что он был необычный, а дядя Сэм изображался и как Санта Клаус и как Тейлор"³¹⁾. Однако соглашение сыграло определённую роль в развитии англо-американских отношений в послевоенные годы, в результате которого Англия стала "младшим партнёром" Соединенных Штатов.

Примечания.

- 1) М.Трахтенберг. Переход капиталистических стран от военной к мирной экономике.- "Мировое хозяйство и мировая политика", 1946 № 4-5. Приложение, с.4.
- 2) Р.Миллс. Властвующая элита. М., 1959, с.139.
- 3) В.А.Лан. США в военные и послевоенные годы (1940-1960). М., 1964, с.189.
- 4) Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1960, p. 550.
- 5) Documents on American Foreign Relations (DAFR), vol. VIII, July 1, 1945-December 31, 1946. Princeton, 1948, p. 643.
- 6) W.Manning Dosey. British Reconversion and Trade. "Foreign Affairs", January 1945, p. 249.
- 7) Foreign Relations of the United States (FR), 1945, vol. VI, Wash., 1969, p. 10. Государственный секретарь США Бирнс - послу США в Великобритании Вайнанту, 27 августа 1945 г.
- 8) H.Dalton. High Tide and After, Memoirs. 1940-1960. L., 1962, p. 74.
- 9) В ходе войны в лондонских банках на счете некоторых стран Британской империи оказались денежные средства в обратимой валюте, которыми они, однако, не могли распорядиться по собственному усмотрению без разрешения Лондона. Эти средства и составили долларовый пул.
- 10) FR, 1945, vol. VI, p. 133. Помощник государственного секретаря У.Клейтон - президенту Трумену, 24 сентября 1945 г.
- 11) Ibidem. Помощник государственного секретаря Д.Ачесон - Вайнанту, 2 октября 1945 г.
- 12) H.Dalton. Op. cit., p. 74.
- 13) FR, 1945, vol. VI, p. 151.
- 14) "Economist", October 13, 1945.
- 15) FR, 1945, vol. VI, p. 54.
- 16) H.Dalton. Op. cit., p. 84.
- 17) FR, 1945, vol. VI, p. 190.
- 18) DAFR, vol. VIII, p. 645-649.
- 19) "Economist", December 15, 1945.
- 20) DAFR, vol. VIII, p. 133.

- 21) "Economist", December 22, 1945.
- 22) Congressional Record (CR), vol. 92, part 3, p. A3862; vol. 92, part 9, p. A297-A1075; vol. 92, part 10, p. A1518-A2244.
- 23) The British Loan - What it Means to Us. Wash., 1946, p. 10.
- 24) CR, vol. 92, part 10, p. A1547, A2440.
- 25) CR, vol. 92, part 10, p. A1518.
- 26) CR, vol. 92, part 9, p. A291.
- 27) H.C.Allen. Great Britain and the United States. A History of Anglo-American Relations. 1873-1952. L., 1954, p. 914.
- 28) "Newsweek", May 6, 1946.
- 29) DAFR, vol. VIII, p. 645.
- 30) Д.Итон. Экономика мира или экономика войны? М., 1953, с.31.
- 31) H.S.Truman. Memoirs, vol. I. N.Y., 1955, p. 529.

Н. Н. СОКОЛОВ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОРЬБА В ПРАВЯЩИХ КРУГАХ США
ПО ВОПРОСАМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ В СВЯЗИ С
АГРЕССИЕЙ ЯПОНИИ ПРОТИВ КИТАЯ (ИЮЛЬ-ДЕКАБРЬ 1937 г.)

Оценка внешнеполитического курса США на Дальнем Востоке в исследуемый период дана в работах советских авторов¹⁾. Вопрос о расстановке сил в конгрессе и влиянии американского общественного мнения на формирование дальневосточной политики администрации Рузвельта в связи с японской агрессией в Китае требует своего рассмотрения. Статья написана на основе изучения протоколов конгресса, публикаций документов, прессы и работ американских и советских авторов.

7 июля 1937 г. Япония напала на Китай. Цель японской политики заключалась в отторжении от Китая северных провинций. В конечном итоге Япония планировала подчинить весь Китай. Правительство президента Рузвельта в связи с агрессией Японии против Китая заняло позицию невмешательства. 13 июля государственный секретарь Хэлл заявил, что в японо-китайском конфликте США занимают в отношении Японии "дружескую, беспристрастную позицию"²⁾. Подобную же политику проводили правительства Англии и Франции. Дипломаты империалистических держав рассчитывали, что захват Японией Северного Китая предотвратит японскую экспансию в Юго-Восточной Азии и направит её агрессию против СССР.

Японская агрессия наносила серьёзный урон интересам американского капитала на Дальнем Востоке и подрывала американские позиции в этом регионе. В США это отлично понимали. Государственный секретарь Хэлл заявил, что Япония определённо стремится обеспечить своё господство в Восточной Азии и "...остепенно расширить свой контроль на все тихоокеанские острова"³⁾. 16 июля 1937 г., обращаясь к государствам, подписавшим пакт Бриана-Келлога, Хэлл отмечал, что США желают "мирного урегулирования" на Дальнем Востоке и что они поддерживают "принцип святости договоров". Однако в этом обращении не было указания на то, что своими действиями Япония нарушила Вашингтонский договор девяти держав о политике в Китае от 6 февраля 1922 г. и пакт Бриана-Келлога от 27 августа 1928 г. об отказе от войны как средства осуществления национальной политики, подписанный 63 государствами, в том

числе и Японии⁴⁾. Д.Борг писала по поводу заявления государственного секретаря: "Хэлл умышленно не назвал, какая сторона была агрессором в конфликте на Дальнем Востоке и настаивал на том, что он придерживается политики "строгого беспристрастия"⁵⁾.

Расширение масштабов японской агрессии в Китае вызвало обострение внутривнутриполитической борьбы в правящих кругах США по вопросам дальневосточной политики в конгрессе и прессе. Большинство конгрессменов, как демократов, так и республиканцев, поддерживали политику правительства, которое, ссылаясь на то, что Япония официально не объявила войну Китаю, не вводило в действие закон о нейтралитете, что давало возможность Японии закупать американские военные материалы. Однако значительная часть членов конгресса выступала за применение к Японии и Китаю закона о нейтралитете, ссылаясь на то, что оба государства фактически находятся в состоянии войны.

29 июля 1937 г. председатель сенатской комиссии по иностранным делам Питтмен заявил, что администрация Рузвельта не собирается применять законодательство о нейтралитете на Дальнем Востоке, и отметил, что, по его мнению, позиция "строгого беспристрастия", которую проводит госдепартамент, наносит ущерб американским интересам. Питтмен рекомендовал усилить военно-морской флот США в Тихом океане⁶⁾. На позицию американских конгрессменов оказывали влияние не только политические, но и экономические факторы. Влиятельные круги американского монополистического капитала испытывали крупные прибыли от торговли с Японией. Отражая их интересы, сенатор Льюис говорил: "Если президент объявит, что между Японией и Китаем существует состояние войны и применит законодательство о нейтралитете, это может вызвать недовольство обеих воюющих держав" и подорвет дальневосточную торговлю США⁷⁾.

Конгрессмены-неоляционисты Най, Рейнольдс, Фиш, Минстед выступали за применение закона о нейтралитете. 10 августа 1937 г., выступая перед членами сенатской комиссии по иностранным делам, сенатор Най напомнил, что закон о нейтралитете от 1 мая 1937 г. обязывал президента в случае возникновения где-либо войны объявить эмбарго на поставки из США всех видов оружия, боеприпасов, военного снаряжения и прекратить предоставление американских займов и кредитов в воюющие страны⁸⁾. Най и конгрессмен Фиш пред-

ложили совместную резолюцию, которая содержала требование прекратить всякую торговлю США с Японией и Китаем⁹⁾. Известно, что закон о нейтралитете не предусматривал никаких ограничений на продажу военно-стратегического сырья при условии, если его оплата будет производиться при заключении сделки и доставка будет осуществляться на судах страны-покупателя¹⁰⁾. Против этого принципа (он получил наименование "плати и вези") выступил член палаты представителей О.Мажли. В резолюции от 2 августа он предлагал прекратить поставки металлолома и других видов военно-стратегического сырья на Дальний Восток без всяких оговорок¹¹⁾.

В США серьезно опасались, что японская агрессия подорвет позиции американского монополистического капитала в Китае. Редактор газеты "Нью-Йорк таймс" Д.Макдональд отмечал, что война на Дальнем Востоке затрагивает США в большей степени, чем любые другие мировые конфликты. "Американские государственные деятели и бизнесмены, - писал он, - всегда рассматривали Китай как громадный потенциальный рынок, который ни одна держава не должна монополизировать"¹²⁾. Правительство Соединенных Штатов было заинтересовано в том, чтобы Китай оказывал сопротивление Японии. Определенная часть американских кругов настаивала на предоставлении Китаю финансовой и военной помощи. Между министром финансов США Моргентау и представителями Китая велись переговоры по вопросу стабилизации китайской валюты. По соглашению, подписанному Моргентау и министром финансов гоминдановского правительства Кун Сян-си, Китай получил право закупать золото в США из фондов, не предназначенных для золотого обеспечения бумажных денег. Закупаемое золото должно было храниться в американских банках и использоваться в целях укрепления китайской валюты¹³⁾. Широкие круги американской общественности осуждали японскую агрессию, что находило отражение в прессе. Американский публицист В.Нувер в статье, опубликованной в газете "Вашингтон пост", указывал, что "американские интересы могут быть разрушены японским вторжением, и если Соединенные Штаты будут проводить политику нейтралитета на Дальнем Востоке, то может случиться, что американская политика будет определяться в Вашингтоне, а Токио"¹⁴⁾. Характерна в этом смысле также полемика между двумя либеральными журналами "Нейшн" и "Нью-рипаблик".

Журнал "Нейшн" был сторонником более активной "интернационалистской" внешней политики США. Журнал отрицательно оценивал

возможные последствия японской агрессии в Китае для американских интересов и выражал мнение тех промышленников и торговцев, которые имели экономические связи с Китаем. Журнал выступал за применение свободного эмбарго – права президента ввести в действие статью закона, запрещающую ввозить в воюющие государства военные материалы для того, чтобы ограничить поставки военно-стратегического сырья из Соединенных Штатов Америки в Японию¹⁵⁾.

Журнал "Нью-рипблнк" стоял на изоляционистских позициях и выступал за американский нейтралитет в японо-китайской войне. "Поставки США в Китай так или иначе будут пресечены, – рассуждал журнал, – поскольку Япония в любой момент может заблокировать китайское побережье. Применение же нейтралитета после того, как Япония блокирует Китай, будет расценено как капитуляция США"¹⁶⁾.

В большинстве случаев американская буржуазная пресса оправдывала политику нейтралитета и попустительства агрессору, ссылаясь на то, что в противном случае США будут вовлечены в войну с Японией. Многие газеты не брали в расчет те бедствия, которые переживал китайский народ. Например, "Милуоки джорнал" критиковал законодательство о нейтралитете, поскольку оно не делало различия между агрессором и жертвой агрессии, но призвал применить его, "в интересах безопасности США, независимо от того, пострадает от этого Китай или нет". Противоречивы и непоследовательны были высказывания газет "Крисчен сайенс монитор", "Кливленд пресс" и др.¹⁷⁾.

Некоторые американские издания изоляционистского направления фактически оправдывали японскую агрессию. "Америкэн меркьюри" – ежеквартальный литературно-политический и экономический журнал крайнего правого направления – писал, что "японская жестокость является военной жестокостью, которую могла бы проявить любая нация, ведущая войну". Журнал высказался против всякой помощи Китаю и выступал за свободную торговлю оружием с Японией¹⁸⁾.

Проводя политику невмешательства в японо-китайскую войну, часть деловых кругов США, как уже было сказано, не отказывалась от заботы своих интересов в Китае, но считала, что эти цели можно достичь путём сговора с Японией. Журнал "Каррент хистори" предлагал заключить с ней "взаимовыгодный договор, пригодный для всех территорий, которые будут под японским контролем". Журнал исходил из того, во-первых, что экономические санкции против

Японию не заставят её уйти из Китая, "поскольку она будет использовать ресурсы всего азиатского континента", и, во-вторых, что, "если Китай будет способен изгнать японцев, у него будет достаточно сил, чтобы изгнать и других иностранцев"¹⁹⁾.

В американской прессе было распространено мнение о том, что экономическое давление не в силах заставить Японию отказаться от продолжения агрессии. Журналы "Коммершл энд финэншл кроникл" и "Коммершл кроникл", отражая точку зрения бизнесменов, заинтересованных в торговле с Японией, выступали против экономических санкций. Они предлагали правительству придерживаться такой политики, которая не наносила бы ущерба американско-японской торговле²⁰⁾.

В августе 1937 г. японские войска предприняли наступление в районе Шанхая, где имелись значительные американские капиталовложения. По данным из газеты "Нью-Йорк таймс", 18 крупных американских компаний имели свои интересы в этом районе. По подсчетам журнала "Бизнес уик", на общей сумме американских капиталовложений в Китае в 150 млн.долл. 100 млн.долл. приходилось на Шанхай²¹⁾.

В сложных условиях правительство США продолжало придерживаться политики невмешательства. Однако дальнейшее продвижение Японии на юг активизировало обострение дискуссий в конгрессе. Сенаторы Льюис, Кларк, член палаты представителей Фиш потребовали вывода американских войск из Китая и сокращения военно-морских сил в китайских водах. По подсчетам Фиша, в Китае находилось 2500 солдат и морских пехотинцев, в том числе 1500 солдат морской пехоты в Пекине и Шанхае, 15-й пехотный полк, контролировавший железную дорогу от Пекина до Тяньцзиня, и 10 американских канонерок на реке Янцзы. Фиш считал, что затрата 10 млн.долларов в год на содержание этих войск в Китае не оправдана в связи с отсутствием американских экономических интересов в данном районе. 6 августа Льюис внёс резолюцию с требованием, чтобы военное министерство представляло в сенат информацию о действиях 15 пехотного полка. Пребывание американских войск и граждан в районе Пекина, по мнению сенатора, могло вызвать войну с Японией²²⁾. Эти требования были подвергнуты острой критике со стороны сенаторов Питтмена и Кинга. Питтмен внес в комитет сената по иностранным делам резолюцию, предла-

гавшуд не допустить контроля действий госдепартамента со стороны сената²³.

18 августа сенаторы Най, Кларк, Бонэ потребовали применить закон о нейтралитете. Во внесённой ими резолюции отмечалось, что "если будет установлена блокада китайского побережья со стороны Японии, а США прекратят поставки военных материалов и предоставления кредитов японцам, то это уравнивает положение обеих воюющих держав"²⁴. Дебаты по этой резолюции вылились в борьбу между сторонниками нейтралитета США в международных и при-^{делах}верженцами более активной политики. Ввиду общности конечных целей эта борьба не носила антагонистического характера. Обе стороны надеялись на японо-советскую войну, в ходе которой, рассчитывали они, Япония и СССР были бы ослаблены. Резолюцию поддержали 24 члена палаты представителей. Главным требованием конгрессменов был принцип обязательного эмбарго на экспорт оружия, военного снаряжения в Японию и Китай. Они считали, что закон о нейтралитете от 1 мая 1937 г. представил большую власть президенту. Право президента применять эмбарго по своему усмотрению, по их утверждению, могло привести правительство к совместному выступлению с Лигой наций в деле запрещения экспорта оружия и вовлечению Соединённых Штатов в войну²⁵.

Сторонники применения эмбарго по усмотрению президента считали, что это даст возможность влиять на события в свою пользу. 23 августа в речи по радио председатель комитета сената по иностранным делам Питтмен выступил против резолюции Най-Кларка-Бонэ. По мнению сенатора, введение в действие акта о нейтралитете было бы использовано Японией в качестве предлога для установления блокады китайского побережья. Требования изоляционистов, по мнению Питтмена, наносили удар по политике "открытых дверей" в Китае²⁶.

Противоборство двух тенденций в конгрессе сказывалось на характере внешнеполитического курса Соединённых Штатов. Стремясь оказывать давление на Японию, правительство США увеличило свои военные силы в Шанхае. Вопреки сопротивлению изоляционистов в этот район к имевшимся там американским военным силам были направлены рота морской пехоты и два эсминца. Представители США, Англии и Франции предложили Японии и Китаю исключить Шанхай из зоны военных действий²⁷.

Тем не менее администрация США не имела позитивной программы пресечения агрессии. После нападения Японии на Шанхай последовал ряд заявлений правительства, которые, как пишет Дайвин, отличались "неопределенностью" и преследовали цель "успокоить конгрессменов"²⁸⁾. 17 августа Рузвельт заявил, что закон о нейтралитете будет введен в течение 24 часов после официального объявления войны на Дальнем Востоке²⁹⁾. В заявлении от 23 августа Хелла дал ясно понять, что правительство США будет и впредь занимать позицию нейтралитета. Через несколько дней Хелл заявил представителям печати, что он одобрил это заявление. В передовых статьях японских газет "Йомиури" и "Кокумин" выражалось удовлетворение по поводу речи Хелла³⁰⁾.

В таких условиях японские милитаристы расширяли захватническую войну в Китае. Возбуждали мирное население городов, начали блокаду китайского побережья. Только Советский Союз, подписавший 21 августа 1937 г. с Китаем пакт о ненападении, оказывал помощь китайскому народу в борьбе против агрессии и решительно осудил японских империалистов³¹⁾.

В госдепартаменте США была выдвинута точка зрения, что в связи с обострением обстановки в Европе США не могут пойти на серьезный конфликт с Японией. Например, посол США в Токио Д.Грю считал, что на первом месте стоят интересы Соединенных Штатов в Европе. На Дальнем Востоке он советовал придерживаться политики "строгого нейтралитета". 27 августа в телеграмме, затем 15 сентября в письме к Хеллу Д.Грю высказался за сохранение "американо-японских добрых отношений". Грю оценивал политику умиротворения и доказывал, что большая часть правящих кругов Японии во главе с императором принадлежит к лагерю умеренных и не делает войны. Он предлагал договориться с Японией мирным путем и возражал против каких-либо мер давления³²⁾.

Н.Джонсон, посол США в Китае, напротив, был противником политики умиротворения и подчеркивал её антикитайскую направленность. Джонсон считал, что в интересах Соединенных Штатов следует добиваться сохранения административной и территориальной целостности Китая³³⁾.

Внешняя политика, осуществляемая администрацией Рузвельта,

служила интересам крупного капитала США. Американские монополисты наживались на японской агрессии. Соединенные Штаты занимали первое место во внешней торговле Японии, являясь главным поставщиком сырья и оборудования. Факты свидетельствуют о связях американских монополий в это время с автомобилестроением, нефтеперерабатывающей промышленностью Японии. США и Япония продолжали обмен патентами и технической информацией³⁴⁾.

3 сентября китайский посол в Вашингтоне в беседе с Хэллом отрицал локальный характер японо-китайского конфликта и выразил надежду, что Соединенные Штаты будут способствовать коллективным действиям против Японии. Хэлл сослался на акт о нейтралитете и указал на то, что коллективные санкции не имели успеха в период маньчжурского кризиса 1931 г.³⁵⁾

12 сентября Китай обратился в Лигу наций с жалобой на японскую агрессию. Китайское правительство серьезно надеялось, что западные державы, имеющие значительные интересы на Дальнем Востоке, поддержат Китай. Как оказалось, эти надежды не имели под собой основания. Англия и Франция, занимающие господствующие позиции в Лиге, доказывали, что без участия Соединенных Штатов эмбарго на торговлю с Японией будет малоэффективным. Только Советский Союз поддерживал Китай. 21 сентября 1937 г., выступая на пленуме Лиги наций, М.М. Литвинов говорил: "Я твердо убежден, что решительная политика Лиги в одном случае агрессии избавила бы нас от всех остальных случаев"³⁶⁾.

14 сентября 1937 г. Рузвельт заявил, что торговые суда, являющиеся собственностью США, не имеют права перевозить товары в Японию и Китай. Американцы - владельцы судов, которые будут продолжать дальневосточную торговлю, должны делать это на свой страх и риск³⁷⁾. Так был применен на практике принцип "плати и веши". Это решение не вызвало беспокойства в Японии, которая имела достаточно мощный торговый флот, но ставило под угрозу торговлю Китая с Соединенными Штатами. В связи с этим журнал "нейшн" писал, что, "имея деньги и крупный торговый флот, Япония и прежде превосходила Китай в торговле с Соединенными Штатами, а теперь может её ещё больше расширить"³⁸⁾. Блокада не мешала американским частным судам доставлять военные материалы в Японию, между тем как поставки в Китай стали небезопасны. Се-

гатор Дж. Поуп в письме к Рузвельту привёл данные об удельном весе американских товаров в японском импорте стратегического сырья в 1937 г.: меди - 92,2%, нефтепродуктов - 60,5%, чугуна - 41,6%, железного лома - 59,7%³⁹). Соединенные Штаты были главным поставщиком военно-стратегических материалов в Японию. Японский импорт этих товаров из США составил за 1937-1939 гг. 760,4 млн. долл. Оккупация Японии таких провинций, как Шаньси и Шаньдун, была бы невозможна без большого числа тяжелых американских грузовиков, - писал "Нэйшн"⁴⁰). В то же время американские промышленники отказались выполнить многие китайские заказы, а банкиры отказались финансировать сделки с Китаем. В результате, если в первом полугодии 1937 г. Китай вывез из США товаров на сумму 115 млн. долл., то во втором полугодии китайские закупки сократились до 73 млн. долл.⁴¹

16 сентября китайский посол в США Вэн Чжен-тин высказал Хэллу протест по поводу заявления Рузвельта⁴²). Государственный департамент счел нужным внести ясность относительно позиции Белого дома по вопросу о нейтралитете прежде всего с целью успокоить американскую общественность. В речи по радиу 19 сент. Уэбб Хэлл определил суть закона о нейтралитете следующим образом: "Политика полной изоляции от внешнего мира, в конечном счете, была бы неэффективна, с другой стороны, вмешательство без необходимости в дела внешнего мира было бы неразумным". Органы деловых кругов "Джорнэл оф коммерс" так прокомментировал заявление Хэлла: "Противоречия политики Соединенных Штатов в этом районе вытекают из желания удержать за собой дальневосточные рынки". Министр торговли США Ропер в беседе с представителями печати пояснил, что наложение полного контроля на торговлю с Японией и Китаем помешало бы конкурентной борьбе США с другими державами⁴³). Подобные объяснения не удовлетворили американскую общественность. Журнал "Нэйшн" писал, что заявление 14 сентября - это первый шаг отступления перед изоляционистами, угроза идее коллективной безопасности⁴⁴).

С первых дней японо-китайской войны симпатии американского народа были на стороне Китая. Об этом свидетельствуют данные американского института общественного мнения: 59% опрошенных американцев проявили антияпонские настроения⁴⁵). В Соединенных

Штатах ширилось движение протеста против агрессии Японии. В этом движении активно участвовала Коммунистическая партия США. Одним из требований движения борьбы с агрессией было применение против Японии экономических санкций посредством эмбарго на торговлю с ней. В компании протеста активно участвовала Американская лига борьбы против войны и фашизма. На митинге Лиги в Нью-Йорке 1 октября 1937 г. была принята резолюция, призывающая к бойкоту японских товаров. От имени митинга была послана президенту телеграмма с требованием применить против Японии Вашингтонский договор девяти держав. Председатель профсоюза моряков Каррен заявил на митинге, что он требует от имени профсоюза запрещения ввоза военных материалов в Японию. Митинги антияпонского характера состоялись в Питтсбурге и Вашингтоне⁴⁶. За эмбарго против Японии и оказание помощи Китаю выступил ряд известных политических деятелей и часть прессы. В американской буржуазной прессе отмечалось, что нейтралитет США "прикрывает трусость и бесстыдный национальный эгоизм"⁴⁷.

Правительство учитывало размах антияпонского движения в стране. 5 октября 1937 г. Рузвельт произнес так называемую "карантинную" речь в Чикаго. Не случайно, что президент выбрал для выступления Чикаго-центр коалиционистов. Президент призвал миролюбивые народы предпринять совместные действия с целью введения карантина против агрессора⁴⁸. Но агрессоры не были названы. Рузвельт неоднократно подчеркивал, что он не намерен применять конкретные меры давления на Японию. Так, на пресс-конференции 6 октября президент отметил, что его речь не подразумевала экономических санкций против Японии⁴⁹. Одновременно последовал ряд официальных разъяснений, которые успокаивали японских милитаристов. В беседе с японским послом в Вашингтоне Саито 7 октября Хейл заявил, что правительство США будет продолжать прежнюю политику на Дальнем Востоке⁵⁰.

Тем не менее речь Рузвельта содействовала нарастанию антияпонских настроений в США. 6 октября газета "Нью-Йорк таймс" перепечатала выдержки из 16 редакционных статей различных американских изданий под заголовком: "Речь Рузвельта широко одобряется". Из восьми крупнейших американских газет шесть после речи Рузвельта высказались за коллективные меры против агрессора

ра. "Лос-Анджелес" и "Нью-Йорк таймс" расценили речь президента как первый шаг к достижению договоренности по вопросу о санкциях против Японии на конференции девяти держав, "Вашингтон пост" усмотрела в речи Рузвельта призыв к Японии отказаться от завоеванных территорий в Китае⁵¹⁾.

Выступление Рузвельта в Чикаго было поддержано Американской лигой против войны и фашизма, Иегритянским национальным конгрессом, федеральным советом церквей, Национальной конференцией за мир.

13 октября Американская федерация труда приняла резолюцию с призывом к профсоюзам других стран поддержать бойкот японских товаров. 15 октября резолюцию подобного характера принял Конгресс производителей профсоюзов⁵²⁾. Бывший государственный секретарь США Г.Стимсон в письме к "Нью-Йорк таймс" заявил: "Японская агрессия в Китае может нанести большие потери для всех наций, имеющих экономические интересы в Китае". Сенатор Питтман выдвинул идею "международного экономического карантина" против Японии⁵³⁾. Таким образом, "интернационалисты" одобрили речь Рузвельта, но восприняли её по-разному: одни призывали к коллективным санкциям, другие высказывались только за консультации между участниками Вашингтонского договора девяти держав, третьи предлагали не признавать японских захватов в Китае. Некоторые газеты и журналы были только на словах за пресечение агрессии Японии, а на деле выступали против введения санкций.

С критикой речи Рузвельта выступили сторонники сохранения строгого нейтралитета. В антирузвельтовской кампании активно участвовала пресса Херста, "Нью-Йорк геральд трибюн", "Чикаго трибюн", "Уолл-стрит джорнал", "Коммершл энд финэншл кроникл" и издания профашистского толка⁵⁴⁾. Многие сенаторы были недовольны внутренней политикой президента и, стремясь ослабить его позиции, выступали против внешнеполитического курса США. Речь Рузвельта критиковали сенаторы Барух, Ванденберг, Д.Рассел, Лафоллет. В середине октября член палаты представителей, республиканец от штата Массачусетс Тинкхэм в письме к Уэлду Гровилу, что он потребует осуждения президента и государственного секретаря в конгрессе за нарушение законодательства о нейтралитете. Несколько дней спустя конгрессмен Фиш повторил угрозу

Тинкхем публично⁵⁵⁾. Изоляционисты прикрывали политику поощрения агрессии лозунгами буржуазного пацифизма. Характерно в этом смысле письмо к редактору журнала "Нейшн", подписанное видными сторонниками изоляционизма, сенаторами и публицистами Насем, Лафоллетом, Маккарти, Бентоном, Чемберленом, Нельсоном и др. /все-го 45 подписей/. Они обвиняли журнал "Нейшн" в том, что он "призывает государственный департамент к войне, чтобы защитить скандальные экстерриториальные права американского империализма в Китае"⁵⁶⁾.

Проблема коллективной безопасности в 30-е годы стала одной из наиболее актуальных проблем международной политики и волновала американскую общественность. Между тем Соединенные Штаты отказались прикнуться к коллективным действиям против агрессоров. Хелл в письме к наблюдателю США в Лиге наций Гаррисону советовал не проявлять инициативы по вопросу о дальневосточном конфликте⁵⁷⁾.

С 2 по 24 ноября 1937 г. проходила Брюссельская конференция, созванная по инициативе Лиги наций. На этой конференции присутствовали участники Вашингтонской конференции 1921-1922 г., кроме Японии. Советский Союз принял предложение участвовать в конференции и рассматривал её как средство сотрудничества между миролюбивыми силами с целью борьбы против агрессии.

Соединенные Штаты послали в Бельгию представительную делегацию. Однако в ходе конференции выяснилось, что США, Англия и Франция не хотели прибегать к эффективным мерам воздействия на Японию. В декларации, принятой на конференции, японская агрессия в Китае формально осуждалась. Японии предлагалось прекратить военные действия. Оценивая работу конференции, "Нью-Йорк таймс" писала, что "заключительная декларация конференции была лебединой песней, которая свидетельствовала о неспособности демократических держав бороться с диктаторами"⁵⁸⁾.

Итоги конференции обсуждались в конгрессе. Изоляционисты болезненно восприняли сам факт осуждения агрессии. Сенатор Шиптед усмотрел в этом призыв к коллективным действиям. Сенатор Льюис заявил, что подписанные Соединенными Штатами декларации могут вызвать нападение Японии на Филиппины, Гавайские острова и другие американские владения на Тихом океане⁵⁹⁾.

Политика "невмешательства" которую проводили Соединенные Штаты на Дальнем Востоке, формировалась под влиянием факторов внутреннего и внешнего порядка. Во второй половине 1937 г. в США, как в ряде других капиталистических стран, развился экономический кризис. Сложная внутренняя обстановка в стране сказывалась на внешней политике США. Кроме того, позиции Соединенных Штатов на Дальнем Востоке не были достаточно прочными. В американской исторической литературе, посвященной исследованию дальневосточной политики Рузвельта, отмечается слабость военно-морских сил США в бассейне Тихого океана, отсутствие там хорошо укрепленных военных баз⁶⁰.

В конце ноября появились слухи, что Япония, возможно, официально объявит войну Китаю. Об этом, в частности, сообщал в госдепартамент Д. Гро⁶¹. В госдепартаменте считали, что в таком случае Соединенным Штатам придется применить акт о нейтралитете. Хэлл советовал президенту объявить о вступлении в силу американского закона о нейтралитете, как только между Японией и Китаем будет объявлена война⁶². Рузвельт одобрил предложение Хэлла. 30 ноября он писал государственному секретарю: "Я думаю, мы должны искать все возможные пути, чтобы избежать помощи одной или другой стороне". При этом президент потребовал от госдепартамента составить список товаров, которые будет запрещено поставлять по закону о нейтралитете, в случае его вступления в силу, Японии и Китаю⁶³.

Политика изоляции противоречила рузвельтовскому пониманию целей и методов американской внешней политики. Президент был "интернационалистом" и поддерживал то правящее крыло в правительстве США, которое выступало за проведение активной внешней политики на международной арене, боролось за укрепление позиций американского империализма на Дальнем Востоке. Помимо того, Рузвельт осуждал непригодность существующего законодательства о нейтралитете к этому району. В письме к жене он подчеркивал, что нейтралитет будет в пользу Японии⁶⁴. Следует учитывать и то обстоятельство, что японские правящие круги отдавали себе отчет в том, что продолжение агрессии в Китае во многом зависит от американских поставок военно-стратегического сырья. Япония отнюдь не собиралась давать Соединенным Штатам повод для при...

ния экономических санкций. Она так и не объявила войну Китаю официально.

К концу 1937 г. Япония захватила обширные территории в Северном и Центральном Китае и продолжила агрессивную войну, приносящую тяжелые жертвы и лишения китайскому народу. Японские империалисты использовали в своих интересах политику попустительства и нейтралитета, которую проводили Соединенные Штаты, Англия и Франция. Те американские политические силы, которые выступали за активную поддержку Китая в борьбе против агрессора, оказались не в состоянии покончить с политикой умиротворения. При анализе противоборствующих тенденций в конгрессе следует иметь в виду, что позиции многих конгрессменов были противоречивыми, а высказывания порой носили спекулятивный и конъюнктурный характер, либо являлись определенной формой давления на Японию.

Примечания.

- 1) Г.В.Ерёмов, А.Н.Дубинский. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга 2, 1917-1945 гг. М., 1973; Ю.Л.Кузнец. Вступление США во вторую мировую войну. М., 1962; Б.М.Марушкин. Американская политика "левых действий" и японская агрессия в Китае. /1937-1939/. М., 1957; Г.Н.Севостьянов. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961.
- 2) Papers Relating to the Foreign Relations of the United States and Japan, 1931-1941, vol. I, Wash., 1943, p. 317, 321.
- 3) A.Nevins and L.Hacker, The United States and Its Place in World Affairs, 1918-1943. Boston, 1943, p. 397.
- 4) Peace and War. United States Foreign Policy, 1931-1941. Wash., 1943, p. 45-46. /Peace and War.../
- 5) A.A.Offner, America and the Origins of World War II, 1933-1941. Boston, 1971, p. 43.
- 6) Congressional Record (CR). 75th Congress, First Session, vol.81, p. 10165.
- 7) Ibid., p. 10237.
- 8) Ibid., p. 11026.
- 9) Ibid., p. 10443.
- 10) Е.В.Ананова. Новейшая история США, 1919-1989 годы. М., 1962, с.284.
- 11) CR, vol: 81, p. 10340, 10341.
- 12) "The New York Times", July 25, 1937.
- 13) "Правда", 15 июля 1937 г.
- 14) CR, vol. 81, p. 10238.
- 15) "The Nation", August 7, 1937, p. 14; September 18, 1937, p. 292; September 25, 1937, p. 309.
- 16) "The New Republic", July 28, 1937, p. 319; August 11, 1937, p. 4; September 8, 1937, p. 115.
- 17) D.Borg. The United States and the Far Eastern Crisis of 1933-1936. Massachusetts, 1964, p 339.
- 18) "The American Mercury", December, 1937, p.476; March, 1939, p.311.
- 19) "Current History", January, 1939, p. 54; May, 1939, p. 34-37.
- 20) D.Borg. Op. cit., p. 340.
- 21) "The New York Times", August 15, 1937.

- 22) CR, vol. 81, p. 10443; D.Borg. Op. cit., p. 320.
- 23) CR, vol. 81, p. 10895.
- 24) "The New York Times", August 22, 1937; CR, vol. 81, p. A2187.
- 25) CR, vol. 81, p. 10340.
- 26) "The New York Times", August 24, 1937.
- 27) "Правда", 16 августа 1937 г., 3 сентября 1937 г.
- 28) Divine. The Illusion of Neutrality. Chicago, 1962, p. 203.
- 29) Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FR). Japan 1931-1941, vol.II, p. 201. Пресс-конференция Рузвельта 7 августа 1937 г.
- 30) "Правда", 26 августа 1937 г.
- 31) "История дипломатии", т.III, М., 1965, с.668-669.
- 32) V.Heinrichs. American Ambassador Joseph C Grew and the Development of the United States Diplomatic Tradition, Boston-Toronto, 1966, p. 237, 241, 245, 248.
- 33) FR, 1937, vol.III, p. 256-257. Посол в Китае Джонсон-государственному секретарю, 25 июля 1937 г.; Ibid., p.437-438. Телеграмма Джонсона Хеллу, 18 августа 1937 г.
- 34) К.Эвардс. Международные картели в экономике и политике. М., 1971, с.174.
- 35) D.Borg. Op. cit., p. 355-356.
- 36) Внешняя политика СССР. Сборник документов, т.4 /1935-июнь 1941 г./ М., 1946, с.310.
- 37) Peace and War ... p. 380.
- 38) "The Nation", September 25, p. 309.
- 39) "Фольшевик", 1940, №10, с.58.
- 40) "The Nation", September 10, 1938, p. 235.
- 41) Statistical Abstract of the United States. Wash., 1943, p.512.
- 42) D.Borg. Op. cit., p. 349.
- 43) "Правда", 20 сентября 1937 г.
- 44) "The Nation", September 25, p. 309.
- 45) "Правда", 27 октября 1937 г.
- 46) "Правда", 2 октября 1937 г.
- 47) D.Borg Op. cit., p. 352.
- 48) Peace and War... p. 48-49.
- 49) The Public Papers and Addresses of Franklin D.Roosevelt. N.Y., 1937, p. 422-424.

- 50) FR, vol.I, p. 388. Памятная записка Хорнбека о беседе Хелла с Саито, 7 октября 1937 г.
- 51) D.Borg. Op. cit., p. 387-388.
- 52) "Правда", 7 октября 1937 г.
- 53) D.Borg. Op. cit., p. 392.
- 54) Д.Г.Надшафов. Народ США - против войны и фашизма 1933-1939, М., 1969, с.230.
- 55) D.Borg. Op. cit., p. 396.
- 56) "The Nation", January 22, 1938, p. 111.
- 57) FR, vol.I, 1937, p. 373.
- 58) "The New York Times", November 15, 1937.
- 59) CR, vol. 81, part 3, p. A94, A173.
- 60) С.Павляк. Политика США по отношению к Китаю /1941-1955/. М., 1976, с.32.
- 61) FR, vol.III, p. 735. Гро-Хеллу, 30 ноября 1937 г.
- 62) Ibidem. Хэлл-Рузвельту, 30 ноября 1937 г.
- 63) Ibid., p. 736. Рузвельт-Хеллу, 30 ноября 1937 г.
- 64) F.D.Roosevelt. His Personal Letters, vol.I. N.Y., 1947, p. 730.
Рузвельт-Элеоноре Рузвельт, 30 ноября 1937 г.

Ю. В. ГАЛАКТИОНОВ

ИДЕОЛОГИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА В ОСВЕЩЕНИИ
ДОВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Критический анализ идеологии германского фашизма был и остается актуальной задачей советских исследователей. Первые шаги в этом направлении были предприняты советскими публицистами, философами, историками еще в 20-е - 30-е годы. Изучение германского фашизма в тот период было делом большой исторической важности, ведь речь шла об изучении потенциального врага советской страны. Этим объясняется пристальный интерес советских авторов в довоенный период к изучению национал-социализма и, в частности, его идеологии.

Наибольшее количество работ было создано именно по идеологии нацизма. Анализ внутренней и внешней политики фашистской Германии затруднялся ограниченностью источников, и крупные работы по этим проблемам появились только после второй мировой войны. Идеология же фашизма была более доступна для изучения, так как нацисты не скрывали своих воззрений. Это обстоятельство позволило советским авторам уже в 30-е годы дать анализа основных компонентов фашистской идеологии.

Развитие советской историографии фашизма было тесно связано с развитием концепции фашизма в Коминтерне. Большая историческая заслуга Коминтерна состоит в том, что он первый привлек внимание к фашистской опасности, вскрыл его сущность фашизма, выработал методы борьбы с этим врагом. Советские авторы опирались в своих исследованиях на марксистскую оценку фашизма, которая в течение ряда лет развивалась, уточнялась Коминтерном.

Настоящая работа представляет собой попытку показать достижения довоенной советской историографии в изучении человеконенавистнической идеологии германского фашизма и методов ее внедрения в сознание широких масс населения Германии.

В довоенной советской историографии германского фашизма можно выделить, на наш взгляд, несколько периодов.

В 20-е годы о германском фашизме было написано немного. В 1924-1925 гг. вышел ряд книг о послевоенной Германии, в которых делались первые попытки охарактеризовать фашизм, выявить его роль в системе политических сил Веймарской республики. Здесь можно отметить работы С. Д. Мстиславского и И. М. Майского¹⁾. Писал о германском фашизме в своих книгах Г. В. Сан-

домирский, попытку дать общую характеристику фашизма предпринял Н.Л.Мещеряков, написавший статью "Фашизм как последняя форма буржуазной диктатуры" для сборника "Мировой фашизм"²⁾.

В годы экономического кризиса германский фашизм заявляет о себе с новой силой и в советской историографии в 1929-1932 гг. появляется ряд исследований, где не только прослеживалась история нацизма, но и давалась характеристика различных сторон этого движения и его идеологии.

Тут следует прежде всего назвать работы Г.Б.Сандомирского, Германикуса, К.Шелавина, Е.Рубинштейн и др.³⁾.

После прихода фашистов к власти и до середины 1939 г. советскими авторами было опубликовано около ста работ (брошюры, статьи, монографии), о германском фашизме. Этот период ознаменовался созданием крупных исследований (книги В.Лернандинара, И.Лемина, А.Сидорова и др.), появлением больших сборников статей, где давался всесторонний анализ фашизма, главным образом, его идеологии⁴⁾.

Мы считаем целесообразным для более четкого представления о развитии и достижениях довоенной советской историографии германского фашизма применить при ее рассмотрении сочетание проблемного и хронологического методов и ограничиться следующим кругом вопросов: классовая сущность идеологии национал-социализма; идейные истоки, генезис нацистской идеологии; составные части и характерные черты идеологии нацизма; методы, приемы внедрения нацистской идеологии в сознание широких масс населения Германии.

Оценка идеологии фашизма вытекает из определения его классовой сущности. Недостаточная изученность нового и сложного явления привела к появлению в начале 20-х годов ошибочных представлений о фашизме, как о движении мелкобуржуазном, как о борьбе среднего сословия за самосохранение или даже, как о помощи организованной мелкой буржуазии потрясенному в своих устоях капиталистическому строю. Такие взгляды на фашизм, имевшие место в Коминтерне и в работах советских авторов⁵⁾, породили точку зрения об отсутствии у фашизма идеологии. С этим писал в 1923 г. Н.Л.Мещеряков⁶⁾. Г.Б.Сандомирский, указывая на пестрый социальный состав фашистского движения, писал, что амальгама требований социальных устоев, участвующих в нем, "в конце концов ложится в основу путаной идеологии фашизма"⁷⁾.

После появления в 1931 г. брошюры Германикуса и в 1932 г. статьи Е.Рубинштейн вопрос о наличии или отсутствия у германского фашизма идеологии был окончательно решен. Германикус пи-

сал (правда, недостаточно четко) о полумистической идеологии германского фашизма⁸⁾.

Особое значение имела статья Е.Рубинштейн, заключавшая в себе элементы историографического обзора. Автор подверг резкой критике имевшиеся ранее взгляды на идеологию фашизма и выдвинул достаточно обоснованную точку зрения о все большем оформлении фашистской идеологии. Наряду с правильным выводом об идеологии фашизма как эклектичной, архиреакционной, Рубинштейн делает вывод, характерный для марксистской историографии фашизма конца 20 - начал 30- гг. о том, что идеология фашизма "становится доминирующей идеологией буржуазии в эпох, послевоенного всеобщего кризиса капитализма" (подчеркнуто Е.Рубинштейн)⁹⁾.

Такая оценка классово-сущности идеологии фашизма была свойственна многим работам советских авторов вплоть до 1935 г.¹⁰⁾, когда УП конгресс Коминтерна дал подлинно марксистский анализ фашизма и закрепил данное XIII пленумом ИККИ определение фашизма, как диктатуры наиболее реакционных и агрессивных элементов финансового капитала. После этого в советской историографии прочно утвердилась точка зрения на идеологию германского фашизма, как на идеологию наиболее реакционных, наиболее шовинистических кругов германской буржуазии.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на отдельные неточности в определении классовой сущности идеологии фашизма, советская историография стояла на правильных позициях, неразрывно связывая происхождение фашизма и его идеологии с развитием буржуазного общества. Реформистская же и буржуазная историография фашизма ни в тот период, ни впоследствии, усматривая в фашизме, в первую очередь, идеологический феномен, не смогла дать сколько-нибудь удовлетворительной характеристики ни фашизма вообще, ни его идеологии¹¹⁾.

Первыми работами советских авторов, где ставился вопрос об истоках фашистской идеологии, были работы Германикуса, К.Шелавина, Е.Рубинштейн. Названные авторы (не аргументируя свои выводы), относили к числу идейных предшественников нацизма Гоббино, Лагарда, Ницше, С.Шлавина.

Статья "Шелавина"¹²⁾, написанная на основе изучения работ фашистов, а также буржуазных исследователей фашизма, представляет интерес не только тем, что автор впервые в советской историографии попытался изложить начальную историю гитлеровской партии, но и тем, что он показал, в ком сами нацисты видели предтечу своей идеологии.

При всех достоинствах большой статьи Е. Рубинштейн в вопросе об истоках идеологии фашизма автор была явно неправа утверждая, что "вся идеология фашизма, вся его политическая и экономическая программа покоятся на... основных положениях теории Шпанна"¹³⁾. Примерно в таком же плане высказался другой автор - В. Васер¹⁴⁾. Теории австрийского философа-идеалиста Отмара Шпанна (теория заслуг, теория превосходства целого над частным и др.) оказали несомненное влияние на идеологов нацизма, это прослеживается в теоретических построениях Гитлера, Розенберга и пр. Но круг идейных предшественников фашизма был, несомненно, шире.

Следует отметить, что сами фашисты пытались выдать за своих идейных предтеч многих крупных мыслителей прошлого, причисляя к таковым Лютера, Фихте, Канта, Гегеля и др. Советские ученые, в первую очередь представители философской науки, показали всю беспочвенность и лживость притязаний теоретиков фашизма на наследие великих мыслителей немецкого народа, убедительно доказали, что фашистские идеологи брали из философских систем прошлого самые реакционные черты¹⁵⁾. Исключения составляют лишь вопросы о генезисе расовой теории (об этом мы скажем в другом месте) и о влиянии ницшеанства на формирование идеологии германского фашизма. Наиболее значительными в этом плане были работы советского философа Э.М. Бернадинаера: его книга "Философия Ницше и фашизм", вышедшая в 1934 г., а также ряд статей¹⁶⁾. В своей книге Бернадинаер провел сравнительный анализ философских воззрений Ницше и теоретических "откровений" идеологов фашизма. Бернадинаер впервые в советской историографии показал, какое влияние философия Ницше оказала на теоретиков фашизма (не только германского, но и итальянского, в чем признавался неоднократно сам Муссолини). Бернадинаер показал, как фашисты используют учение Ницше в своих теориях государства, в расовой теории, в выработке фашистской морали и пришел к выводу, что "нет ни одного основного вопроса в "теоретических" построениях фашизма, который бы освещался вне участия ницшеанских идей"¹⁷⁾.

Ценным дополнением к работам Э.М. Бернадинаера является статья Л. Кайт "Ницшеанство и фашизм"¹⁸⁾. Разобрав "руды" фашистских интерпретаторов и толкователей Ницше периода 1935-1937 гг., автор подчеркивал, что фашисты, выдавая Ницше за стопроцентного национал-социалиста, не берут его учения целиком, скрывают его высказывания, противоречащие идеологии нацизма.

Несмотря на выход в свет работ С.Ф. Олуева¹⁹⁾, до сих пор

исследования советских философов о влиянии ницшеанства на идеологию фашизма в некоторых своих разделах не потеряли научного значения до настоящего времени.

Истоки внешне политической концепции германского фашизма были вскрыты в книге С. Бондаренко "Германский фашизм и советская Украина"²⁰). Содержание книги шире ее названия. Бондаренко не только прослеживает развитие экспансионистских планов германского империализма относительно Украины, но и рассматривает внешнеполитическую концепцию германского фашизма в целом в ее преемственности с внешнеполитическими концепциями "дофашистского" германского империализма. Анализ большого количества немецкой литературы по внешнеполитическим вопросам позволил Бондаренко сделать вывод, что Гитлер и Розенберг, которые стремились представить себя основателями новой линии во внешней политике, являются не больше, чем плагиаторами старых империалистических концепций кайзеровской Германии.

Отсутствие необходимого количества источников, сложность и противоречивость самого феномена фашизма не позволили советским исследователям в рассматриваемый период с достаточной четкостью ответить на вопросы о том, как создалась идеология нацизма: стихийно или целенаправленно, какое время можно считать временем окончательного формирования нацистской идеологии. Многие авторы склонны были видеть в теоретических построениях фашизма только лишь демагогию, предназначенную для одурачивания масс, для привлечения их на свою сторону. Время показало, что это не совсем так.

Наиболее детальному разбору в довоенной советской историографии были подвергнуты отдельные составные части идеологии германского фашизма и, в первую очередь, расовая теория. Уже первые советские исследователи германского фашизма указывали на явный антисемитизм, расовую нетерпимость нацистов²¹). Критический разбор и анализ основных положений расовой теории германского фашизма впервые был предпринят Б. М. Бернадинером в его "Очерках о фашизме", которые до настоящего времени остаются одним из немногих исследований, где комплексно рассматриваются теоретические построения германского и итальянского фашизма. Бернадинер проанализировал работы фашиствующего расоведа Гюнтера, книги Гитлера, Розенберга, Рудольфа и др. и пришел к выводу, что авангард буржуазии в лице фашизма обратил особое внимание на разработку теории, долженствующей противостоять

интернационализму марксистского учения. Именно такой теорией и явилась расовая теория германского фашизма, составлявшая важнейший компонент его идеологии²²⁾.

Классовая направленность расовой теории германского фашизма была вскрыта в статьях Д.Гарда, М.С.Плисецкого и В.Я.Смулевич²³⁾. Д.Гард писал, что расовая теория играет огромную роль для германского фашизма по ряду причин. Во-первых, она пополняет идеологический багаж движения, бедного идеями вообще, а во-вторых, с ее помощью можно было обосновать всё и вся: от неизбежности частной собственности до причин поражения Германии в мировой войне. Весьма ценным было замечание Гарда о том, что в условиях экономического кризиса разорявшиеся и деклассировавшиеся слои мелкой буржуазии благодаря расовой теории превращались в расовую аристократию, в носителей исторической миссии. Расовая теория была мощным пропагандистским оружием фашистов, давая им возможность направить ненависть и злобу средних слоев Германии по безопасному для правящих классов руслу антисемитизма и шовинизма²⁴⁾.

В статье Плисецкого и Смулевич на основе сравнительного анализа расистских произведений XIX-XX вв. и "трудов" Гитлера и Розенберга было убедительно показано, что расовая теория фашизма заимствовала из сочинений Гобино, Ляпужа, Чемберлена и менее известных их последователей - Вольфмана, Плетца и др. "Что отличает фашистов от их духовных предтеч, - писали они, - так это небывалая демагогия, с помощью которой они придали расовой теории особую заостренность и превратили "расовую идею" в краеугольный камень своей программы"²⁵⁾. Причину того, что фашисты взяли на свое вооружение именно расовую теорию, авторы статьи видели в широко культивировавшемся в Германии на протяжении нескольких десятков лет шовинизме, а также в том, что фашисты, мечтавшие о мировой господстве, вряд ли могли бы найти лучшее средство для подготовки масс к новой войне, для отравления их ядом ненависти к другим народам.

Существенно дополнил этот вывод М.А.Аржанов²⁶⁾. Он писал, что расистские теории имели хождение давно, но не были приняты на вооружение буржуазией в качестве официальной доктрины. Это сделал только фашизм, превратив расовую теорию в универсальную отсылку ко всем проблемам прошлого и настоящего. Аржанов пришел к выводу, что резкий поворот буржуазной идеологии периода общего кризиса капитализма к мистике, иррационализму, звериному шовинизму послужил тем идеологическим фундаментом, на котором

смогла расцвести расовая теория фашизма.

Наиболее емкая характеристика расовой теории германского фашизма в довоенной советской историографии содержится в работах С. Я. Вольфсона²⁷⁾. Хорошее знание работ фашистских авторов позволило Вольфсону дать подлинно научный анализ расовой теории, показать ее истоки и классовую сущность. Ему принадлежит вывод о том, что расовая теория фашизма имеет достаточно четко выраженное внутри- и внешнеполитическое содержание и преследует следующие цели. Во внутривнутриполитической области – идеологическое разоружение пролетариата, отвлечение масс от классовой борьбы, доказательство извечности неравенства людей, идеологическая подготовка населения к войне. Во внешнеполитической – доказательство превосходства германской расы над всеми другими, необходимость и неизбежности ее мирового господства, обоснование подготовки к новым войнам²⁸⁾.

Все авторы, писавшие о расовой теории фашизма, подчеркивали ее антисоветскую направленность. Прагматизм, приспособление фашистами расовой теории к внутренним и внешнеполитическим задачам отмечались в ряде статей советских исследователей²⁹⁾.

В 1938 г. коллектив сотрудников НИИ антропологии выпустил большой сборник статей "Наука о расах и расизм" (М., 1938). В этом сборнике на основе последних достижений отечественной и прогрессивной зарубежной антропологии советские ученые подвергли сокрушительной критике и осуждению расистов, показали полную научную несостоятельность расовой теории германского фашизма.

Социально-политические и экономические воззрения фашизма в достаточной мере отразились уже в программе НСДАП, а впоследствии в "трудах" Фейера, Гитлера и др. Первые характеристики этой части идеологии нацизма были даны в названных выше работах 20-х годов; попытка проанализировать всю социально-политическую доктрину фашизма была предпринята в статье Е. Рубинштейн. Но использование небольшого количества источников не позволило автору сделать хорошо аргументированные выводы. Наиболее убедительно звучит та часть статьи, где показан антимарксизм гитлеровцев³⁰⁾. В ряде статей были сделаны правильные выводы о псевдосоциализме гитлеровцев, о сути фашистских теорий государства, права и т.д.³¹⁾, но сколько-нибудь цельного исследования, где освещалась бы совокупность социально-политических взглядов фашизма, в довоенной советской историографии создано не было.

Детальный разбор экономической программы, экономических теорий нацистов был осуществлен И. Дворкиным в небольшом, но

серьезном исследовании "Экономическая программа германского национал-социализма" и ряде статей³²⁾. Книга Дворкина была написана до прихода нацистов к власти и содержала ряд поспешных выводов относительно перспектив фашизма (так как автор считал фашистские лозунги об автаркии, наследственном дворе и др. чистой демагогией и не верил, что они когда-либо будут осуществлены). Но многие ее положения, особенно об отношении нацистов к крупному капиталу, были верны. Книга Дворкина и в настоящее время сохраняет свое значение как единственное в советской историографии исследование, где предпринята попытка комплексно рассмотреть все экономические теории нацизма, выявить их исторические корни, их социальную направленность, выявить причины изменения некоторых пунктов экономической программы гитлеровцев.

Отдельные моменты нацистской идеологии: антиинтеллектуализм, антидемократизм, культ насилия, этология войны - были отмечены в статьях Б.М.Бернадинера, И.И.Зильберфарба и др.³³⁾ Внешнеполитические концепции германского фашизма рассматривались в указанной книге С.Бондаренко и статье Л.Кайт³⁴⁾. В ряде работ характеризовался такой важный элемент нацистской идеологии, как геополитика³⁵⁾. Роль этой "науки" в теоретических построениях гитлеровцев, ее место в пропагандистском арсенале фашизма показал в своей книге Я.Сегалл³⁶⁾.

В 30-х гг. Э.Коровин, А.Фогараш, И.Эльвин опубликовали ряд интересных статей, показывавших сложные взаимоотношения между германским фашизмом и церковью³⁷⁾. С достаточной ясностью ответить на вопрос о том, какое место занимала религия в мировоззрении нацистов, не удалось ни одному из названных авторов. Но их работы содержат ценный фактический материал и остаются до настоящего времени одними из немногих в советской историографии по этому вопросу.

Развитие советской историографии германского фашизма, решения УП конгресса Коминтерна о необходимости усиления борьбы с фашистской идеологией послужили решающими моментами в подготовке Академией Наук СССР двух крупных сборников статей - "Против фашистского мракобесия и демагогии" и "Против фашистской фальсификации истории" (первый вышел в свет в 1936, второй - в 1939 г.).

В первом сборнике была помещена статья известного советского философа, академика А.М.Деборина "Идеология фашизма". Эта большая статья явилась, по сути дела, первой обобщающей работой

по идеологии нацизма. Особая значимость исследования Деборина заключалась в том, что автор впервые в советской историографии в рамках одной работы попытался обрисовать контуры основных теоретических положений фашизма, дал анализ нацистской идеологии как таковой. Деборин также впервые четко раскрыл основные положения, пронизывающие всю идеологию фашизма: отрицание всякой идеи развития, отказ от принципа причинности в объяснении природных и социальных явлений, мистицизм, иррационализм, и, наконец, контрреволюционный прагматизм, который давал нацистам возможность оправдывать изменение своих лживых лозунгов и политики в зависимости от потребностей дня³⁸).

Следует отметить также, что в разоблачении человеконенавистнической идеологии фашизма большую роль сыграла советская публицистика. Статьи, памфлеты, книги видных советских публицистов Д.Заславского, Д.Бухарцева, Н.Корнева, рассчитанные на массового читателя, имели большое пропагандистское и воспитательное значение. Книга Н.Корнева "Третья империя в лицах"³⁹, написанная хорошим языком, легко читаемая и вместе с тем содержащая большой фактический материал, рисовала истинный облик предводителей фашистской Германии, достоверно показывала идеологию этих "мифотворцев XX века". Думается, что книга эта, давно ставшая библиографической редкостью, снабженная комментариями, могла бы быть с успехом переиздана в противовес потоку апологетической литературы о главарях фашизма, издаваемой в последнее время на Западе.

Нацисты и до и после прихода к власти ставили одной из главных задач завоевание на свою сторону самых разнообразных слоев населения; стремились превратить массы не только в своих сторонников, но и в активных носителей своих идей. Система фашистской идеологической обработки населения Германии, которая приняла после января 1933 г. тотальный характер, привлекала пристальное внимание советских исследователей. С.Д.Истиславский еще в 1924 г. писал, что "основная фашистская опасность не в их батальонах, но в разлагающем действии их пропаганды..."⁴⁰ Он привел много примеров, показывавших гибкость фашистской пропаганды, ее приспособляемость к различной аудитории.

Методы духовной обработки фашистами рабочего класса Германии были охарактеризованы в статье А.М.Панкратовой⁴¹. Используя разнообразный фактический материал, Панкратова показала, что фашисты придавали очень большое значение завоеванию на свою сторону рабочего класса, считали это дело чрезвычайно

трудным и затрачивали на это немало сил и средств. В этой связи следует также назвать небольшую книжку С. Гайсиновича "Что такое ДИНТА"⁴²). Автор неоднократно бывал в командировках в Германии, хорошо знал жизнь германских рабочих и написал о деятельности ДИНТА (германского института по техническому обучению рабочих), то есть о системе профессиональной подготовки рабочих. Он привел ряд примеров, свидетельствующих о том, что в Германии уже в конце 20-х гг. система обучения рабочих была пронизана духом нацистских идей.

Основные теоретические построения фашизма, предназначенные для привлечения крестьянства, были проанализированы в статье И. Гольдштейна⁴³). Об этом писал в своих работах Н. М. Сегаль⁴⁴).

Те аспекты нацистской пропаганды, которые были направлены на завоевание средних слоев, были кратко охарактеризованы в работах А. Сидорова⁴⁵). Его книги ценны богатым фактическим материалом, убедительно демонстрирующим обнищание средних слоев Германии, что делало их весьма восприимчивыми к фашистской идеологии.

В 1934 г. вышла содержательная книга И. Лемин "Пропаганда войны в Японии и Германии"⁴⁶). На основе рассмотрения "трудов" фашистских теоретиков и периодических изданий НСДАП, Лемин прослеживает, какое место занимает культ войны и насилия в идеологии германского фашизма. Автор охарактеризовал пропагандистский аппарат гитлеровской партии, пропагандистскую машину фашистской Германии, основные направления и методы нацистской пропаганды. Лемин впервые указал на роль кино, радио в системе нацистской пропаганды, провел ценное сравнение пропагандистской деятельности нацистов и японских милитаристов. Книга и в настоящее время представляет несомненный интерес богатством фактического материала и своеобразием построения.

После прихода фашистов к власти были подвергнуты унификации буквально все сферы общественной жизни Германии, целям идеологического обслуживания фашистского государства были подчинены театр, литература, наука и т. д. Все они внесли большой или меньший "вклад" в дело духовного порабощения немецкого народа, в воспитание человеконенавистничества, в идейную подготовку Освенцима и Орадур, Бухенвальда и Хатыни. "Вклад" этот и до сих пор выяснен недостаточно. В предвоенные годы советскими исследователями были предприняты только первые шаги в этом направлении.

Роль художественной литературы в идейном арсенале фашизма показал в своей статье А. Брустов⁴⁷). "Труды" фашистских

философов, где "научно" обосновывались кровавые деяния нацистского режима, проанализировали В.Асмус, Ф.Перельман, Г.Балмелль⁴⁸⁾. Теорию и практику фашистской педагогики охарактеризовали Е.Лившин, А.Шихин и др.⁴⁹⁾.

Германская буржуазная историография, преподавание истории в Германии никогда не отличались объективностью. Еще Гербер. Уэллс писал о германском преподавании истории как о "грандиозной, систематической фальсификации человеческого прошлого с точки зрения будущего Гогенцоллернов"⁵⁰⁾. При господстве фашизма в Германии историческая наука превратилась в прямую пособницу фашистского режима, в одно из звеньев унифицированного аппарата пропаганды. Фальсификация исторических фактов была возведена в принцип и достигла чудовищных размеров. За период 1935-1945 гг. видными советскими историками Н.М.Лукиным, Е.В.Тарле, Е.А.Хосминским, С.Д.Сказкинским и др. было опубликовано около двух десятков статей, посвященных разоблачению фашистских фальсификаций истории. В довоенный период вышли только работы Н.М.Лукина, И.И.Зильберфарба⁵¹⁾ и сборник "Против фашистской фальсификации истории", содержащий 12 статей⁵²⁾. В ряде работ было показано, как преподавалась история в учебных заведениях фашистской Германии⁵³⁾.

Не вызывает сомнения, что историография в "третьем рейхе" выполняла важные функции по внедрению в сознание широких масс населения Германии (и, в первую очередь, молодежи) идей нацизма, по воспитанию немцев в духе звериной ненависти к "низшим" расам, в духе "исторически" обоснованной миссии германца убивать и грабить другие народы. Эти функции в общих чертах были выявлены советскими историками уже в период 1935-1945 гг. Но здесь осталось еще немало "белых пятен". Оказались нарасосмотренными фашистские учебники по истории, которые несли основной груз пропаганды нацистских идей. В этой области не была охарактеризована нацистская историография в целом, а она оказала непосредственное влияние на развитие буржуазной историографии ФРГ.

Вопросы о методах, способах, приемах нацистской пропаганды советскими авторами было написано в рассматриваемый период очень мало. Не восполнен этот пробел и до настоящего времени.

Довоенная советская историография, опираясь на довольно ограниченный круг источников, смогла дать достаточную четкую характеристику нацистской идеологии: ее истоков, классовой

сущности, ее составных частей и характерных черт. Не все вопросы были освещены полно, в ряде случаев были только намечены направления исследований. Но это не умаляет значимости сделанного. Некоторые работы рассматриваемого периода целиком или частично сохранили свое научное значение и представляют несомненный интерес для современных исследователей германского фашизма.

Достижения довоенной советской историографии в изучении германского фашизма являются тем фундаментом, без которого трудно представить развитие советской историографии фашизма в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, появление позднейших обобщающих трудов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Мстиславский С. Д. Классовая война в Германии. М., 1924;
Майский И. Современная Германия (экономика, политика, расовое движение),
М.-Л., 1924.
- 2) Сандомирский Г. Черные блузы (фашизм и молодежь). М.-Пг., 1924
(2-е, доп. изд. М., 1925); Он же. Закат фашизма. Л., 1925; Мировой фашизм. Сб. статей. Под ред. Н. Мещерякова. М.-Пг., 1923.
- 3) Сандомирский Г. Теория и практика европейского фашизма. М.-Л.,
1929; Германикус. Германский национал-фашизм. М.-Л., 1931; Шелавин К.
Первая фаза германского национал-фашизма. - "Проблемы марксизма", 1931,
№ 10-12; Рубинштейн Е. К характеристике германского фашизма. - "Историко-
марксист", 1932, № 1-2.
- 4) Германский фашизм у власти. Сб. статей. Под ред. Е. Вагга, Ф. Гек-
керта, Е. Хмельницкой. М., 1934; Против фашистского трюкачества и демаго-
гии. Сб. статей. Под ред. И. Дворкина, А. Деборина, М. Камари и др. М., 1936;
Против фашистской фальсификации истории. Сб. статей. Под общей ред.
Ф. И. Нотович. М.-Л., 1933.
- 5) См., например: "Коммунистический Интернационал", 1923, № 26-27,
с. 7169; Мэнцберг В., Томпсон П. Фашизм (упадок движения). Л., 1925,
с. 8; Мстиславский С. Д. Указ. соч., с. 80.
- 6) См. заключение к указанному сб. "Мировой фашизм".
- 7) Сандомирский Г. Теория и практика европейского фашизма, с. 171.
- 8) Германикус. Германский национал-фашизм, с. 25.
- 9) Рубинштейн Е. К характеристике германского фашизма, с. 85-86.
- 10) См., например: Бернадинер Б. Очерки о фашизме. Воронеж, "Подъем",
кн. 7, 1933, с. 88; Арханов М. Гегельянство на службе германского фашизма.
М., 1933, с. 3-4, и др.
- 11) См.: Рахмиер Р. Д. Эволюция буржуазной историографии германского

фашизма.- "Ежегодник германской истории.1970".М.,1971,с.432-459;

Бланк А.С. Адвокаты фашизма.М.,1974.

12)Шелавин К. Указ.соч.

13)Рубинштейн Е. Указ.соч.,с.86.

14)Васер В. О некоторых теоретических установках фашизма.-

"Проблемы марксизма", 1932, № II-12.

15)Аржанов М.Указ.соч.; Асиус В.Философская культура под сапогом фашизма.- "Знамя",1936, № 3;Кайт Л. В философской кухне германского фашизма.- "Под знаменем марксизма",1937, № 3.

16)Бернадинер Б. Очерки о фашизме.Воронеж, "Подъем",кн.4-5,7, 10,1933; Он же.Ницшеанство в идеологии фашизма.- "Против фашистского ираклебия и демагогии".

17)Бернадинер Б.М. Философия Ницше и фашизм.М.-Л.,1934,с.130.

18)Кайт Л.Ницшеанство и фашизм.- "Под знаменем марксизма",1938, № 5.

19)Одужев С.Ф. Реакционная сущность ницшеанства.М.,1933; Он же. Тропами Заратустры (влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию).М.,1971.

20)Бондаренко С.Германский фашизм и советская Украина.М.-Л., 1934.

21)См.:Истиславский С.Д. Указ.соч.,с.84; Гермачикус.Указ.соч., с.20.

22)"Подъем",Воронеж,1933,кн.7,с.80.

23)Гард Д.Расовая теория и практика германского фашизма.- "Советское государство",1943, № 2; Плисецкий И.С.,Смулевич Б.Я.Расовая теория - классовая теория.- "Антропологический журнал",1934, № 1-2.

24)Гард Д. Указ.соч.,с.97-98.

25)Плисецкий И.С.,Смулевич Б.Я.Указ.соч.,с.6-7.

26) Арманов И. Расовая теория германского фашизма. - "Революция и национальности", 1935, № 3.

27) Вольфсон С. Я. Расовые теории фашизма - классовая борьба. - "Под знаменем марксизма", 1934, № 3; Он же. Против расовых теорий. Минск, 1935 (на белорус. языке); Он же. Культура и идеология загнивающего капитализма. М.-Л., 1935; Он же. Расовые "теории" германского фашизма. - "Против фашистского мракобесия и демагогии".

28) Против фашистского мракобесия и демагогии, с. 161-165.

29) Зильберфарб И. Психология и педагогика германского фашизма. - "Фронт науки и техники", 1935, № 2, с. 95-103; Плисецкий М. Антропологическое прикрытие фашистского каннибализма. - "Под знаменем марксизма", 1939, № 1, с. 131-144; Михайлов Г. В. Идеологическое оружие фашистского разбоя. - "Советская наука", 1939, № 7, с. 187-192.

30) Рубинштейн Е. Каз. соч., с. 96-98.

31) Деборин Г. А. Ленинский анализ империализма и фашизм. - "Памяти В. И. Ленина. Сборник статей к 10-летию со дня смерти. 1924-1934". М.-Л., 1934; Луцкий И. Д. Некоторые черты идеологии германского фашизма. - "Известия Средне-Азиатского индустриального института". Ташкент, 1935, № 7 и др.

32) Дворкин И. Экономическая программа германского национал-социализма. М., 1933; Он же. Экономическая программа германского фашизма. - "Плановое хозяйство", 1932, № 4; Он же. Программа германского фашизма. - "Проблемы экономики", 1933, № 3.

33) Бернадинер Б. Очерки о фашизме; Он же. Демократия и фашизм. - "Под знаменем марксизма", 1936, № 7; Зильберфарб И. Фашизм - враг науки. - "Под знаменем марксизма", 1936, № 5 и др.

34) Каат Л. Внешнеполитическая концепция германского фашизма. - "Против фашистского мракобесия и демагогии".

35) Вилтфогель К. Геополитика, географический материализм и марксизм. - "Под знаменем марксизма", 1929, № 2-3, 6, 7-8; Звавич И. Геополитика и фашизм. - "Вестник Коммунистической Академии", 1934, № 1.

36) Сегалл Я. Авантюристическая политика и идеология германского фашизма. М., 1939.

37) Коровин Е. Германский фашизм и религия. - "Под знаменем марксизма", 1933, № 3; Он же. Фашизм и религия. - "Под знаменем марксизма", 1934, № 2; Фогараши А. Борьба фашистов против католической и протестантской церкви в Германии и её причины. - "Мировое хозяйство и мировая политика", 1938, № 4; Эльвин И. О национал-фашизме, религии и партии центра. - "Антирелигиозник", 1932, № 9; Он же. Фашизм и церковь в Германии. - "Фронт науки и техники", 1933, № 7-8; Он же. Народный фронт в Германии и верующие трудящиеся. - "Антирелигиозник", 1938, № 4.

38) Деборин А. Идеология фашизма. - "Против фашистского мракобесия и демагогии", с. 94-98.

39) Корнев Р. Третья империя в лицах. М., 1937.

40) Истиславский С. Д. Указ. соч., с. 82.

41) Панкратова А. Фашизм и рабочий класс Германии. - "Борьба классов", 1933, № 6.

42) Гаясинович С. Что такое "ДИН" и "М". - Л., 1930.

43) Гольдштейн И. "Крестьянское сословие" в социальной демагогии германского фашизма. - "Вестник Коммунистической Академии", 1934, 1934, № 4.

44) Сегалл Я. Аграрная политика германского фашизма. М.-Л., 1938; Он же. Аграрная политика германского фашизма и крестьянство. - "Против фашистской фальсификации истории".

- 45) Сидоров А. Фашизм и городские средние слои в Германии. М.-Л., 1935; Он же. Ремесленники в фашистской Германии. М.-Л., 1936.
- 46) Лемин И. Пропганда войны в Японии и Германии. М., 1934.
- 47) Брустов А. Милитаристская литература германского фашизма. - "Книга и пролетарская революция", 1934, № 8.
- 48) Асмус В. Философская культура под сапогом фашизма. - "Знамя", 1936, № 3; Перельман Г. Философия германского фашизма. - "Под знаменем марксизма", 1934, № 1; Вэммель Г. О фашизации истории философии в Германии. - "Против фашистского иракробесия и демагогии".
- 49) Лившиц Е. Фашизация школы в Германии. - "Коммунистическая революция", 1934, № 5; Шишкин А. Философия воспитания "из крови и земли", или фашистское иракробесие г-на Крика. - "Коммунистическое просвещение", 1936, № 1.
- 50) Цит. по: Бушуев С. К. Фашистская фальсификация истории СССР. - Учен. зап. МГУ, вып. 81, 1945, с. 10.
- 51) Лукин Н. К вопросу о фашизации исторической науки в Германии. - "Историк-марксист", 1935, № 1, 2-3; Зильберфарб И. Фашистские фальсификаторы истории французской революции. - "Историк-марксист", 1939, № 3.
- 52) Против фашистской фальсификации истории. М.-Л., 1939.
- 53) Соколова А. Преподавание истории в фашистской Германии. - "Борьба классов", 1934, № 5-6; Шток Е. Как преподается и изучается история в современной Германии. - "История в средней школе", 1934, № 2 и др.

А.Я. ВОРОВЬЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА Г. ФОН БЕЛОВА В КАНУН И В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Развитие немецкой буржуазной историографии первых десятилетий XX в. протекло под решающим влиянием современной ей германской действительности. Характерной чертой этой действительности была острая классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, "борьба за новое содержание жизни", ибо "существующий общественный строй империи и земель не казался более соответствующим времени"¹⁾.

«Преодолев узкие рамки экономической борьбы, немецкий пролетариат, передовые слои которого руководствовались революционными идеями марксизма, решительно выступал за всеобщее социальное переустройство. Страна находилась накануне революции. Буржуазия и ее идеологи оценивали эту ситуацию как преддверие надвигающейся катастрофы»²⁾.

В этих условиях представители немецкой буржуазной историографии, осознав наличие угрозы капиталистическим общественным отношениям со стороны революционного пролетариата, видели свою основную задачу в том, чтобы помочь правящим кругам Вильгельмовской Германии: "пристроить громадные массы народа к существующим формам общества"³⁾. Георг фон Белов, будучи одним из ведущих представителей реакционной немецкой историографии первых десятилетий XX в., не был в этом отношении исключением. Доказательством тому служит вся его общественно-политическая и научная деятельность, в том числе деятельность предвоенного и военного периода, когда он, напуганный размахом революционной борьбы немецкого пролетариата, выступил с антидемократической, милитаристской политической программой "спасения" страны от революции.

Связывая настоящее и будущее господствующих классов Вильгельмовской Германии с сохранением и дальнейшим усилением империалистической и националистической природы немецкого государства, Белов в своей программе ополчился против всего того, что, по его мнению, было чревато угрозой социальным потрясениям. Опасность революции образует для него главный критерий, с точки зрения которого он оценивает все политические явления современности. С этой же позиции он смотрел и на борьбу, которая развернулась в предвоенной Германии вокруг вопроса о всеобщем, равном

и тайном избирательном праве. Белов был твердо убежден, что даже малейшие изменения в системе действующего во Второй империи избирательного права будут способствовать установлению в стране диктатуры пролетариата. "Возможность возникновения в будущем цезаризма или другой формы тирании... не исключается. Подобные легко может случиться, если будут устранены барьеры, препятствующие распространению социализма"⁴⁾, — утверждал он.

Исходя из этого утверждения, будучи уверенным, что революция в стране можно предотвратить, Белов обращался с призывом к господствующим классам Германии мобилизовать все силы на борьбу с "социалистической опасностью". Он требовал "не сидеть, сложа руки", не ждать, когда социал-демократия проникнется духом национальной идеи и станет более лояльно относиться к буржуазному государству, а действовать, пока есть время, делать все от них зависящее, чтобы не допустить отмены прусской трехклассовой системы выборов и распространения всеобщего, равного и тайного избирательного права на всю империю, так как это чревато опасными последствиями для государства. До революции и захвата политической власти социал-демократами "еще далеко", писал он в 1909 г. Поэтому "мы можем задолго до наступления этих событий предотвратить их"⁵⁾.

В чем же конкретно выразилась деятельность Белова, направленная на предотвращение революции в Германии? Ответ на этот вопрос дают его работы, посвященные проблеме всеобщего избирательного права. В них Белов взял на себя решение двух задач. Во-первых, он пытался убедить широкие народные массы в том, что они совершают серьезную ошибку, выступая с требованием демократического преобразования общественного и государственного строя. Во-вторых, Белов стремился выработать политическую программу действий, осуществление которой, по его мнению, должно воспрепятствовать процессу революционного преобразования Германии.

Решая первую задачу, Белов сосредоточил внимание прежде всего на доказательстве бессмысленности и опасности борьбы за введение в Германии всеобщего и равного избирательного права. С этой целью он обращается к географическому фактору, заявляя, что "абсолютная демократия не является формой политического устройства, соответствующей крупным государствам", в том числе и Германии. Рано или поздно демократические институты в таких государствах превращаются

в свою противоположность. О былом их существовании напоминает только формальное и возгласие всеобщего избирателяго права. Но формальное равенство и подлинная свобода далеко не одно и то же. Поэтому, "можно утверждать, что в крупных государствах полная демократия никогда не была претворена в действительность: под ее покровом всегда господствовал узкий круг людей"⁶⁾. Примером тому, с точки зрения Белова, являются буржуазные институты стран Запада.

Анализируя опыт развития и функционирования буржуазной демократии в Англии, Франции, США и других странах, Белов пришел к выводу о том, что в этих государствах о "чисто демократических порядках" не может быть и речи. Несмотря на провозглашение в них политического равенства и демократических свобод, писал он, господствует аристократия, в США — плутократия. Во Франции всеобщее и равное избирательное право не один раз способствовало возникновению тиранических форм правления⁷⁾. Другими словами, согласно Белову, борьба народов за социальное переустройство общества была бы напрасной, а жертвы бессмысленными. Надежды, связанные с введением всеобщего и равного избирательного права, нигде не оправдались, ибо абсолютная демократия — это чистый вымысел, миф, служащий целям политической агитации, но не имеющий ни какого практического значения. Следовательно, во имя избежания кровопролития народным массам необходимо отказаться от борьбы за улучшение своего экономического и политического положения.

Однако Белов не был склонен абсолютизировать зарубежный опыт буржуазной демократии. Его воззрения против демократизации избирательной системы основывались в большей степени на анализе соотношения политических сил внутри страны, на учете специфических особенностей Германии. С его точки зрения, Германия является страной со специфически сложившимися отношениями, которые и образуют главное препятствие для радикальных реформ. Под этими отношениями Белов подразумевал наличие сильного партикуляристского уклона, избыток индивидуализма, конфессиональный раскол⁸⁾.

Главной же специфической особенностью стран Белов считал существование сильной, пользующейся популярностью среди трудящегося народа социал-демократической партии. Играв значительную большую роль в общественной и политической жизни в Германии, чем аналогичные партии в других странах, она представляет, по Белову, чрезвычайную опасность для государства.

"Партия, которая существенно превосходит все другие партии по числу депутатов и избирателей и является социалистической по своей природе, опасна всегда"⁹⁾, но особенно в тех условиях, когда подавляющее число речей разделяют социалистические иллюзии, когда имущие классы и интеллигенция не пользуются в народе доверием, когда "даже самые благородные и лучшие намерения принимаются неправильно"¹⁰⁾. Ситуацию, которая сложилась накануне первой мировой войны и во время нее, Белов считал именно такой.

Главную причину особой опасности для господствующего строя социал-демократической партии Белов видел в качественном отличии ее исходных посылок от посылок буржуазной партии. Если буржуазные партии являются, по его мнению, по своей природе "политическими партиями", то социал-демократическая партия Германии выступает в первую очередь как "социальная партия", которой совершенно безразличны "элементарные государственные потребности"¹¹⁾. "Она, — писал Белов, — находится во власти односторонних интересов внутренней политики и не ценит великих истин политики с"ь"¹²⁾.

В связи со своим пониманием особой природы и целей социал-демократии Белов поставил вопрос: способна ли она в случае прихода ее к власти обеспечить благоприятное руководство обществом. Ответ на этот вопрос был отрицательным. В 1909 г. Белов заявлял, что рейхстагу, в котором господствует демократическое большинство, никоим образом нельзя доверить судьбу Германии, так как социал-демократия не принимает в расчет той простой истины, что "непременным условием процветания нации является национальная независимость и национальная сила, обеспечивающая эту независимость"¹³⁾. Аналогичным образом он рассуждал и позднее, во время первой мировой войны. Изменения, которые произошли за это время в социал-демократической партии, в частности, открытый переход ее правых лидеров на милитаристско-шовинистические позиции, не сыграли сколько-нибудь существенной роли при оценке Беловым ее политических способностей. И дело не в том, что он совершенно не заметил этих изменений. Напротив, печатное и августовские дни 1914г. социал-демократической фракцией рейхстага решение, одобрявшее военные расходы, Белов встретил с глубоким удивлением. Он рассматривал его как исключительно важный шаг на пути национального сплочения¹⁴⁾.

Однако Белов понимал, что позиция, занятая правыми социал-

демократическим крылом рейхстага, не только не отвечает интересам рядовых членов партии и трудящихся масс, но прямо противоречит им. Поэтому он мало надеялся, что оппортунистический курс правых социал-демократов станет генеральной линией всей партии. Белов не нашел "у решающего большинства социал-демократических депутатов", не говоря уже о "подавляющем большинстве социал-демократических избирателей", "собственно патриотических мотивов", которые должны были бы, по его мнению, лежать в основе их августовского решения¹⁵⁾. Поэтому он не считал возможным рассматривать поддержку социал-демократической фракцией милитаристского правительственного курса как факт, свидетельствующий о качественном перерождении социал-демократии. С его точки зрения, предательство правыми лидерами социал-демократической партии интересов немецкого пролетариата и крестьянства является результатом "прямого и косвенного воздействия единой позиции буржуазных партий" по основным вопросам внутренней и внешней политики. Не будь этого единства, позволившего угрожать социал-демократической фракции роспуском рейхстага, едва ли бы она одобрила новый военный бюджет. "Без энтузиазма буржуазных партий, - подчеркивал Белов, - энтузиазм социал-демократов был бы значительно меньше"¹⁶⁾. Исходя из анализа причин, побуждавших правых лидеров социал-демократической партии проголосовать в рейхстаге за военную программу, Белов пришел к двум следующим выводам. Во-первых, благоприятное, с его точки зрения, развитие социал-демократии зависит от лидерства буржуазных партий. Сохранить его можно лишь в том случае, если оставить существующую политическую систему в неприкосновенности. Малейшее ослабление позиций буржуазных партий, которое бы последовало вслед за демократизацией избирательного права, Белов считает "немыслимым, особенно в Германии, как в силу того, что наше индустриальное развитие породило чрезвычайно многочисленное рабочее сословие, так и потому, что социал-демократия играет в политической жизни значительно большую роль, чем в какой-либо другой стране"¹⁷⁾. Во-вторых, если социал-демократическая партия не изменила своей собой природы, если ее решение в августе 1914 г. было вызвано политическими соображениями, то доверять ей власть по-прежнему опасно: "В настоящее время левые политики, - констатировал Белов в 1917 г., - вызывают сомнение в том, что они справятся с политическими задачами, которые должна решить Германия"¹⁸⁾.

Последствия прихода к власти демократических сил, предвидение которых Белов считал долгом каждого историка, он изображает в черных красках, избегая всяких полутонов. Согласно его убеждению, неизбежным средством "полной демократизации" общественного и государственного строя Второй империи была бы ликвидация всех завоеваний, которых Германия с большим трудом удалось достигнуть со дня образования единого национального государства. А это, в свою очередь, привело бы к отказу от осуществления намеченной буржуазно-юнкерским государством империалистической программы, от чего "пострадала бы не одна часть народа, в том числе и сословие рабочих"¹⁹⁾.

Своей политической программе Белов пытался дать историческое обоснование. В этом отношении показательна, в частности, его статья "Горожане и князья", в которой он подверг резкой критике взгляды Г.Пройса на историю немецкого городского средневекового строя²⁰⁾.

В своей монографии Пройс, выступая с позиций либеральной буржуазии, предпринял попытку на фактах истории немецкого средневековья доказать, что "низкая политическая одаренность высших групп немецкого народа" является их постоянным качеством. Отсюда и все беды Германии в прошлом и настоящем. Обращаясь, например, к истории Ганзы, Пройс полагал, что ее упадок был предопределен реакционным характером ганзейского городского строя, "подготовлен изнутри" патрициатом. Утверждение патрицианского режима в среде ганзейских городов, писал он, было "началом конца Ганзы и немецкой городской свободы вообще". Реакционный характер патрицианского господства Пройс видел, в частности, в стремлении ганзейских городских советов к осуществлению "дорогостоящей внешней политики силой". Израсходовав без всякой пользы колоссальные средства, Ганза ослабла, стала добычей территориальных князей, "исконных врагов городов"; что край отрицательно сказалось впоследствии не только на положении городов, но и на Германии в целом. Касаясь современной ему ситуации в Германии, Пройс утверждал, что она мало чем отличается от той, которая сложилась еще в XVI в.

Нападки Пройса на "феодализм, аристократию, юнкерство" вызвали негодование со стороны Белова. Представляя в науке и политике интересы самых реакционных кругов немецкой буржуазии и юнкерства, он был убежден, что "в защиту аристократии можно сказать много хорошего", в том числе и в защиту патрициата средневековых городов, так как, "в общем городская

политика при патрицианском режиме была более удачна, чем при демократическом²¹⁾.

Исходя из этой установки, Белов полностью отвергает мнение Пройса о том, что упадок ганзейских городов был вызван реакционным характером патрицианского правления. На этот счет он придерживался иной точки зрения, полагая, что закат Ганзы был обусловлен ее неспособностью противостоять конкуренции английских и голландских купцов, пользовавшихся широкой поддержкой своих государств²²⁾. Однако дело не ограничивается только этим. Отрицательную роль в судьбе немецких городов, по мнению Белова, сыграла также близорукая политика, проводимая пеховыми ремесленниками²³⁾.

По вопросу об общих последствиях подчинения средневековых городов территориальным властям Белов также не соглашается с Пройсом. Если последний был убежден в том, что ликвидация социальных и политических свобод в городах отрицательно сказалась не только на их экономике, но и на экономике страны в целом, возвратив ее к "реакционному натуральному хозяйству", то Белов считал эту точку зрения не соответствующей действительности. Он связывал экономический упадок в Германии не со сменой политической власти в городах, а с политической раздробленностью страны²⁴⁾ и "упорным сопротивлением" целовой демократии развитию капитализма²⁵⁾.

Что касается непосредственно городов, то они, по мнению Белова, от утраты политической независимости не проиграли, а только выиграли. Во-первых, благодаря помощи территориальных властей средневековые города упорядочили свои так называемые "внутренние отношения". В этом им особенно помогло "полицейское законодательство", регламентировавшее отношения между учениками и подмастерьем, с одной стороны, и пеховыми мастерами - с другой²⁶⁾. Во-вторых, пользуясь покровительством княжеской власти, города получили возможность более последовательно, чем раньше, проводить в жизнь принципы своей хозяйственной политики, что благотворно отразилось на развитии торговли и ремесла²⁷⁾.

Еще одним серьезным заблуждением Пройса Белов считал его попытки выдать горожан за единственных радателей крестьянских интересов. Поэтому он с негодованием отверг тезис Пройса о том, что положение крестьян было особенно тяжелым там, "где была сильна княжеско-дворянская власть и слабо влияние городов". С точки зрения Белова, "урбанистские круги ничего не сделали для крестьян". Всем лучшим, чем владеет "крестьянское

сословие", оно связано государству и тем, кто стоял во главе его. Поэтому, заключал Белов, всякие разговоры о том, что территориальные власти не выполнили "своей задачи образования высшего органического единства между городом и деревней", как утверждал Пройс, лишены реальных оснований, а "господствующая историческая догма", приписывающая территориальным князьям определенные заслуги в образовании этого единства, является научно обоснованной²⁸⁾.

Экстраполируя результаты своих исторических изысканий на современность, Белов приходит к тем же самым выводам. Это нашло свое яркое проявление в целом ряде пунктов. Возьмем к примеру национальную экономику. Здесь, по мнению Белова, с приходом к власти демократии, как и в прошлом, обязательно последует упадок. Говоря, в частности, о судьбе сельского хозяйства, которая его ожидает в условиях господства "демократии больших городов", он утверждал следующее: "Совершенно очевидно, что раздел округов для выборов в Рейхстаг по простому числу жителей предрешил бы судьбу немецкого сельского хозяйства", так как "наше экономическое развитие привело к тому, что большинство населения состоит из горожан". И хотя многие из них убеждены в необходимости особой заботы о сельском хозяйстве, тем не менее нельзя не считаться с возможностью или даже вероятностью того, что городское население, встав перед необходимостью определения путей развития сельского хозяйства, "будет руководствоваться близорукими эгоистическими интересами"²⁹⁾.

Не лучше, по мнению Белова, обстояло бы дело и в промышленности, потому что ее прогрессивное развитие, как и развитие сельского хозяйства, возможно только при активной поддержке сильного государства. Однако национальная экономика не получила бы этой поддержки от социал-демократического правительства, так как политике вмешательства государства в экономическую жизнь противоречила программным установкам социал-демократической партии. Под этими установками Белов подразумевал прежде всего выступление социал-демократов за отмену проводимой правительством Второй империи протекционистской политики, которая оказывала пагубное влияние на экономическое положение трудящихся масс³⁰⁾.

Отказ от протекционизма Белов считал для Германии особенно опасным, а потому недопустимым ни в коем случае. Рассматривая протекционизм единственной "программой экономического прогресса", которому Германия полностью обязана своим превращением

из экономически отсталой страны в мощную индустриальную державу с развитым сельским хозяйством и последовавшим за этим так называемым "внутренним обоснованием национального государства", он подчеркивал: "Общество, которое не желает или не может реализовать программу прогресса, погибнет"³¹⁾. Если с Германией этого не случилось до сих пор, то только потому, что она традиционно следовала протекционистскому политическому курсу, достаточно выдержавшему все испытания не только историей, но и современностью. В качестве доказательства Белов ссылается на экономическую политику современному ему немецкого государства, у истоков которой, по его мнению, стояли Бисмарк, а затем Вильгельм II, именуя ее неомеркантилистской³²⁾.

Положительные последствия неомеркантилистской политики Белов выводит далеко за рамки чисто экономических отношений. В его представлении "программа экономического прогресса" одновременно была также и программой обеспечения национальной независимости в том смысле, что, способствуя развитию национальной экономики, она образовала необходимые предпосылки для укрепления обороноспособности страны. Проект создания сильного военно-морского флота и многочисленной сухопутной армии, оснащенной по последнему слову техники, автором которого был, по Белову, кайзер Вильгельм II, остался бы на бумаге, если бы Германия не совершила экономический поворот. "Без предшествующего государственного покровительства индустрии и сельскому хозяйству, - утверждал Белов в 1917 г., - мы, но в первую очередь рабочие, оказались бы в крайне затруднительном положении"³³⁾. Важнейшую предпосылку, позволившую Бисмарку и Вильгельму II успешно решить стоящие перед ними задачи, Белов видит в том, что в стране не было введено всеобщее, равное избирательное право и благодаря этому "совершенно неспособное к выполнению национальной работы" представительство немецкого народа было лишено возможности принимать безответственные решения"³⁴⁾.

Вывод Белова о том, что демократизация общественного и государственного строя Германии равносильна ее гибкости, убедил его в необходимости решительных мер с целью предотвращения революции. Из великого множества перечисленных им средств, способных, по его мнению, сдержать революционный натиск пролетариата, наиболее оптимальным он считал войну. Он был убежден в том, что "вопрос об избирательном праве является... вопросом внешней политики в самом широком смысле этого слова"³⁵⁾. Иначе говоря, Белов настаивал на

"безусловном выполнении требований нации", то есть на завоевании чужих территорий и превращении их в бесправные колонии, потому что видел в этом важнейшее условие решения внутриполитических проблем³⁶⁾.

Поставив решение внутриполитических проблем в зависимость от решения вопросов внешней политики, Белов принял активное участие в разработке внешнеполитической программы германского империализма. Необходимость осуществления этой программы он мотивировал необходимостью обеспечения безопасности государственных границ на Востоке и Западе в целях укрепления позиций германского империализма внутри страны и за ее пределами. Он утверждал, что расширение границ рейха позволит заложить прочные основы мира во всем мире³⁷⁾.

Согласно внешнеполитической программе Белова, в основе которой лежали идеи так называемого "независимого комитета в пользу прочного немецкого мира", одним из основателей которого он был, создание сильного послевоенного рейха предлагалось в первую очередь за счет Бельгии, Польши, Прибалтики. Аннексия этих областей считалась исключительно важной с точки зрения утверждения германского господства во всем мире. Например, Бельгия. Она представлялась Белову важным опорным пунктом, имеющим огромное значение для защиты германских интересов не только на европейском континенте. В частности, он был убежден, что Германия может рассчитывать на успешную реализацию своих колониальных замыслов только в том случае, если овладеет фландрским побережьем, открывающим выход на просторы Атлантического океана. С этой точки зрения он резко осуждал тех, кто выступал против захвата Бельгии. "...За время войны мы убедились, - утверждал он, - что немецкая заморская и колониальная политика возможна лишь при наличии фундамента силы в Европе. Отказываться от Бельгии, означало бы на то, что она не имеет никакого отношения к заморской и колониальной политике, ошибочно"³⁸⁾.

Отрицательные последствия отказа от Бельгии Белов не ограничивал только колониальной политикой. "Немцы, - писал он, - используя выражение одного брессельского юриста, оказались бы кретинами, если бы ушли с фландрских берегов", ещё и потому, что это повлекло бы за собой серьезное ослабление империи на европейском континенте и усиление ее врагов³⁹⁾. В случае отказа Германии от аннексии Бельгии, во-первых, полагает Белов сохранилась бы угроза нападения на страну с

Запада, а с развязыванием новой войны "наступление наших противников началось бы под защитой бельгийских крепостей". Во-вторых, Германия, согласившись на вывод из Бельгии оккупационных войск, потеряла бы богатые каменным углем районы, что крайне отрицательно сказалось бы на ее экономическом потенциале, а следовательно, и экономическом положении немцев. В-третьих, она лишилась бы возможности оказывать давление на нейтральные страны⁴⁰).

Наконец, Германия не может отказаться от Бельгии потому, — утверждал Белов, — что нравственный долг каждого истинного немца состоит наряду с обеспечением безопасности своей страны в защите народов, родственных ему по языку и культуре. Отказ от выполнения этого долга по отношению к фламандскому населению, подвергавшемуся гонениям со стороны франкоязычных валлонов, Белов находил крайне "неблагоразумным". Он утверждал, что в этом случае репутация Германии была бы поставлена под сомнение. Чтобы не допустить этого, чтобы помочь фламандцам понять, "откуда им угрожают и где они могут найти защиту", немецкое государство, заявлял он, обязано осуществить акцию по "спасению фламандцев".

Аргументируя необходимость аннексии Бельгии интересами германского рейха, Белов полностью игнорировал интересы населения этой страны. В сущности он в одинаковой степени был безразличен как к судьбе франкоязычных бельгийцев, так и к бельгийцам, говорящим на северо-германском диалекте, хотя последним он обещал сохранить их язык и культуру, а первые поддевали, с его точки зрения, германизации. Однако принципиальной разницы здесь не было, ибо заинтересованность Германии в "сохранении фламандства" Белов объяснял необходимостью оказания сопротивления "разлагающимся тенденциям романизации" культуры на европейском континенте⁴¹, то есть он рассматривал фламандцев лишь как средство для утверждения немецкого господства в Бельгии, в частности, и в Европе вообще. О предоставлении какой-либо самостоятельности Бельгии у него нет и речи. Она должна была стать составной частью германской империи, а ее население онемечено.

Белова, который был решительным сторонником сильного национального государства, не устраивал ни "крайний национализм", отрицавший всякую возможность присоединения к Германии соседних государств, ни космополитизм, согласно которому предполагалось создание сильного государства в Европе за счет

отказа от идеи превосходства германской нации над другими. В вопросе создания сильного национального государства он придерживался иной точки зрения. Белов выступал за создание сильной империи путем аннексии пограничных территорий с точки зрения, которая принимает во внимание специфику этих областей. Другими словами, требуя присоединения Бельгии к Германии и отвергая план ее раздела между рейхом и Францией, он исходил из учета возможностей германизации ее населения и культуры. Анализ же этих возможностей убеждал его, что Германия якобы располагает достаточными силами, чтобы успешно справиться с этой задачей⁴²⁾.

В захвате и насильственном присоединении к Германии территорий, входивших в состав Российской империи, а именно русской части Польши и Прибалтики, Белов также не видел какой-либо угрозы для существования немецкого национального государства, хотя в данном случае речь шла об аннексии народов, отличных в этническом отношении от немцев. Расчеты, сделанные им по поводу возможностей Германии в ассимиляции коренного населения русских западных провинций, а также анализ "специфических особенностей" этих народов полностью совпадали с его экспансионистскими планами. Согласно этим расчетам, присоединение к германской империи польских и прибалтийских земель не противоречит природе немецкого национального государства, потому что речь идет об аннексии областей, которые "редко заселены" и в которых резкое увеличение населения не предполагается⁴³⁾.

С точки зрения Белова, приращение немецкого национального государства противоречит не насильственное присоединение к Германии польских и прибалтийских земель, а отказ от них, предоставление населяющим их народам политической независимости. Более того, он был убежден, что отчуждение у этих народов права на национальное самоопределение отвечает не только интересам рейха, но и их собственным интересам. Эта мысль у Белова особенно четко прозвучала, когда он, безоговорочно отвергнув проект образования из Польши, Литвы и Курляндии "самостоятельного польского государства как государства многонационального", автором которого был депутат рейхстага от народной партии Г. Готейн, сослался на опасность ополчания в рамках этого государства народностей непольского происхождения. С его точки зрения, эта опасность возникла бы сразу, как только польскому народу "развязали бы руки" в силу присущей ему "агрессивной тенденции развивать только собственную культуру" и пре-

пятствовать развитию культуры других наций. Получив независимость, писал он, "поляки стали бы притеснять литовцев и немцев, в Курляндии они предоставили бы эту возможность латышам, чтобы, завоевав их расположение, затем подчинить себе"⁴⁴).

В действительности, настаивая на отторжении русской части Польши и прибалтийских провинций от России и их "полном присоединении" к Германии, Белов меньше всего беспокоился о судьбе живших здесь народов. По его собственному признанию, самое большое, на что могли рассчитывать прибалтийские народы в составе немецкого национального государства, - это на "хорошее отношение", но, оговаривался Белов, только в том случае, если они будут "полюбно" относиться к рейху. Что касается поляков, то им он не обещал даже этого. По отношению к польскому народу Белов рекомендовал проводить традиционную прусскую политику. Отказ от этой политики, предоставление полякам права на национальное самоопределение или уравнивание их в правах с немецким народом он расценивал как предательство национальных интересов. "Люди, которые сегодня считают, что можно отказаться от средств прусской политики Флоттвеля и Бисмарка по отношению к Польше, забывают о самых насущных потребностях отечества"⁴⁵). Этот упрек Белов адресовал в первую очередь социал-демократам, которые, по его словам, стремясь "полностью развязать руки полякам", толкали немецкую нацию на "самоубийство", потому что, восстановив независимость Польши, "пришлось бы отказаться от переселения немецких крестьян в восточные поместья", что создавало бы серьезную угрозу для сохранения крупных земельных владений в Германии⁴⁶). Избежать "самоубийства" нации, по Белову, можно только на пути аннексии Польши и оккупации прибалтийских провинций, так как захват этих областей позволил бы "значительно расширить плодородные районы Германии и удовлетворить тем самым спрос немецких переселенцев на доходные земли"⁴⁷). Таким образом, когда Белов отказывал польскому народу и народам Прибалтики в самых элементарных человеческих правах, он думал только об интересах прусских Junkers, о сохранении их господства внутри страны и его утверждении за ее пределами. Аналогичными мотивами он руководствовался и тогда, когда требовал аннексии Бельгии с той лишь разницей, что в этом случае он заботился преимущественно об интересах

германских капиталистов.

В заключение следует отметить, что разработанная Беловым политическая программа не осталась без внимания со стороны правящих кругов вильгельмовской Германии. В своей практической деятельности они широко пользовались содержащимися в ней рекомендациями. Однако и: не удалось достигнуть тех целей, которые они ставили перед собой. Развязанная германским империализмом первая мировая война не оправдала возлагаемых на нее надежд. Она не предотвратила революцию, а напротив, способствовала ее свершению. И хотя Ноябрьская революция 1918 г. осталась незавершенной буржуазно-демократической революцией в силу преобладания оппортунизма в немецком рабочем движении, тем не менее сам факт ее свершения доказывает всю несостоятельность и реакционность попыток решать внутривнутриполитические трудности посредством внешнеполитических акций, как на том настаивал Белов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) W.Conze.Zeit Wilhelms II und Weimar Republik.Deutsche Geschichte 1890-1933. Műbingen-Stuttgart, 1964, S.66.
- 2) H.Lenz.Kleine historische Schriften.Műnchen-Berlin 1910, S.567.
- 3) В.Зомбарт. Экономические и социальные вопросы в современном обществе: СПб, 1905, с. 13
- 4) G.Below.Das parlamentarische Wahlrecht in Deutschland.Berlin, 1909, S.38.
- 5) Ibid., S.38-39, 72.
- 6) G.Below.Kriegs-und Friedensfragen.Dresden-Leipzig, 1917, S.96; Das parlamentarische Wahlrecht, S.69.
- 7) G.Below.Das parlamentarische Wahlrecht, S.69-70; Kriegs-und Friedensfragen, S.85-89.
- 8) G.Below.Das parlamentarische Wahlrecht, S.72.
- 9) G.Below.Kriegs - und Friedensfragen. S.92, 129.
- 10) G.Below. Das parlamentarische Wahlrecht, S.75.
- 11) Ibid., 79, 76.
- 12) G.Below.Kriegs-und Friedensfragen, S.97.
- 13) G.Below.Das parlamentarische Wahlrecht., S.68.
- 14) G.Below. Kriegs-und Friedensfragen, S.92.
- 15) Ibid., S.96.
- 16) Ibid., S.91.
- 17) Ibid., S.94.
- 18) Ibid., S.96.
- 19) Ibid., S.84.
- 20) G.Below.Bűrgerschaften und Fűrsten.-"Historische Zeitschrift", Bd.102, 1907).
- 21) G.Below.Bűrgerschaften und Fűrsten, S.531.

Носителем идей демократии в средневековом обществе как Белов, так и Проис, считают цеховых ремесленников.

22) G.Below.Die städtische Verwaltung des Mittelalters als Vorbild der späteren Territorialverwaltung."Historische Zeitschrift", Bd.75, 1895, S.448.

- 23) G. Below. Bürgerschaften und Fürsten, S. 529.
- 24) G. Below. Frage des Rückgangs des wirtschaftlichen Verhältnisse vor Dreißigjährigen Krieg. - "Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte", Bd. 7, 1909, S. 160-167.
- 25) G. Below. Probleme der Wirtschaftsgeschichte. 2. Aufl., Tübingen, 1926, S. 571.
- 26) Ibid., S. 544, 547-548.
- 27) G. Below. Bürgerschaften und Fürsten, S. 541-543.
- 28) Ibid., S. 544-546.
- 29) G. Below. Kriegs- und Friedensfragen, S. 93-94.
- 30) Ibid., S. 7-9, 84.
- 31) Ibid., S. 6.
- 32) См.: G. Below. Die neukonservative Ära Bismarcks. - "Das neue Deutschland", Jg. 3, 1915, N 20-26.
- 33) G. Below. Kriegs- und Friedensfragen, S. 84.
- 34) Ibid., S. 82.
- 35) G. Below. Süddeutschland und preussische Wahlrecht. - "Deutschlands Erneuerung", Jg. 1, 1917, S. 207.
- 36) G. Below. Kriegs- und Friedensfragen, S. 33.
- 37) Ibid., S. 36.
- 38) Ibid., S. 47.
- 39) Ibid., S. 49.
- 40) Ibid., S. 47-48, 51-52.
- 41) Ibid., S. 48.
- 42) Ibid., S. 18, 51-52.
- 43) Ibid., S. 55, 57-58.
- 44) Ibid., S. 53-55, 58-59.
- 45) Ibid., S. 54.
- 46) G. Below. Das parlamentarische Wahlrecht., S. 131.
- 47) G. Below. Kriegs- und Friedensfragen, S. 5.

В. Г. БАЕВ

ПРОТОКОЛЫ РЕЙХСТАГА КАК ИСТОЧНИК О ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-1922 ГОДАХ

Литература о советско-германских отношениях начала 20-х годов довольно обширна. Исследуя эти отношения, авторы используют различные источники, прежде всего дипломатические документы, прессу и гораздо реже — парламентские материалы. Между тем последние являются интересным и своеобразным источником, включающим стенограммы прений в пленарных заседаниях, сведения о работе парламентских комитетов, вопросы и интерpellации депутатов, решения и договоры по вопросам внешней политики.

В ходе Ноябрьской революции 1918 г. монархия была свергнута. В июле 1919 г. Национальное собрание приняло Веймарскую конституцию, провозгласившую Германию буржуазной республикой. По конституции большие права предоставлялись президенту, в том числе право контроля над внешней политикой и заключения международных соглашений. Рейхстаг избирался на основе всеобщего избирательного права сроком на четыре года. Он утверждал состав правительства, государственный бюджет, а также внешнеполитические договоры. Устанавливалась ответственность главы правительства-канцлера перед рейхстагом за проведение как внутренней, так и внешней политики. Рейхстаг работал в условиях гласности, так что парламентарии не могли не прислушиваться к общественному мнению. Трибуна рейхстага использовалась немецкими коммунистами для опровержения лживой буржуазной пропаганды о Советской России¹⁾.

В конце 1920 г. состоялись выборы в Рейхстаг, после которых было сформировано буржуазное правительство во главе с лидером партии центра К. Ференбахом²⁾. В мае 1921 г. в связи с ультимативным требованием стран Антанты о выплате репараций правительство К. Ференбаха ушло в отставку. Канцлером правительства "веймарской коалиции", в состав которого входили и социал-демократы, стал лидер левого крыла партии центра И. Вирт, находившийся у

власти до ноября 1922 г.

Нумерация томов документов германского рейхстага является сквозной, начиная с Учредительного рейхстага 1871 г. Документы веймарского парламента составляют 130 крупноформатных фолиантов (326–456 томов), из которых 326–343 тома охватывают документы веймарского Национального собрания, а 344–456 тома – документы всеймарских рейхстагов. Одна треть этих документов (38270 страниц) представляет собой стенографические отчеты-протоколы пленарных заседаний, остальные две трети состоят из документов-приложений (законопроекты, заявления, интерpellации и т. д.)³⁾. Для лучшей ориентации в стенограммах парламентских прений используются Германский и Европейский исторические календари, которые нередко дают информацию о нестенографированных заседаниях комитетов рейхстага⁴⁾.

Для внешней критики парламентских документов полезны также справочные пособия, в частности, официальные справочники о веймарском национальном собрании и рейхстагах всех созывов, а также биографический справочник М.Шварца, содержащий сведения о депутатах рейхстага и межрайонных округах, в которых они баллотировались⁵⁾.

Тяжелое международное положение Германии, связанной условиями Версальского мирного договора, толкало её к улучшению взаимоотношений с Советской Россией. "Немецкое буржуазное правительство бесно ненавидит большевиков, – писал В.И. Ленин, – но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желаниа"⁶⁾. Примечательно, что правящие круги Веймарской республики обычно поднимали вопрос о необходимости нормализации советско-германских отношений во время обострения отношений с западными странами.

Парламентские документы содержат материалы о восстановлении советско-германских дипломатических отношений, которые были разорваны по инициативе правительства Германии 4 ноября 1918 г.⁷⁾ 5 марта 1920 г. фракция НСДПГ обратилась к правительству с запросом, в котором отмечалось: "Учитывая чрезвычайно крупные перемены, происходящие на Востоке в экономической и политической

областях, готово ли пречительство заключить прочный мир с РСФСР, с тем, чтобы в максимально короткий срок проявить инициативу в целях налаживания нормальных политических отношений, исключая дипломатические козни?"⁸). Вместе с тем стенограммы прений свидетельствуют о нежелании лидеров СДПГ нормализовать советско-германские отношения. Если успехи Красной Армии в борьбе с польской интервенцией содействовали боевому настроению немецкого пролетариата, то у лидеров СДПГ эти успехи вызвали недовольство. 9-го июля 1920 г. Э.Бернштейн в комитете рейхстага по иностранным делам предложил правительству принять меры по защите пограничного населения Германии (которому никто не угрожал) в связи с приближением Красной Армии к Восточной Пруссии⁹).

Парламентские документы позволяют выяснить причины, в силу которых в 1921 г. в рейхстаге усиливаются требования к правительству добиваться сотрудничества с Советской Россией. Большую роль в создании благоприятной атмосферы вокруг данного вопроса сыграли депутаты рейхстага-коммунисты. К.Цеткин отмечала, что "только народы новой России решительно отвергли Версальский договор и поддерживают нас в этой борьбе"¹⁰).

Стенографические отчеты показывают, что тяжёлое экономическое положение Германии вынудило даже крупных монополистов искать контакты с Советской Россией. Отражая их точку зрения, депутат от Народной партии Г.Кемниц говорил, что "в то время как нас постигло несчастье, мы одиноки и испытываем нужду, мы не имеем права больше медлить и дать задохнуть идею восстановления отношений с Россией"¹¹). Он подчеркнул, что тяготы Версальского договора никогда бы не обрушились на Германию, "если бы нить, связывавшая Берлин с Петербургом, не обрывалась".

Процесс улучшения германо-советских отношений во многом осложнился антисоветской пропагандой реакционных кругов, что нашло отражение и в протоколах рейхстага, депутаты которого говорили и том, что послевоенная разруха и низкий жизненный уровень населения ограничивают возможности России во внешней торговле¹²). На мельнице реакции лили воду правые социал-демократы, изображавшие в своих выступлениях политику НЭП как возврат к капита-

лиему¹³⁾. Сам факт вступления советского правительства в переговоры с капиталистическими государствами руководство СДПГ клеветнически представляло как вынужденный отъезд большевиков от своих принципов и как оправдание собственной политики реформизма. Моллер, например, доказывал, будто "Россия постепенно возвращается к капитализму"¹⁴⁾.

Вместе с тем немецкие парламентарии внушали трудящимся массам, что улучшение советско-германских отношений ухудшит отношения Германии со странами Антанты.

Парламентские материалы свидетельствуют, что, несмотря на враждебное отношение к советскому государству, правящие круги Германии не могли отказаться от торговых связей из-за опасения потерять в лице Советской России огромный рынок сбыта¹⁵⁾. Депутаты рейхстага - коммунисты справедливо отмечали, что германская буржуазия шла на сотрудничество со страной Советов из-за боязни быть опереженной¹⁶⁾.

Стенограммы прений знакомят исследователя с мужественной борьбой немецких коммунистов и других левых депутатов против врагов советского государства, рассказывают о том, что КПГ стала инициатором и главной силой движения "Руки прочь от России!" В речи 2 июля 1920 г. К.Цеткин говорила о единстве целей борьбы революционных рабочих всех государств. "Немецкий народ, - заявила К.Цеткин, - должен продемонстрировать на деле интернациональную солидарность с Россией рабочих и крестьян. Ни один вагон, груженный оружием, амуницией, оборудованием для военного производства в Польше, создаваемого с помощью капиталистов Антанты, не должен пересечь границу Германии"¹⁷⁾. В.Кёнен указывал на сотрудничество политического отдела берлинской полиции с русскими белогвардейцами¹⁸⁾.

16 апреля 1922 г. был подписан советско-германский договор в Рапалло, по которому между двумя государствами восстанавливались дипломатические отношения, были регулированы взаимные претензии и созданы условия для развития торговли. Рапалльский договор содействовал укреплению позиций Германии на международной арене. Он соответствовал интересам как германского, так и

советского народов. Буржуазная пресса вначале настороженно встретила Рапалльский договор. Парламентские документы содержат материалы различных политических группировок и их оценки перспектив советско-германских отношений. При этом отмечается возрастающая роль Советской России в международных делах¹⁹⁾.

Документы свидетельствуют, что неудачи немцев на переговорах со странами Антанты побудили германских дипломатов пересмотреть своё отношение к Советской России и пойти на подписание Рапалльского договора. И. Вирт говорил, что его правительство обращалось к Английскому банку с просьбой о долгосрочном займе в 500 млн. зол. марок, но неизменно получало отказ²⁰⁾. Депутаты-коммунисты указывали, что будущее Германии в значительной степени зависит от характера советско-германских отношений. В декларации КПГ отмечалось, что "Германия идёт в Генуэ, находясь в зависимости от западных держав, без какой-либо политической и реальной поддержки со стороны России, единственной силы, способной оказать сопротивление Антанте"²¹⁾. Коммунисты предостерегали, что, затягивая нормализацию отношений с Советской Россией, Германия рискует потерять в её лице неопределимого торгового партнёра²²⁾.

Значительное место в стенограммических отчетах занимают страницы, повествующие об обсуждении в рейхстаге результатов конференции в Генуэ и подписания Рапалльского договора. Документы рейхстага указывают на отличительную черту договора - отказ от взаимных претензий²³⁾. Договор нашёл высокую оценку в речи канцлера И. Вирта. "Договор в Рапалло, - констатировал он, - охарактеризован народами как первое после великой катстрофы предприятие в пользу мира"²⁴⁾. Парламентские документы отражают противоречивую позицию лидеров правых социал-демократов, которые хотя и признавали целесообразность советско-германского экономического сотрудничества, однако искажали характер обоюдного соглашения, пытались доказать, будто Рапалльский договор выгоден прежде всего Советской России²⁵⁾. Несмотря на разные мнения о путях русско-германского сотрудничества, договор об отношениях между странами был 4 июля 1922 г. единогласно утверждён рейхстагом, что явилось беспрецедентным случаем в германской пар-

ламентской практике. Отмечая международные последствия Рапалльского договора, З. Ратенау заявил, что "Германия снова вышла на мировую арену"²⁶). Договор имел большое значение для Советской России, укрепил её позиции на международной арене²⁷).

Руководители стран Антанты выражали недовольство в связи с заключением советско-германского договора. Так, премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж, выступая в палате общин, назвал договор "большим заблуждением и тяжёлой ошибкой"²⁸).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) В июне 1920 года в рейхстаг были избраны два коммуниста - К.Цеткин и П.Леви.
- 2) Кульбакин В.Д. Очерки новейшей истории Германии. М., 1962, с.165.
- 3) Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte. Anlagen zu den stenographischen Berichten (VdR), Bände 344-456. Berlin, 1920-1933.
- 4) Deutscher Geschichtskalender. Sachlich geordnete Zusammenstellung der wichtigsten Vorgänge in In- und Ausland. Herausgeber: Dr. Fr. Purlitz. Jg. 1920-1932. Leipzig (1920)-1933; Schulthess' Europäischer Geschichtskalender. Berlin, 1919-1933.
- 5) Handbuch der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung Weimar 1919, Biographische Notizen und Bilder. Hrsg. vom Büro des Reichstags. Berlin, 1919; Reichstagshandbuch. Hrs. vom Büro des Reichstags. Berlin, 1920-1933 (I.-7. Wahlperiode); Schwarz M. Biographisches Handbuch des Reichstags. Hannover, 1965.
- 6) В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т.42, с.105.
- 7) См.: История внешней политики СССР, т. I, 1917-1945 гг., М., 1976, с.91.
- 8) Verhandlungen der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Bd. 341, Berlin, 1920, S. 2773.
- 9) Цит. по: Кармин М. Германский пролетариат в борьбе с интервенцией. - "Борьба классов", 1932, 11-12, с.161.
- 10) VdR, Bd. 347, S. 2052.
- 11) VdR, Bd. 347, S. 1048.
- 12) VdR, Bd. 344, S. 318; VdR, Bd. 346, S. 1470-1471.
- 13) VdR, Bd. 346, S. 1984, 2000.
- 14) VdR, Bd. 355, S. 7680.
- 15) VdR, Bd. 347, S. 2050.
- 16) VdR, Bd. 344, S. 199-200.

- 17) Zetkin C. *Ausgewählte Reden und Schriften*. Bd.2. Berlin, 1960, .202.
- 18) VdR, Bd.354, S.6697.
- 19) VdR, Bd.347, S.2061.
- 20) VdR, Bd.352, S.5558-5562.
- 21) VdR, Bd.354, S.6702-6703.
- 22) VdR, Bd.352, S.5617.
- 23) VdR, Bd.355, S.7675.
- 24) VdR, Bd.355, S.7676.
- 25) VdR, Bd.355, S.7680.
- 26) Ахтамаян А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения 1922-1932 гг. Ч., 1974, с.83.
- 27) В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.45, с.303.
- 28) VdR, Bd.355, S.7778.

А.Н. НЕЧУХРИН

Н.И.КАРЕЕВ О КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Выяснение взаимоотношения социальных наук – серьезная методологическая проблема, решение которой влияет на определение предмета и задач каждой отдельной науки об обществе. Невозможно охватить весь накопленный эмпирический материал, использовать его в научной и практической деятельности без определенно-теоретического осмысливания, без изучения специфики его рассмотрения в различных социальных науках. Развитие во второй половине XIX века социологии поставило на повестку дня вопрос о ее соотношении с психологией, этнографией, биологией, как науками, занимающимися человеком, и, конечно, прежде всего с историей. От решения данного вопроса зависел и другой – является ли история самостоятельной наукой, либо она только придаток социологии? В зависимости от этого трактовались и коренные вопросы методологии истории.

В последней четверти XIX века эти вопросы оживленно обсуждались в русской историко-философской литературе, в особенности в трудах Н.И.Кареева. Взгляды Кареева представляют для нас особый интерес, так как он первым из русских историков обратился к специальным исследованиям теоретических проблем исторической науки, создав первую в отечественной литературе обобщающую работу в этой области¹⁾. Многие положения, разработанные в этой книге, весьма показательны для дальнейшего развития буржуазной методологии истории. Они частично видоизменялись и модернизировались под влиянием буржуазной методологии истории в его последующих работах, но принципиально зрелому не подвергались.

Проблема взаимоотношения социальных наук является одной из важнейших в концепции Кареева. Она разрабатывается в целом ряде его теоретических работ, но принципиальное ее решение дано уже в "Основных вопросах философии истории". Все науки Кареев делит на "феноменологические, имеющие дело с данными феноменами, и номологические, имеющие дело с известными категориями законов"²⁾. Самое разделение наук на конкретные и абстрактные (феноменологические и номологические, по терминологии Кареева) заимствовано у О.Конта, на что Кареев неоднократно сам указывал³⁾, но несомненно, что принцип, лежавший в основе контовского деления, был совсем иным. У Конта шла речь о

делении наук по изучаемому ими предмету: "Одни науки, - писал он, - абстрактные, общие, имеющие предметом открытие законов, которые управляют различными родами явлений, другие - конкретные, особенные, состоят в применении этих законов к действительной истории различных существующих предметов"⁴⁾. Кареевым же за основу классификации наук берется теоретико-познавательный признак - деление по познавательному интересу отдельных наук: "Все доступное нашему познанию, - пишет историк, - есть совокупность явлений, управляемых законами. Наше изучение может быть направлено на самые явления или на их законы, смотря по тому, какие цели мы себе ставим. Одна задача - описать явления и показать их взаимную связь, другая - найти общие законы их существования в пространстве и последовательности во времени"⁵⁾. В более поздней работе он подчеркивает, что дело "не в том, что является предметом науки, а в том, как наука своим предметом занимается, будет ли этот предмет нечто общее, или нечто единичное"⁶⁾. На основании нашего познавательного интереса, указывает Кареев, любой индивидуальный предмет, единичный факт может рассматриваться с двух сторон - либо как экземпляр какого-нибудь вида, пример какого-нибудь отношения, случай какого-нибудь правила; либо - сам по себе, как нечто существующее только один раз и в одном месте, в данное время при определенной обстановке, с не менее определенными причинами и следствиями. В первом случае важно знание общего, во втором единичного. Вопрос же о том, что взять за предмет рассмотрения, зависит от нашего познавательного интереса"⁷⁾.

Выдвижение теоретико-познавательного признака в качестве определяющего при классификации социальных наук сближает Кареева с неокантианцами⁸⁾. В советской историографии уже высказывалось мнение о соединении в мировоззрении Кареева позитивизма и неокантианства⁹⁾, поэтому представляет особый интерес сравнить точку зрения Кареева и неокантианцев по рассматриваемой нами проблеме.

На основании нашего интереса к истории человечества, к законам, по которым оно развивается, Кареев выделяет феноменологическую науку-историю и номологические науки социологию и психологию в качестве важнейших социальных наук¹⁰⁾. "История и социология - на этом основании, - указывает он, - исходят одно и то же, но только различными способами. Первая воспринимает прошлое, вторая открывает общие законы"¹¹⁾. Чисто в неокантианском духе история определяется ученым, как наука конкретная:

занимающа́я как раз "тем в предмете, что отличает его от других подобных предметов, фактов, явлений, т.е. несущественным с точки зрения классификации, статистики, номологии, и имеет в виду не общее, а единичное с собственным именем, с обозначением места и времени и других обстоятельств; ее интересует все индивидуальное – личность, народ, событие, процесс, – отмеченное собственным именем, топографическим и хронологическим указанием¹²⁾. А так как история имеет дело с единичным и неповторяющимся, то повторяемость не может служить руководящим принципом в историческом исследовании¹³⁾.

Индивидуальность исторических событий принимается Кареевым весьма широко – не только в смысле их уникальности, но и в смысле их влияния на последующее развитие событий, и в этом плане события для него уникальны именно в силу своей значимости. Например, он пишет: "Чем богаче история народа переменами, чем отдельные ее эпохи резче отличаются одна от другой общими течениями, чем более каждое новое течение соответствует высшему моменту развития, тем важнее этот народ в истории и именно потому важнее, что менее похож на другие. Вот руководящая идея при выборе для изучения индивидуального, неповторяющегося факта перед другими однородными"¹⁴⁾. Такое понимание индивидуальности давало историку возможность ориентироваться в историческом материале и здесь Кареев стоит на более научных позициях, чем неокантианцы, трактующие индивидуальное только в качестве особенного при сравнении с другими предметами, независимо от содержания и объективных связей рассматриваемого предмета. Формальное определение индивидуального дополняется у Кареева рассмотрением его содержания и реального значения.

Для социологии, считает ученый, важно знание именно общего, ее интересует все, все, что рассматривается в качестве общих и постоянных отношений. С этой точки зрения мерилom существенного в ней и является не что иное, как повторяемость одного и того же¹⁵⁾. Социология и психология, как номологические науки, пишет Кареев, должны открывать законы развития общества, а не феноменологическая история¹⁶⁾, которая индивидуализирует даже тогда, когда имеет дело с "коллективностями", ибо они даны нам раз и никогда не повторяются. Если история изучает "коллективности", либо их составляющие во всей их индивидуальности и совокупности, то номологические науки рассматривают тот же объект лишь в качестве частного случая от общего правила, обратив свое внимание на то в объекте, что сводится под общий закон¹⁷⁾.

Феноменологическую направленность исторической науки Кареев основывает также на специфике предмета ее изучения, указывая, что исторические факты сами по себе не повторяются, "они вполне индивидуальны", что они по самой своей сути имеют для нас особое значение¹⁸⁾, а следовательно, и исследование их во всей их полноте и значимости должно проводиться индивидуализирующим методом. С другой стороны, главной ячейкой истории Кареев провозглашает вневременную абстрактную личность, вокруг которой все в мире группируется, через которую все существует: "Индивидуум — единственное реальное существо, с которым имеет дело наука история"¹⁹⁾. Если история желает знать все деяния и внутренний мир личности, то согласно логике Кареева она неизбежно выступает как наука индивидуализирующая и психологизирующая.

Последовательно проведенный теоретико-познавательный принцип разделения наук, полностью оторванный от специфики предмета изучения отдельных наук, то есть, по сути дела, формальный субъективно-идеалистический принцип, предполагающий не учет объективных особенностей изучаемого предмета с присущими ему формами движения и закономерностями, но лишь наше направление интереса, наше понимание и рассмотрение его с той или иной точки зрения.

Разделение наук по познавательному интересу Кареев дополнительно основывает спецификой предметов их изучения. Задача исторической науки формулируется ученым в следующем виде: "Задача истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на это есть социология) или давать практические наставления (это — дело политики), а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было пожелания предсказывать будущее, как бы изучение прошлого и ни помогало в иных случаях предвидение того, что может случиться или наступить"²⁰⁾. Свой материал историческая наука, по мнению Кареева, объясняет с помощью психологических и социологических законов, открытых "совсем иным путем в науках номологических", — это общая черта неокантианской методологии истории²¹⁾.

Встает вопрос о том, почему историческая наука не открывает сама законы развития человечества и почему именно психологические и социологические законы являясь для нее тем теоретическим фундаментом, на котором должно создаваться здание научной истории. Эта проблема представляет для нас интерес и в том плане, что отрицание исторических законов стало характерной чертой буржуазной исторической науки периода ее кризиса конца

X – начала XX веков. В определенном смысле Карееву здесь принадлежат лавры первенства, но сразу оговоримся, что его отрицание собственно исторических законов совсем не то же самое, что отрицание неокантианцами или представителями "философии жизни" законов истории вообще.

В работе "Основные вопросы философии истории" Кареев пишет: "... для научного объяснения истории достаточно законов психических и социологических, и нет надобности прибегать к открытию специально исторических законов" ²²⁾ факты истории индивидуальны и неповторимы, так как "история есть процесс, состоящий из последовательной смены явлений, которые даются нам лишь один раз в данной совокупности" ²³⁾. Между ними отсутствуют постоянные и неизменные отношения. С другой стороны, Кареев убежден, что "в природе и истории, конечно, все закономерно, все подчинено известным постоянным и неизменным отношениям" ²⁴⁾. Нет ли здесь противоречия? Очевидно нет. Дело в том, что если Кареев отрицает повторяемость исторических явлений во всей их индивидуальности, то он признает наличие в них повторяющихся простых элементов, выделяемых в результате разложения фактов ²⁵⁾. Каждый индивидуальный причинный ряд, пишет историк, подлежит историографическому изучению, "номологическому же изучению, т.е. осмыслению законов явления, подлежат лишь те элементы, из которых складываются конкретные процессы истории" ²⁶⁾. А так как факты истории, по его мнению, либо суть психологические – "внутренний мир личности" и "духовная культура" вообще, либо социологические – факты "общественной организации", то простейшие составные элементы, поддающиеся подведению под закон, относятся к предмету изучения номологических наук – социологии и психологии ²⁷⁾.

История, убежден Кареев, и в этом суть проблемы, не потому сама не открывает законов связи повторяющихся элементов, что это ей не под силу, а потому, что это не входит в ее задачу: "Преобразование истории по типу номологических наук было бы ее управлением или, вернее, превращением в социологию" ²⁸⁾. История, считает ученый, "не выходя из своих рамок, способна давать только эмпирические обобщения, которые допускают массу исключений, а потому не могут быть названы законами; последние подпадают в социологии не путем эмпирических обобщений, а применении дедуктивного метода" ²⁹⁾. При этом закон понимается историком в позитивистском смысле как "единообразные связи причин с их следствием", а не силы, которые производят явления,

и не данное течение истории, производимое действием постоянных причин³⁰⁾, что является следствием общего для всех позитивистов отрицания мира сущностей, доступного научному познанию³¹⁾.

Отрицание собственно исторических законов в значительной степени вытекает у Кареева из его трактовки закона, как некоей общей истины, применимой ко все времена и ко всем народам³²⁾. Указывая на всеобщность и необходимость связей, характеризующихся в качестве закономерных, их устойчивость, Кареев не учитывает историчности социальных законов, их связи с условиями, в рамках которых они действуют, что еще в 1883 году отметил критик его "Основных вопросов философии истории" Л.Слонимский³³⁾. Без учета же этого не может быть и речи о социальных законах вообще, ибо и психологические, и социологические законы неизбежно историчны, как исторична личность, социальные институты и общество в целом.

Если в момент выхода работы Кареева "Основные вопросы философии истории" критика приняла весьма осторожно отрицание им особых исторических законов³⁴⁾, то такое отрицание вскоре стало характерным для всей буржуазной методологии истории. Кареев вспоминал в 1913 году, что тридцать лет назад критика "усмотрела величайшую ересь" в этом, и с удовлетворением отмечал, что сейчас это — общераспространенный взгляд³⁵⁾.

Действительно, если мы сопоставим точку зрения Кареева по данной проблеме со взглядами ведущего неокантианца Г.Риккерта или представителя "философии жизни" Г.Зиммеля, наиболее активно выступавших против законов в истории — мы найдем целый ряд общих моментов. Однако, как справедливо отмечает Б.Г.Могильницкий, нельзя отождествлять их позиции³⁶⁾. При явном внешнем сходстве рассуждений, "например, Зиммеля, также считающего, что исторические события неповторимы в своей индивидуальности, что реальными являются лишь движения мельчайших частиц исторических явлений и законы возможны лишь применительно к ним, что нет смысла говорить об особых исторических законах³⁷⁾", есть принципиальная разница между им и Кареевым в решении главного гносеологического вопроса — о возможности познания объективного мира. Карееву было чуждо характерное для неокантианцев³⁸⁾ противопоставление мира природы и истории. Отрицая особые исторические законы, он не сомневался в существовании определенных законов, управляющих обществом, а лишь отнес их открытия в область социологии и психологии.

Иное дело Риккерт и Зиммель. Для них, декларирующих непроходимую пропасть между природой и обществом, пытающихся обосновать принципиальную зависимость объекта познания от познающего субъекта, сам закон носит характер чисто идеальный. Так, Зиммель утверждает, что "нет моста, который вел бы от него (закона - А.Н.) к реальной действительности, которая, напротив, должна быть поставлена особым актом вне его"³⁹). Исторические законы для него только "антиципация точного познания исторических событий" - рабочая гипотеза в процессе познания, весьма далекая от истины⁴⁰). Еще дальше шли неокантианцы. Риккерт открыто заявлял, что вообще отвергает "возможность нахождения законов истории как при помощи эмпирической исторической науки, так и при помощи философии истории"⁴¹). Такой откровенный агностицизм не был свойствен Карееву. Кроме того, как отмечает Б.Г. Иогильницкий, отрицание Кареевым исторических законов в значительной степени обуславливалось его борьбой с метафизическими представлениями о вечных и неизменных законах, управлявших историей и предполагающих весь ее ход⁴²).

Устраняя историю от открытия законов, Кареев субъективно вовсе не желал умалить тем ее значимость, лишь подвергнуть осуждению ее истинность. По его мнению, задачу науки нельзя ограничивать одним исследованием общих законов, совершенно устраняя из нее частное, особенное, индивидуальное⁴³). Когда же в конце XIX - начале XX вв. стали особенно яростными нападки на науку истории, ученый выступил в защиту своей науки, доказывая, что, несмотря на специфичные задачи, стоящие перед историей, и специфику предмета ее исследования, она не перестает быть наукой, не отделяется непроходимой пропастью от естественных наук⁴⁴). Он подчеркивает, что если история в силу своей направленности на индивидуальное и не открывает законов, то все же она "изображает не простую беспорядочную смену случайных явлений, а закономерную их последовательность, стараясь установить необходимость того, что было, как оно было"⁴⁵).

Вместе с тем устранение истории от открытия законов объективно вело к принижению ее роли и места среди других социальных наук, ставило ее в подчиненное положение в отношении социологии и психологии. Соотношение истории с социологией и психологией определяется, по мнению Кареева, теми научными задачами, которые приходится решать исторической науке: задача исторической науки - "констатировать факты, приводить их в причинную связь, обнаруживать между ними существенные,

сводить их к общим формулам и объяснять их психологическими и социологическими законами⁴⁶⁾. Все рассуждения Кареева о предмете и задачах исторической науки исходят из признания индивидуума фокусом всего исторического процесса. "Личность - единственный фактор истории", - утверждает Кареев⁴⁷⁾. Отсюда и вытекало стремление историка построить всю теорию исторического познания через призму психологии, в чем особенно сказались влияние Спенсера.

В результате историческое событие представляет собой, согласно Карееву, не более, как сумму отдельных человеческих поступков⁴⁸⁾; а так как поступки людей определяются характером человека и мотивом, то определить причины какого-либо исторического события для Кареева означает вскрыть соответствие между мотивами и поступками исторических деятелей, что есть задача психологическая⁴⁹⁾. Подчеркивая, что причинная связь существует только между действиями и мотивами в истории как элементами прагматических фактов⁵⁰⁾, Кареев считал, что вскрыть такую видимую лишь изнутри причинность можно только своего рода психологическим творчеством и в этом отношении, по его словам, "задача истории есть по существу своему задача психологическая"⁵¹⁾. В дальнейшем психологическая точка зрения на историю наиболее активно развивалась крупнейшими представителями "философии жизни" В. Дильтейем, Г. Зиммелем, Л. Каррагини⁵²⁾.

Поскольку общество рассматривалось Кареевым односторонне, как "известная организация, в которую складываются находящиеся между собой в психическом взаимодействии отдельные живые особи"⁵³⁾, то и социология представляется ему в узко психологическом плане, как наука, опирающаяся прежде всего на материалы психологических исследований. В коллективной психологии, считает он, "можно найти истинную основу для социологии"⁵⁴⁾.

Тем не менее Кареев осознает, что одной психологии недостаточно для построения общей теории истории. Хотя психология и является, по его убеждению, фундаментом для социологии, последняя все же - самостоятельная наука; в построении общей теории истории социологическая и психологическая точка зрения должны дополнять друг друга⁵⁵⁾. Он подчеркивает: "... не предвзятая, произвольная и односторонняя доктрина, а вся совокупность философии, занимающейся законами всего сущего, и вся совокупность психологии и социологии, занима-

ющихся законами всех проявлений духовной и общественной жизни человечества, должны быть теорией историка, без которой он никогда не выйдет из поверхностного и грубого эмпиризма" ⁵⁶⁾.

В работе "Теория исторического знания" Кареев обобщает свои взгляды по вопросу о значении социологии для истории. Он называет ее "общей теорией истории" и выделяет следующие моменты, где социология должна оказать помощь истории: во-первых, она позволяет исторiku "предвидеть законосообразность совершающегося"; во-вторых, она помогает "выделить существенное и необходимое в каждом процессе из массы осложняющих его подробностей и случайностей"; в-третьих, дает возможность избежать субъективности в выделении факторов исторического процесса и их оценки по важности ⁵⁷⁾. В принципе против такой постановки вопроса не было бы возражений, если бы Кареев не устранил историю от открытия законов. История на самом деле исследует закон общественного развития, но не в теоретической форме подобно социологии, а в их конкретном проявлении.

Кареев справедливо считает, что история и социология должны "идти рука об руку, взаимно одна другой помогая, одна другую контролируя; социология - со стороны общих научных идей, история - со стороны научно установленных фактов" ⁵⁸⁾. Однако, учитывая феноменологическую направленность истории, она явно ставится в подчиненное положение по отношению к социологии и исполняет чисто вспомогательную функцию сбора материала для дальнейших социологических выводов. "Историки и другие ученые, идеографически изучающие человеческие общества, - пишет Кареев, - тем самым подготавливают для социологов, изучающих то же самое номологически, необходимый фактический материал" ⁵⁹⁾.

Тем самым Кареев объективно признает значимость исторической науки, ставит под сомнение ее самостоятельность по отношению к другим социальным наукам - социологии и психологии. Это является неизбежным следствием объявления индивидуальности главным объектом истории, устранения истории от законов, провозглашения личности ее центром. Своим логическим делением наук по формальному принципу - теоретико-познавательному интересу - Кареев, в отличие от неокантианцев, не противопоставлял общественные и естественные науки. Ему был чужд агностицизм столпов неокантианства, субъективно он выступал даже защитником истории от посягательств на ее научность, но повторяем, объективно его концепция, изложенная еще в 1883 году,

явилась провозвестником методологического кризиса, охватившего буржуазную историческую мысль на рубеже XIX и XX вв. Одновременно Кареев сделал известный шаг вперед от позитивистского понимания исторической науки, в соотношения с другими социальными науками. Им введен и обоснован принцип деления наук по теоретико-познавательному интересу, в дальнейшем развитый в неокантианской методологии истории; он попытался, пусть не всегда успешно, определить цели и методы важнейших социальных наук, провести между ними четкие границы, разработать критерии отбора фактов для обобщающих и индивидуализирующих наук, и один из первых построил по-своему стройную теорию исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории. Т. I, Москва, 1883.
- 2) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории. Т. I, с. 106.
- 3) См., например: Н. И. Кареев. Историко-философские и социологические этюды. Спб., М., Варшава, 1895, с. 46.
- 4) Цит. по книге: Н. И. Кареев. Историко-философские и социологические этюды. Спб., М., Варшава, 1895, с. 46.
- 5) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории. Т. I, с. 46.
- 6) Н. И. Кареев. Теория исторического знания. Спб., 1913, с. 62.
- 7) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории. Т. I, с. 287.
- 8) Ср.: "Принципом деления служит формальный характер познавательных целей наук. Одни отыскивают общие законы, другие - отдельные исторические факты; выражаясь языком формальной логики, цель первых - общее, аподиктическое суждение, цель вторых - суждение единичное, ассерторическое. Одни из них суть науки о законах, другие - науки о событиях", т. е. одни науки номотетические, другие - идеографические. (В. Виндельбанд. Лекции. Спб., 1904, с. 320).
- 9) Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3, М., 1963, с. 260-261, 474-475.
- 10) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории. Т. I, с. 106. Кроме того, в качестве самостоятельных наук историк считает необходимым выделить историологию (теорию исторического процесса) и историософию (теорию исторического знания). Остается неясной задача и методы историологии, её отличие от социологии, неясно даже, есть ли это наука обобщающая или индивидуализирующая. (См.: Н. И. Кареев. Теория исторического знания, с. 235-236; Историология. Петроград,

1915, с. 27, 31; Основные вопросы философии истории, с. 106).

11) Н. И. Кареев. Введение в изучение социологии. Спб., 1897, с. 135.

12) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории, т. I, с. 288.

13) Там же. В дальнейшем неокантианцы делали особенный упор на отрицание повторяемости как критерия выбора исторических фактов.

См.: А. С. Лаппо-Зинилевский. Методология истории. Спб., 1910, с. 162.

14) Там же, с. 289-290.

15) Там же, с. 287.

16) Там же, с. 124-125.

17) Н. И. Кареев. Историология, с. 22-23.

18) Н. И. Кареев. Историко-философские и социологические этюды, с. 77.

19) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории, т. I, с. 402.

20) Н. И. Кареев. Теория исторического знания, с. 72.

21) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории, т. I, с. 133-134.

22) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории, т. I, с. 113.

Эта мысль не раз повторяется ученым на протяжении всего рассматриваемого периода, (См. его книги: Теория исторического знания, с. 53-54; Историология, с. 37-41).

23) Там же.

24) Там же.

25) Там же.

26) Н. И. Кареев. Историология, с. 41.

27) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории, т. 2, с. 9, 14.

28) Н. И. Кареев. Теория исторического знания, с. 70.

29) Н. И. Кареев. Моим критикам. Защита книги "Основные вопросы философии истории". Варшава, 1884, с. 42.

30) Н. И. Кареев. Сущность исторического процесса и роль личности

в истории. Спб., 1890, с. 294.

31) См.: Н. И. Кареев. Очерки теории исторического знания, с. 66.

32) Н. И. Кареев. Историология, с. 34.

33) См.: Л. Слонимский. Законы истории и социальный прогресс. — "Вестник Европы", 1883, № 5, с. 270.

34) Л. Слонимский. Указ. раб.; В. Гольцев. Основные вопросы философии истории Н. Кареева. — "Русская мысль", 1883, № II, с. 146.

35) Н. И. Кареев. Теория исторического знания, с. 223–224.

36) Б. Г. Могильницкий. Политические и методологические идеи русской либеральной историографии середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. Томск, 1969, с. 174–175.

37) Г. Зиммель. Проблемы философии истории. Эвд по теории познания. М., 1898, с. 47.

38) См., например: Г. Риккерт. Наука о природе и наука о культуре. Спб., 1911, с. 49.

39) Г. Зиммель. Проблемы философии истории, с. 51–52.

40) Там же, с. 77–78, 86–87.

41) Г. Риккерт. Философия истории. Спб., 1908, с. 90.

42) Б. Г. Могильницкий. Политические и методологические идеи русской либеральной историографии..., с. 176.

43) Н. И. Кареев. Очерки теории исторического знания, с. 69.

44) Там же, с. 53–66; см. также его статью "Философия истории и теория прогресса" (1895), опубликованную в кн.: Н. И. Кареев. Историко-философские и социологические эвды.

45) Н. И. Кареев. Очерки теории исторического знания, с. 159.

46) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории, т. I, с. 133.

47) Там же, с. 155.

48) Н. И. Кареев. Сущность исторического процесса и роль личности

в истории, с.245-246.

49) Там же, с.239-240.

50) Там же, с.199.

51) Там же, с.240. Все это является тем теоретическим фундаментом, на котором основывается его "метод вживания", сформулированный Кареевым ранее В. Дильтея.

52) См. Г. Зиммель. Проблемы философии истории; Л. П. Карсавин. Введение в историю (Теория истории), 1920.

53) Н. И. Кареев. Задачи социологии и теории истории. - Собр. соч., т. I, Спб., 1911, с. 60 (статья написана в 1890 г.).

54) Н. И. Кареев. Основные вопросы философии истории, т. 2, с. 56. В более поздних работах Кареев уже не делает такого акцента на роль психологии в построении социологии, она отходит на второй план.

55) Там же, с. 9.

56) Там же, т. I, с. 224.

57) Н. И. Кареев. Теория исторического знания, с. 222-223.

58) Там же.

59) Н. И. Кареев. Историология. с. 45.

В.С.ГУРЬЕВ

ИКОБ БУРКХАРДТ О ПРЕДМЕТЕ ИСТОРИИ

Буркхардтовское понимание предмета истории исходит из идеалистических представлений этого ученого о всемирно-историческом процессе. Их основу образует категория духа, принципиальная непознаваемость которой настойчиво прокламировалась Буркхардтом¹⁾. Утверждая мысль о непознаваемости духа, швейцарский историк, однако, указывал на такую сферу, в которой дух дает наиболее яркие свои проявления и из которой он непосредственно с всего обращается к созерцателю, давая последнему, таким образом, шанс уловить какие-то свои существенные черты. Это сфера чистого проявления духа - культура. Она и является собственно предметом истории у Буркхардта.

Буркхардт видит дух исторически действующим в трех основных факторах (по его терминологии - потенциях): государстве, религии и культуре²⁾. Произвольность такого деления он сознает, но в этих факторах для него воплощены основные духовные силы, взаимодействие которых и дает историю³⁾.

Однако вычленение Буркхардтом трех факторов отнюдь не означает, что они равноценно действуют в истории и что все они в равной степени достойны внимания ученого. Это убедительно показывает буркхардтовское рассмотрение взаимодействия и взаимовлияния трех потенций - центральное эссе в "Рассуждениях о всеобщей истории". Во главу угла швейцарский историк ставит культуру; вне отношения к ней он не склонен рассматривать ни государство, ни религию.

Три фактора, по Буркхардту, "неоднородны и несогласованы" между собой. Примечательно, что государство и религия в концепции швейцарского историка "являются выражением политических и метафизических потребностей" и противостоят, как "стабильные", фактору культуры. Последний более подвижен и более зависит от индивидов. Государство и религия имеют универсальную тенденцию, они претендуют на значимость для мира в целом; культура же много сильнее связана с народом, местом и временем⁴⁾.

Смысл противопоставления Буркхардтом культуры двум "стабильным" потенциям становится ясен из его определения культуры. "Культура, - формулирует Буркхардт, - есть сумма таких путей развития духа, которые возникают спонтанно и не претендуют на универсальную или принудительную значимость"⁵⁾. Как наиболее существенную характеристику культуры ученый подчеркивает, что

она есть продукт свободы: "Она есть мир изменчивого, свободного, но необходимого универсального"⁶⁾. Именно этот акцент делает понятным предпочтение Буркхардтом культуры государству и религии.

Мы говорили уже о неприязненном отношении ученого к государству как к подавляющему свободу (=культуру) фактору⁷⁾. У Буркхардта, правда, есть мысль о благотворном влиянии государства как garante сохранения высокоразвитых культур и даже одобрение экспансионистской внешней политики, если она влечет за собой распространение высокой культуры на менее развитые народы⁸⁾. Высокая оценка деятельности Александра Македонского основывается именно на этом положении. Характерно, однако, что сам Буркхардт, видимо, чувствовал, что подобная идея, приложенная к его современности, явится в руках беззастенчивых политиков тем фиговым листком, который послужит ханжеским прикрытием самой циничной экспансионистской политики. И не только в качестве "цивилизаторской" роли белой расы по отношению к "цветным", оправданием которой послужили знаменитые строки Редьярда Киплинга "несите бремя белых". Как известно, германский фашизм также основывал идеологически свою внешнюю политику в Европе с позиций "цивилизаторской" миссии более высокой расы. Поэтому Буркхардт, во-первых, находит примеры такого благотворного влияния государства только в глубокой древности и, во-вторых, сопровождает и эти примеры оговорками. Так, он посвящает цивилизаторской роли Рима громкий панегирик, апофеозом которого является утверждение, что если "Восток и Запад связаны друг с другом", если "они образуют человечество", то этим "мир обязан Риму и его империи"⁹⁾. В деятельности Рима, писал он в другом месте, "мы познаем... ясно видимую для нас цель: создание общей мировой культуры, посредством чего сделалось возможным и распространение новой мировой религии"¹⁰⁾. ...Оба эти фактора "перешли на варварских германцев эпохи передвижения народов" и обеспечили "судачнее единение новой Европы"¹¹⁾. Но Буркхардт находит нужным присовокупить к своим восторженным словам замечание, что подчинение Риму Востока и Запада сопровождалось "неисчислимыми потоками крови". Вдобавок "из того, что из зла возникало хорошее, и несчастья — относительное счастье, вовсе еще не следует, что зло и несчастье не были изначально тем, чем они были. Каждое удавшееся насилие было злом и несчастьем и по меньшей мере опасным примером"¹²⁾.

Под углом зрения культуры Буркхардт выясняет соотношение понятий государства, общества, народа и нации. Сразу оговоримся,

что Буркхардт, сознательно избегавший строгих дефиниций, не изменяет своим принципам и в данном случае. Так, понятия "общество" и "народ", которыми он оперирует, практически совпадают в контексте его рассуждений. Другая же пара понятий - "народ" и "нация", к которым он часто обращается, нацело не совпадает, но в чем их различие - из рассуждений швейцарского историка понять трудно. Для нас гораздо более важным является противопоставление всех этих понятий понятию государства.

Государство, полагает Буркхардт, концентрирует в себе политические возможности народа. Но - и здесь швейцарский историк проводит резкую грань - государство отнюдь не является всеобщим выражением народа. Оно соответствует лишь его "задающей тон составной части, особой сфере, особому роду, особому социальному слою"¹³⁾. Государство должно быть ограничено в своих функциях и действиях. В противном случае оно вторгается на территорию, где должны действовать качественно иные силы - общество, народ. Их главной функцией является осуществление нравственности и культуры. "Главным условием всякой высокой законченной культуры является общественность"¹⁴⁾. Народ есть носитель культуры. Специфическая культура каждого народа проявляется в национальном; нация есть культурная общность народа.

Таким образом, в понятие национального Буркхардт вкладывает духовное, культурное содержание, но не политическое. Как национальное, например, Буркхардт выделяет у древних греков все то, что является, по его мнению, выражением "эгейского духа"¹⁵⁾. Ученый справедливо замечает, что национальные и государственные границы могут не совпадать; с одинаковым успехом государство может пережить национальное и национальное - государство. Для последнего вывода ему не нужно было обращаться за примерами в глубины истории: перед его глазами была растерзанная Польша, с одной стороны, и Австро-Венгерская монархия - с другой.

Относительно разумное уравнивание государства и общества встречается, по убеждению Буркхардта, чрезвычайно редко в истории. К тому же Афины или Флоренция, на которые он ссылается в качестве примеров такого уравнивания, предстают в этом качестве только благодаря очевидной их идеализации швейцарским историком. Причем и этот высокий расцвет культуры достигается не посредством всеобщего образования, "как в современных больших (и даже средних!) городах", где "много возможностей для образования", а последние "создаст только... посредственностей". Нет, для Буркхардта Флоренция - "это пробуждение высших сил посред-

ством необыкновенного. Это не "пробуждение талантов", но "зов гения гений"¹⁶⁾.

В современном же Буркхардту мире культура может ждать от государства только еще большей несвободы и тодавления. Прославление государства силы, с горечью пишет Буркхардт, привело к распространению в обществе мнения, "что сила есть первая, а культура в высшей степени второстепенная цель"¹⁷⁾. Сила же "счастлива сама по себе, а поэтому должна делать несчастными других"¹⁸⁾. Это обстоятельство и привело к тому парадоксальному положению, что Буркхардт, ояснив государство духовным феноменом, решительно уклоняется от сколько-нибудь детального рассмотрения его в своих работах. Он ограничивается самыми общими замечаниями, эскизом, который преследует одну цель: показать, как государство влияло в данном месте и в данное время на культуру данного народа!

Из буркхардтского определения потенциалов видно, что и религия отнесена им к сфере несвободы. Основанием для этого был все тот же культурно-исторический ракурс, вынесение суждений через призму влияния религии на культуру. Рассматривая религию в самом общем виде, ученый характеризует ее как "выражение вечных и нерушимых потребностей человеческой природы"¹⁹⁾. Потребности эти "бессознательны" и "метафизичны"²⁰⁾. Тем неожиданнее после такого идеалистического словесного антуража выглядит основной вывод Буркхардта: "Решающим (в любой религии, - В.Г.) является чувство зависимости от подавляющих элементов, болезнь, фокусирующаяся в чувстве субъективной силы и насилия"²¹⁾. Положительная роль религии в том, что "только она является удовлетворительным стражем того морального состояния, которое не дает обществу распадаться"²²⁾.

В устах склонного к морализаторству Буркхардта такая оценка звучит похвалой в высшей степени. К тому же она сопровождается признанием, что религия имеет большие "материнские права" на культуру²³⁾. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, Буркхардт осторожно пытается соединить происхождение искусства с религиозным культом, сопровождая, правда, свою попытку меланхолическим замечанием, что столь же вероятно существование искусства "до него и без него. Счастливым образом мы избавились здесь от спекуляций о началах"²⁴⁾. Во-вторых, "высшее и наиболее раннее служение искусств, которому они одичинились без унижения, является служение религии"²⁵⁾. И вновь следует оговорка: "Хотя она не всегда развивает искусства;

ибо метафизическая потребность, которую она представляет, может быть именно такой, что она частично (как в исламе) или полностью (как в пуританстве) лишена их или даже враждебно относится к ним²⁶⁾.

Однако "метафизические" похвалы Буркхардта длятся дотолы, пока он рассуждает о "метафизике" религии вообще или же касается ранней ее истории. В конкретной жизни, замечает ученый, религия (здесь он имеет в виду прежде всего христианство) быстро становится церковью и "вместо того, чтобы быть нравственной силой в жизни народов, она сама становится, по мере своей политизации, государством, то есть второй политической силой..."²⁷⁾.

Сообразно с этим религия стремится к поглощению культуры, к тому, чтобы как можно максимально господствовать над ней, поставить на службу своим интересам, которые находят уже не на небе и не в душе человеческой, но на грешной земле. Единственный в своем роде феномен, каковым является греческая культура, стал возможен только потому, что обходился без особого подчеркивания потустороннего мира, а мир греческих богов и героев был "идеальным отражением человеческого мира"²⁸⁾. Первостепенно важным в греческом мире выступал для Буркхардта то, что "то было обожествление культуры, однако не без окостенения последние"²⁹⁾. Но, как правило, религия стремится проникнуть во все сферы человеческого духа. Народы, попавшие в объятия "святого права", навечно погибают для свободы, культура их художнически уныло однообразна или даже мертва³⁰⁾.

Особое несчастье постигает культуру, когда государство и церковь выступают единым фронтом; "удвоенная сила" ведет к полному "упадку всего индивидуального"³¹⁾. Впрочем, полагает Буркхардт, церковь располагает меньшей реальной властью, нежели государство. Если в руках церкви - "святое право", то в руках государства сосредоточено нечто более материальное: полиция и армия. Манипулируя ими, государство при желании может присогнуть церковь на короткий поводок к колеснице своей политики, своих интересов.

Итак, требование свободного развития личности как первого условия расцвета культуры - вот причина противопоставления Буркхардтом двух "стабильных потенциалов" культуре. Последняя охватывает все области материальной и духовной жизни человечества³²⁾; искусства, литература, наука и философия представляют лишь ее последнюю и высшую стадию³³⁾.

Буркхардт отчетливо различает материальную и духовную

культуру. Материальная культура включает в себя все средства познания природы и господства над ней. Но вовсе не обязательно, чтобы материальное было эквивалентно духовному³⁴⁾. Во всем материальном культура присутствует лишь в известной мере, когда в сфере материального, вместо "чисто рабского приведения в действие материальных сил", присутствует духовный элемент³⁵⁾. Буркхардт оставляет материальную культуру вне пределов своего исследования, ибо главное для него — культура духовная. Именно в созданиях духовной культуры можно, по мнению Буркхардта, с наибольшими шансами на успех попытаться уловить проявление духа народа.

В соответствии с учениями о потенциях Буркхардт в своих конкретно-исторических сочинениях дает изображение государственной и политической жизни, религиозных и мифических представлений, искусства, философии, морали и нравов. Однако сфере свободы, то есть культуре, он, естественно, отдает явное предпочтение. Впрочем, и в сфере духовной культуры не все, по мнению базельского профессора, в равной степени должно привлекать внимание историка. И здесь существует своеобразная иерархия. Принципом, упорядочивающим ее, является стремление историка культуры выявлять то общее, что лежит в основе всех проявлений спонтанного и свободного духа народов.

Во главу иерархии Буркхардт ставит язык народа — "духовное чудо", ибо "язык является самым непосредственным, в высшей степени специфичным проявлением духа народов, его идеальным образом, самым прочным материалом, в который народы закладывают субстанцию своей духовной жизни, прежде всего в словах великих поэтов и мыслителей"³⁶⁾. Отсюда же и такое требование Буркхардта к историкам культуры, как непрременное знание языков.

Столь высокая оценка языка как субстрата духовной жизни народа, как необходимого компонента изучения его культуры не является откровением. "Магией" языка увлекались еще романтики. К тому же на годы жизни Буркхардта падает пора подлинного расцвета филологии. Тем не менее при столь высокой оценке данного языка для историка культуры в работах самого Буркхардта филологических характеристик и наблюдений мы не обнаруживаем. Возможно, он просто не желал претендовать на роль филолога или подменять историка культуры филологом.

Естественно, что второй в ряду, предложенном Буркхардтом, должна выступать одна из представительниц звучащего слова: поэзия или проза. Швейцарский историк отдает предпочтение поэзии, разумеется, за ее "идеальность", за то, что поэзия дает для

историка культуры "средство для познания сущности человечества вообще" и объяснение "временного и национального". "Поэзия для исторического созерцания, — заключает Буркхардт, — является образом... вечного в народах и при том оучительным с каждой отдельной стороны, а сверх того часто единственным сохранившимся или лучше всего охранявшимся образом"³⁷).

Далее идут архитектура, музыка, изобразительное искусство. Они примерно равноценны, хотя для архитектуры и ее "специальной параллели" музыки Буркхардт делает оговорку. Суть ее в том, что "на большинство искусств, даже на поэзию", могут наложить вредный отпечаток социальная борьба, чувственные желания, низменные страсти и т.п. Короче, искусство в таком случае утрачивает свой идеальный характер, перестает быть "чистым искусством". "Однако к счастью, — заявляет Буркхардт, — есть архитектура, в которой чище, чем где-либо, и независимо от всего прочего, выражается идеальная воля"³⁸). Буркхардт впадает здесь в ошибку, присущую ему и современной буржуазной мысли XIX столетия, рассматривающей развитие искусства как имманентный процесс, идущий по законам развития самого искусства вне его социальной детерминированности. В этом смысле рассуждения швейцарского ученого ничем не отличаются, скажем, от речений современных адептов безпредметного искусства, хотя последнее сам Буркхардт искусством не посчитал бы.

Что же касается науки, то она не является у Буркхардта специфическим выражением духа народа или эпохи по той причине, что запоздание с научным открытием у одного народа с успехом компенсируется другим народом или столетием. В то же время "искусство и поэзия именно лишь однажды достигают того, что никогда невозможно наверстать впоследствии"³⁹). С благоговейным трепетом Буркхардт пишет: "Из мира, времени и природы искусство и поэзия собирают общепринятые образы, которые являются единственной земной непреходящестью, вторым идеальным творением, избавленным наверное от одинокого забвения, земными и бессмертными, языком для всех наций. Поэтому они являются величайшими представителями соответствующей эпохи... Внешне их творения подвержены судьбам всего земного и преходящего, но продолжают жить достаточно, чтобы освободить, воодушевлять и объединять последующие столетия"⁴⁰).

Столь же мало место, как и науке, Буркхардт уделяет философским учениям. Он говорит о них лишь при условии, когда "их (философов. — В.Г.) слова не зависят от определенной системы, но ясно соответствуют какой-либо сгруппировке народного сознания"⁴¹).

В такой же последовательности Буркхардт располагает и т.о.р.ц.е. духовных ценностей. Только их, собственно, он и признает великими

личностями без всяких оговорок. "Проявлением этой могучей мистери (искусства. - В.Г.) является для нас личность великого художника, в которой все это осуществляется и движается к таким далеким выси и дали, как будто он есть выражение непереставшего народного духа, религии, всего наивысшего..."⁴²). Вполне логично было бы ожидать, что история культуры должна предстать у Буркхардта в портретах крупнейших творцов. Дело обстоит, однако, сложнее.

Заслуга Буркхардта-искусствоведа было внедрение и искусствоведческий анализ метода изучения искусства не по художникам и школам, а по задачам и стилям (жанровая живопись, алтарная, портрет и т.д.)⁴³). Предложенный им для искусствознания метод Буркхардт перенес и на историю культуры. "...Мы всматриваемся в тысячи индивидуальных душ и можем по столетиям датировать стили духа (выделено нами. - В.Г.), в то время как национальное, религиозное, локальное и прочее примешивают от себя бесчисленные духовные нюансы"⁴⁴). "Стили духа" в истории культуры не равнозначны, конечно же, стилям в искусстве. Но коль скоро и в истории культуры и в истории искусства Буркхардт предпочитает иметь дело прежде всего с произведениями искусства в качестве источника, окончательно формулирует предмет истории культуры следующим образом: "Нашей задачей... является: дать историю греческого образа мысли и воззрений и стремиться к познанию живых сил, создающих и разрушающих, которые действовали в греческой жизни"⁴⁶). Уточняя термин "история культуры", Буркхардт записывает в 1882 году: "Это название... во всяком случае узко, поскольку оно будит предположение, будто речь идет о прогрессе (соответственно упадке) духовного образования и материального использования земли, в том время как речь идет о познании всех наиболее значительных и действенных сил вообще, таким образом, о созданных ими более или менее постоянных состояниях"⁴⁷).

Поскольку "постоянные состояния" или "стили духа" в истории проявляются только через людей, постольку Буркхардт апеллирует к человеку, "каков он есть, всегда был и будет". Но как бы богато не было одарено отдельное конкретное лицо, для Буркхардта ясно, что адекватным духу оно быть не может. Поэтому попытка выделить "стили духа" предполагает не биографический метод, но конструкцию обобщенно-символического образа, типа. Отсюда и заявление Буркхардта, что "история культуры есть история без великих личностей..."⁴⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

1) О буркхардтовских воззрениях на всемирно-исторический процесс см.: В.С.Гурьев. Я.Буркхардт о всемирно-историческом процессе. - Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 10. Томск, 1974.

2) Понятие трех потенций заимствовано Буркхардтом у немецкого историка Эрнста Лазо (1805-1861), величины в научном отношении трехстепенной и удержавшейся в обзорных историографических работах благодаря ссылкам на него швейцарского историка. О Лазо см.: H.R.Sroik. Geist und Geschichte vom deutschen Humanismus bis zur Gegenwart. Bd. 4. München-Salzburg, 1950, S. 180-181.

3) J. Burckhardt. Weltgeschichtliche Betrachtungen. - J. Burckhardt. Gesammelte Werke, Bd. 4X. Berlin (1957), S. 20.

4) Ibidem.

5) Ibid., S. 41.

6) Ibid., S. 20.

7) См.: В.С.Гурьев. Я.Буркхардт о социальном кризисе XIX в. - Сб. Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск. 1973.

8) J. Burckhardt. Weltgeschichtliche Betrachtungen, S. 24, 26, 191.

9) J. Burckhardt. Historische Fragmente. Stuttgart, 1957, S. 14.

10) J. Burckhardt. Weltgeschichtliche Betrachtungen, S. 190.

11) Ibidem.

12) Ibidem. Столь высокая оценка деятельности Рима не означает, что в изображении Буркхардта римляне действовали как сознательные цивилизаторы, преисполненные гордости за свою высокую миссию во всемирной истории. Буркхардт делает глубокое замечание, что "нам очень трудно решать, как сильно в действительности господствовал в то время над ж и з н ь ю тот элемент культуры, который ныне окрашивает для нас целую эпоху".

Иными словами, глубокий смысл исторических событий может быть понят только в исторической перспективе; непосредственные результаты событий не тождественны с их главными результатами.

13) J. Burckhardt. Weltgeschichtliche Betrachtungen, S. 22.

Здесь налицо противоречие между логикой и заключением, которое Буркхардт не замечает, стремясь максимально отделить сферу свободы от сферы несвободы.

14) Ibid., S. 47.

15) J. Burckhardt. Griechische Kulturgeschichte, Bd. 1. Berlin-Stuttgart (o. J., S. 311; Bd. 11, S. 29; Bd. 111, S. 162.

16) J. Burckhardt. Weltgeschichtliche Betrachtungen, S. 47.

- 17) Ibid., S. 70.
- 18) Ibidem.
- 19) Ibid., S. 28.
- 20) Ibid., S. 30.
- 21) Ibidem.
- 22) Ibid., S. 77.
- 23) Ibid., S. 71.
- 24) Ibid., S. 44.
- 25) Ibid., S. 45.
- 26) Ibidem.
- 27) Ibid., S. 102.
- 28) Ibid., S. 74.
- 29) Ibid., S. 74-75.
- 30) Ibid., S. 78.
- 31) Ibidem.
- 32) Ibid., S. 20.
- 33) Ibid., S. 42.
- 34) J. Burckhardt. Griechische Kulturgeschichte, Bd. 11, S. 23-24.
- 35) J. Burckhardt. Weltgeschichtliche Betrachtungen, S. 43-44.
- 36) Ibid., S. 42.
- 37) Ibid., S. 51.
- 38) Ibid., S. 45.
- 39) J. Burckhardt. Griechische Kulturgeschichte, Bd. 11, S. 3.
- 40) J. Burckhardt. Weltgeschichtliche Betrachtungen, S. 45.
- 41) J. Burckhardt. Griechische Kulturgeschichte, Bd. II, S. 388.
- 42) J. Burckhardt. Weltgeschichtliche Betrachtungen, S. 59.
- 43) Предложенный Буркхардтом метод оказался очень плодотворен и сыграл значительную роль в искусствоведении. См.: История европейского искусствознания. Вторая половина XIX века. М., 1966, стр. 51-52
- 44) J. Burckhardt. Historische Fragmente, S. 194.
- 45) Мы цитируем Введение к "Истории греческой культуры", где наиболее обстоятельно формулируются предмет и задачи истории культуры в буркхардтовском понимании. Вместо слова "греческого" можно подставить "испанского", "немецкого" и т.п.
- 46) J. Burckhardt. Griechische Kulturgeschichte, Bd. I, S. 2.
- 47) J. Burckhardt. Historische Fragmente, S. 37.
- 48) J. Burckhardt. Griechische Kulturgeschichte, Bd. I, S. 4.

Г. К. ГУЛЬБИН
ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БОКЛЯ

В работах советских исследователей получил освещение ряд общих вопросов развития позитивистской историографии, отмечены, в частности, важнейшие идеи позитивистской методологии, оказавшие значительное влияние на развитие буржуазной исторической мысли¹⁾. Однако в советской исторической литературе остается недостаточно изученным творческое наследие основоположников европейской позитивистской историографии. Между тем подобное изучение позволило бы полнее осветить не только генезис, но и развитие позитивистской концепции исторического процесса, раскрыть ее теоретические основы.

Настоящая статья посвящена анализу важнейших положений исторической концепции основоположника английской позитивистской историографии Г. Т. Бокля (1821-1862), рассматривающих основные закономерности и ведущие факторы общественного развития и в связи с этим — задачи и функции истории как науки.

Для того, чтобы понять действительное место Бокля в развитии английской историографии XIX века, необходимо хотя бы в самых общих чертах остановиться на его выдающихся предшественниках, взгляды которых представляют вершину, достигнутую английской буржуазной мыслью к середине XIX века. Прежде всего здесь нужно назвать имя выдающегося представителя либерально-буржуазного направления английской историографии Т. Б. Маколея, слава которого в Великобритании равняется разве что славе Э. П. Гиббона²⁾.

Свой взгляд на задачи историков и исторической науки Маколей четко изложил уже в первых своих эссе, написанных в 1828 году. Не в пример Э. Гиббону он отрицает возможность создания научно обоснованной картины исторической жизни; порицая Э. Гиббона за несостоятельные, по его мнению, попытки подобного исследования, Маколей теоретически обосновывает свое пренебрежение к точному историческому объяснению, основанному на подлинных фактах³⁾.

Общественное развитие, по его мнению, обуславливается нравственным прогрессом, "бесшумным развитием нравственных истин"⁴⁾, для чего он должен побывать везде: "...во дворце и на бирже, в кофейне и у домашнего очага... услышать самые сокровенные мысли... и представителя двора, лагеря, сената... и показать народ"⁵⁾.

Уловить дух времени, раскрыть действие нравственных истин

история может, открываясь, "в разумной мере", на силу разума и воображения⁶⁾. История, таким образом, предстает как сочетание поэзии и философии, а историческое исследование превращается в увлекательный рассказ о событиях прошлого для извлечения из него уроков политической мудрости и важнейших нравственных истин. Требуя от историка всестороннего изображения жизни страны и декларируя необходимость полного объяснения явлений, не ограничиваясь только их реги. грацией⁷⁾, Маклей на самом деле сводит историю к описанию исключительно политических событий, в которых главной действующей силой выступают отдельные личности: выдающиеся государственные деятели, король и его окружение, военачальники. Его основной труд "История Англии от восшествия на престол Якова II" написан ярким и образным языком, но как историческое исследование представляет собой поверхностную, преимущественно описательную, основанную на слабом критическом изучении источников работу по политической истории Великобритании XVIII века.

Важнейшей задачей подобных исследований являлось использование истории в качестве средства политического воспитания народа в духе буржуазного мировоззрения, средства идеологического воздействия правящих классов на широкие народные массы. Маклей являлся одним из самых тонких для своего времени "фальсификаторов истории в интересах вигов и буржуазии"⁸⁾.

Трактовка исторических событий, сводящая ход общественного развития к деятельности отдельных личностей, характерна и для работ другого выдающегося английского ученого, писателя и публициста Т. Карлейля. Исторические взгляды Карлейля являются своеобразным отражением реакции мел. буржуазной идеологии на социальные изменения первой половины XIX века⁹⁾. Резко критикуя либерально-буржуазную теорию прогресса, выступая против ее безжизненных механистических положений, он определяет задачи истории с открыто идеалистических реакционно-романтических позиций.

В работах Карлейля последовательно проводится мысль о том, что историю делают люди, отдельные личности, уловившие дух и основное содержание эпохи. Без ее того, в жизни и деятельности таких людей, по его мнению, и находит проявление это существенное содержание времени. Крайне идеалистическое представление о главных движущих силах исторического процесса характерным образом определяет основные задачи и обязанности историка: на первый план выдвигается задача проследить жизненный путь героической личности, раскрыть ее духовный мир, идейную и эмоциональную жизнь. "История мира, - пишет Карлейль, - это биография великих

людей" 10).

Так же как и Маколей, в своих исторических сочинениях Карлейль обращался не столько к точному, научно обоснованному анализу событий, сколько к передаче "духа" времени, в которое первостепенное значение для историка приобретала интуиция.

Взгляды Т. Маколея и Т. Карлейля достаточно рельефно отражают уровень английской буржуазной исторической науки к середине XIX века. В английской буржуазной историографии этого периода господствующее положение занимали представления о том, что функции историка ограничиваются описанием царствлений, войн, деятельности отдельных героических личностей. В трудах большинства буржуазных историков не ставилась задача достижения научной точности исторического описания. История приближалась ими к искусству, а деятельность историка — к занятиям литератора. Официально история именовалась ветвью литературы и в основной своей массе являлась занятием государственных деятелей или литераторов¹¹⁾. Численность профессиональных историков к середине века была крайне незначительна, в то же время в университетах основное внимание уделялось изучению исторических эпох, далеких от современности¹²⁾.

В этих условиях исторические взгляды Бокля, несомненно, новым словом в английской буржуазной историографии. Идеями предшественниками Бокля и его творческими вдохновителями являются выдающиеся просветители XVIII века и основатель позитивистской социологии О. Конт. Анализируя процесс развития исторического знания, Бокль прослеживает первые попытки научного подхода к истории именно у корифеев французского Просвещения: Вольтера и, главным образом, Монтескье. Первый, по его мнению, заразил общество неуемным духом искания, критики и даже открытой борьбы против средневековых суеверий и засилия теологии в обществе, что благотворно отразилось на развитии исторической литературы.

Монтескье же оказал исторической науке неоценимую услугу тем, что первый призвал к изучению наиболее существенных факторов, влияющих на ход исторического развития и среди них — физических условий общественного развития. Важной заслугой автора "Духа законов", по мнению Бокля, является также требование привлечения естественных наук с тем, чтобы показать связь между их развитием и развитием общества¹³⁾.

Вера в неограниченную силу разума, резкая критика католической церкви и культивируемых ею суеверий, провозглашение роли науки в развитии общества — все эти черты, характерные для

просветительской философии, получают воплощение в трудах Бокля.

На творчество ученого значительное влияние оказали идеи О. Конта. Бокль впервые в европейской историографии обращается к систематическому изложению и интерпретации истории с позитивистских позиций. Однако он не останавливается на механическом перенесении догматов контовского социологического учения на историческую почву. Он облек в конкретно-исторические формы философские идеи Конта и в ряде случаев развил их, дав им более глубокую интерпретацию.

Высоко оценивая деятельность своих выдающихся предшественников, Бокль с позиций социального и научного опыта своего времени пытался в главном труде своей жизни - "Истории цивилизации в Англии" - своеобразно разрешить важнейшие проблемы исторического познания. "История цивилизации в Англии" структурно разделяется на две части. Первые пять глав представляют собой методологическое введение к основной части сочинения, в которой идеи, выдвинутые во введении, разворачиваются в пространные теоретические положения, доказательство или только простая иллюстрация которых ведется с привлечением обширного материала по истории ряда европейских стран: Англии, Франции, Испании и Шотландии¹⁴⁾.

В первой же главе он подвергает уничтожающей критике господствующее в европейской историографии того времени представление об истории, как арене деятельности иррациональных сил, выступает против откровенно идеалистических утверждений о том, что функции историка ограничиваются собиранием занимательных фактов из истории царствований, войн, дворцовых переворотов и биографий выдающихся личностей. Восторженно воспринимая достижения буржуазного строя, связывая с ними грандиозные успехи научных знаний и развития техники в конце XVIII - начале XIX века, он стремится дать осмысленную в рамках этих достижений научную картину европейской истории. Его заслугой является последовательное проведение взгляда на историю как на подлинно научную дисциплину.

Центральной мыслью, пронизывающей всю книгу Бокля, является идея о закономерном, поступательном характере развития общества¹⁵⁾, на которую строится положение о возможности создания истории, как подлинной науки, способной рационально, опираясь на знание основных закономерностей исторического развития, и в этой связи на действительные факты, дать действительно научное освещение исторического прошлого. Только проникнувшись этой мыслью, приняв это положение "как центральное во всех последующих по-

"строениях", исследователь, по мысли Бокля, может приступить к изучению истории¹⁶⁾.

В первых главах своего сочинения Бокль предпринимает попытку доказать существование всеобщих законов общественного развития, не зависящих от деятельности отдельных, пусть даже самых выдающихся личностей, нанося тем самым сокрушительный удар философско-историческим построениям Карлейля. Он показывает также несостоятельность телеологических представлений об историческом процессе. Бокль отвергает все эти учения как устаревшие в свете новейших достижений естествознания и совершенно неспособные дать удовлетворительное объяснение общественно-го развития.

Неудовлетворенный состоянием современной ему историографии с ее поверхностным описательством, ученый утверждает, что история только тогда станет действительной наукой, когда она возвысится над частными фактами с целью отыскать законы, которыми эти факты управляются. В деле открытия таких законов он ратует за тесную связь истории с естественными науками, за перенесение в историю метода этих последних: "только тогда она перестанет быть "жалко несостоятельной" и сможет открыть законы общественного развития; не только "научно объяснить прошлое, но и найти в событиях мира, вшего ключ к тайнам будущего". Именно в этом Бокль и видит главную задачу подлинной исторической науки¹⁷⁾.

В самой мысли о существовании "великих и непреложных законов" в истории историк-позитивист приходит под впечатлением грандиозных успехов естественных наук, в теоретическом арсенале которых прочно утвердилась идея о необходимом, закономерном развитии всех явлений природы, идея, расширяющая границы естественных исследований и открывающая новые познавательные возможности науки. Обращаясь к истории развития этой идеи, Бокль обнаруживает ее истоки в работах крупнейших философов и ученых-естествоиспытателей XVII века - Бэкона, Ньютона и Декарта. Распространение ее на все сферы изучения материального мира в XVIII веке подготовило грандиозный скачок естественных наук, "дело XIX века - распространить ее на историю умственного развития человечества"¹⁸⁾.

Освещение истории с естественнонаучных позиций ярко обнаруживает присущий Боклю идеализм позитивистского толка. Заявляя о необходимости сближения естественных и гуманитарных наук, требуя от метода исторической науки достижения естественнонаучной точности путем объединения результатов, доставляемых

всей совокупности наук, Бокль игнорирует специфику исторического знания¹⁹⁾.

В этой связи представляется небезынтересным рассмотреть основные требования Бокля к историческому материалу, соблюдение которых даст возможность, как он полагает, выявить действие реальной исторической закономерности, что позволит полнее охарактеризовать исторический метод Бокля и вскрыть основные недостатки его натурфилософского подхода к общественным явлениям. Подвергая критике теологический и метафизический подходы к изучению истории и требуя относиться к историческим явлениям как явлениям так же объективно существующим, как и явления природы, Бокль призывает подчинить всю схему исторического объяснения позитивистскому положению, гласящему, что "одинаковые причины в человеческих действиях постоянно ведут к одинаковым последствиям"²⁰⁾.

Согласно концепции Г.Т.Бокля для обнаружения действия исторической закономерности исследователю необходимо иметь перед собой полную картину человеческой деятельности. Это обеспечивается рассмотрением и изучением всей громадной массы источников по истории стран и народов. Из представшего, таким образом, перед его глазами общего количества фактов, руководствуясь принципом однородности "человеческой деятельности", подобно тому, как естествоиспытатель обобщает факты наблюдения за процессами природы, историк-позитивист путем простого индуктивного обобщения пытается выявить самые характерные, по его мнению, моменты общественного развития. Сознывая однако, что для восстановления полной картины исторического развития человечества не хватит и нескольких человеческих жизней, Бокль сужает предмет своего исследования до изучения истории цивилизации в стране, которая представляет, по его убеждению, наиболее чистый, так сказать, идеальный тип общественного развития.

Уменьшение "поля наблюдения" за действием основных факторов исторического развития по признанию самого Бокля влияет на этот процесс, создает помехи изучению. Однако этот недостаток при соблюдении известных правил, по мнению историка, можно устранить, не изменяя основных требований к методу познания. В этой связи Бокль обращает внимание на необходимость использования сравнительно-исторического изучения. Он утверждает, что основные трудности, препятствующие изучению законов истории, отпадают при сопоставлении хода исторического развития стран, каждая из которых представляет собой "особый тип умственного развития, друг другу резко противопоставленный". "Законы соединения элементов, -

пишет Бокль, — лучше всего могут быть изучены там, где соединение встречается в самом полном составе; закон же каждого отдельного элемента мы должны искать там, где этот элемент деятельнее. Избрав историю Англии, вследствие того, что в ней более, чем где-либо, сохранилась гармония различных начал, я счел полезным игнорировать каждое начало отдельно в той стране, где оно наиболее сильно и где, вследствие необычайного его развития, равновесие всего здания было нарушено²¹⁾. Собственно данное сочинение, задуманное Боклем более чем на 10 томов, было предпринято историком с целью проследить на конкретном историческом материале главных западноевропейских стран действие важнейших закономерностей общественного развития, сведя которые в одно целое, мы бы получили общую картину законов человеческого общества²²⁾. Таким образом, в целом в истории для Бокля нет ничего, кроме того, что можно было бы привлечь, определить, "исщупать" в самой реальной действительности; однако, утверждая мысль, что в делах человеческих нет ничего таинственного и предустановленного, что делало бы их недоступными для нашего исследования, что человеческие деяния отдаленного прошлого должны изучаться по тем же принципам и теми же методами, что и явления природы, историк-позитивист игнорирует специфический характер предмета исследования. Эти положения в конце XIX века были подвергнуты критике²³⁾.

К тому времени в буржуазной исторической науке было обнаружено, что гносеологическая структура факта в общественных науках намного сложнее, чем в естественных, было подвергнуто, в этой связи, редкой критике позитивистское утверждение о возможности черпать факты исторического прошлого непосредственно из исторического источника²⁴⁾.

Прямолинейность концепции исторического объяснения Г.Т.Бокля во многом объясняет то явление, что к концу XIX века основные исторические взгляды ученого оказались значительно устаревшими, выглядели анахронизмом в теории и практике исторической науки. Время разрушило надежды Бокля на превращение, в рамках позитивистской методологии, истории в подлинную науку, опирающуюся на достоверные факты²⁵⁾.

Характерным образом заблуждения Бокля прослеживаются в его попытках определить основные факторы исторического развития. Признавая опираться в конкретном историческом исследовании на опытное знание, пытался эмпирически "исщупать" в громадной массе источников ведущие, наиболее значимые факты, которые сами раскроют ход исторического развития определенного явления и которые, будучи

связанными по принципу однообразия, дадут знания исторической тенденции, Бокль одновременно сводит существенное содержание исторического процесса к духовному развитию общества.

С откровенно идеалистических позиций Бокль раскрывает сами законы "сокровенных усилий", определяющих судьбу и развитие народов. Выступая против учений о предопределении и свободе воли, он стремится доказать, что общественным развитием управляют неизменные законы, и что среди этих законов решающее значение имеют законы человеческого ума, интеллектуального развития общества. Призыв использовать успехи других наук, в первую очередь данные статистики и политэкономии, только подчеркивает идеализм концепции Бокля. "Вся совокупность человеческих дел, рассматриваемая с высшей точки зрения, — утверждает он, — управляется всей суммой человеческих знаний... и развитие их зависит... от количества знаний, которыми владеют люди, наиболее развитые; от направления, принятого этими знаниями, т.е. от того, какой разряд предметов они обнимают; в-третьих и, более всего, от той пропорции, в которой знания эти распространены и от свободы, с которой они проникают во все классы общества" ²⁶⁾.

Придавая умственной деятельности значение решающего фактора, Бокль вместе с тем выделяет два типа законов, управляющих историческим развитием: закон человеческого ума и закон физические. Более того, он уделяет исследованию отношений между общественным развитием и условиями материального развития очень большое внимание и даже специально посвящает этому вопросу отдельную и, пожалуй, наиболее удачную главу введения.

Рассматривая историю общества как продолжение развития природы, полагая, что существенным вступлением к пониманию ведущих закономерностей общественного развития является изучение его материальных основ ²⁷⁾, Бокль выделяет, наряду с умственным, еще ряд важнейших факторов общественного развития. Необходимым условием исторического развития и важнейшим фактором общественного прогресса он считает накопления богатства. На ранних ступенях развития этот процесс — единственный источник роста цивилизации, что обуславливает исключительное влияние на их развитие материальных условий жизни человеческих коллективов.

Рассмотрев развитие цивилизации народов, Бокль детально анализирует основные причины и последствия процесса накопления богатств. Он подчеркивает, что богатство — могучий источник власти, и что "огромное имущественное неравенство сопровождается соответствующим неравенством общественной и политической власти" ²⁸⁾.

Особенно ярко это неравенство прослеживается у неевропейских народов, у которых, по мнению Бокля, как и в доисторическую эпоху, решающее влияние на ход общественного развития оказывают исключительно материальные факторы, так называемые "физические законы", под которыми понимается лишь воздействие на человеческое общество климата, пищи, почвы и общего вида природы. Быстрота накопления богатств у таких народов обуславливается исключительно естественными особенностями страны²⁹⁾.

В странах же Европы, с точки зрения Бокля, ход исторических событий обусловил развитие у их народов творческой инициативы в борьбе с природой, мощного интеллектуального движения. Физические законы управляют здесь только в доисторическую эпоху, настоящая европейская история начинается с действием законов человеческого ума. В то время богатство нации превращается в общественный капитал, и экономическое развитие страны, оставаясь еще, по мнению историка, мощным рычагом общественного прогресса, уступает место, по силе воздействия на его развитие, другим факторам.

Полагая, что для достижения исторической наукой естественно-исторической точности и научной достоверности ее данных необходимо знание определяющей закономерности общественного развития, Бокль большую часть своего введения и целиком вторую часть "Истории цивилизации в Англии" посвящает исследованию умств. фактора общественного развития. Сознательно ограничивая свое исследование анализом законов человеческого ума, он не обращается более к анализу социально-экономических условий общественной жизни.

Однако идеи, высказанные Боклем на немногих страницах глав "Влияние законов природы на устройство общества и характер отдельных лиц", получили дальнейшее развитие в буржуазной исторической науке второй половины XIX века. Самое тесное рассмотрение проблемы истории экономического быта народов в ряду важнейших вопросов исторической науки, опираясь при этом на данные других наук, в первую очередь политической экономики, оказало, безусловно плодотворное влияние на последующее развитие как позитивистской историографии, так и на развитие буржуазной исторической мысли в целом.

Указывая на зависимость общественного развития народов, находящегося на низких ступенях развития, от материальных условий жизни, их хозяйственного быта, Бокль одним из первых буржуазных ученых отметил важность экономического фактора.

в истории³⁰⁾.

Однако, в целом, экономические процессы оставались для Бокля лишь необходимой, но не объясняющей характер общественного развития предпосылкой. Главным фактором общественного развития и важнейшим предметом изучения для историка является, по его мнению, интеллектуальный рост человечества. Именно действие законов человеческого ума определяют основное содержание современной ему истории, воздействие же физических законов намного слабее даже влияния нравственных истин³¹⁾. Фетишизация законов человеческого ума является естественным результатом главной идеи Бокля — идеи о решающей роли в истории умственной деятельности. Рассматривая с этих позиций историю Англии, Франции, Испании и Шотландии в средние века и новое время, Бокль сводит ее существенное содержание к борьбе двух начал — разума и веры, отождествляя их с прогрессом и реакцией. Борьбой этих начал он объясняет не только чисто интеллектуальное развитие, но пытается показать зависимость от нее и ряда важнейших общественных процессов, социальных и политических событий. Порождением этой борьбы является, в частности, феодальная система, возникновение и развитие которой историк непостижимым образом связывает с упадком влияния католицизма. "Связь между возникновением феодализма и упадком теологического духа очевидна", — утверждает он³²⁾.

Подчинив все свое исследование изучению законов человеческого ума, Бокль с железной последовательностью проводит положение о том, что история каждой страны определяется уровнем умственного развития, достигнутого в ней, успехами разума, просвещения, идеи религиозной терпимости. Сознательно ограничив область исторического исследования исключительно освещением истории умственного развития, он, как точно отметил Н.Г.Чернышевский³³⁾, раскрывает вместо истории цивилизации историю упадка религии. Действительно, пытаясь рационалистически решить проблему духовного развития, отвечая иррационалистическую и описательную форму Якобея, историк-позитивист обращается в деле изыскания важнейших закономерностей общественного развития в основном к истории церкви, политической истории и, наконец, к истории развития научных знаний, отвлекаясь от других аспектов истории общества. Единственным общественным антагонизмом при подобном изучении является борьба между верой и разумом, причем борьба, лишенная подчас всякой социальной окраски.

В этом отношении характерна трактовка английским историком французской революции, причины которой он ищет в умственном раз-

витии Франции в ХУП-ХУШ веках. Он подробно говорит о религиозных преследованиях при Людовике ХУ, о правительственном покровительстве умственной жизни и его вредных последствиях, о развитии после смерти Людовика во французском обществе реакции на это покровительство, о влиянии свободолобивых идей из Англии - и видит во всем этом коренные причины французской революции. "Нет никакого сомнения, - пишет он в главе, специально посвященной рассмотрению основных причин революции 1789-1794 гг., - что французская революция была в сущности реакцией против того духа покровительства и вмешательства, который достиг своего зенита при Людовике ХУ ... толчок, которому реакция была обязана... своей силой, сошедшей из Англии; и именно английская литература дала уроки политической свободы сначала Франции, а через Францию и остальной Европе³⁴⁾.

Следует заметить, однако, что обращение Бокля к изучению истории умственного развития имело дело для буржуазной исторической науки того времени и определенное позитивное значение. Благоприятное влияние на развитие исторической науки оказало требование исследовать историю умственного роста человечества с тем же вниманием, что и политическую историю.

Наряду с умственной деятельностью и в тесной связи с ней Бокль выдвигает другой фактор исторического развития - национальный характер. В его трактовке особенно отчетливо проявляется ограниченность исторических воззрений ученого. Он неоднократно прославляет национальный характер англичан, усматривая в таких его чертах, как благоразумие и осторожность, одну из важнейших причин "превосходства" англичан над другими народами, неуклонно прогрессивного характера развития английской цивилизации³⁵⁾.

Счастливым национальный характер англичан Бокль связывает с силой общественного мнения в стране, силой, "которая не зависит от жизни отдельных лиц, но управляется широкими общими причинами, которые по самой обширности своей едва заметны в короткие периоды... причины, слоившие самое благоприятное политическое развитие времен Георга III, препятствующее общему ходу прогрессивного движения вперед³⁶⁾.

Обращаясь к истории цивилизации в Испании, Бокль, напротив, подчеркивает пагубное воздействие национального характера для славы страны и объясняет это полным подавлением в Испании общественного мнения, засилием в ней теологического духа, слепой веры. В борьбе веры и разума, католической церкви и аристократии немаловажную роль в обеспечении преобладания церкви, захвате ея ио-

нополюной власти над всей духовной жизнью страны сыграл, по убеждению Бокля, суверенный характер испанского народа, сформировавшийся под вредным влиянием географических условий (зной, засуха, землетрясения)³⁷). Более того в порыве страстного обличения косности, идейного застоя в испанском обществе в средние века и новое время Бокль обвиняет весь испанский народ в угодничестве, в недостойном и постыдном раболепии, неспособности к самостоятельной творческой деятельности. Бездоказательно он приписывает всему испанскому народу ответственность за преследование еретиков и вообще действия испанской инквизиции и абсолютизма, утверждая, что они решали волю и желания народа, что у испанцев отсутствует идея свободы, идея религиозной терпимости и т.д. и т.п.³⁸).

В заключение необходимо подчеркнуть, что, провозгласив задачу создания новой, подлинно научной истории, ученый-позитивист не смог переступить идеалистические каноны своей философии и действительно научно определить основные факторы и ведущие закономерности исторического процесса.

Игнорируя ведущую роль общественного производства и рассматривая процессы умственного развития как определяющие в общем развитии цивилизации, Бокль лишил себя возможности подлинно научного познания явлений исторического прошлого. Вместе с тем его критика спекулятивных метафизических схем исторического процесса, требование превращения истории в точную науку, имеющую дело с достоверными фактами в сочетании с признанием объективного и закономерного характера развития общественного процесса, обращение внимания историков на значение материальных условий жизни в общем процессе общественного развития - все это объективно содействовало развитию буржуазной исторической мысли второй половины XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Наиболее полная оценка этого направления в марксистской литературе дается в статье Е.В. Гутновой "Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX века в развитии исторической науки". Средние века. вып.25, 1964, с.283-298. См. также: Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1974.
- 2) Grant A. Introduction to "English Historians". L., Bombay, 1908, p. XIVII.; Goose P.G. History and historians in the nineteenth century. L., 1913, p. 301.
- 3) Маколей Т. Полн. собр. соч. Спб., 1865, т. XIII, с. 364.
- 4) Там же, с. 374.
- 5) Маколей Т. Указ. соч., т. XIII, с. 371.
- 6) Маколей Т. Указ. соч., т. XIII, с. 371.
- 7) Macaulay T. Essay, critical and miscelleneous. Paris, 1843, p. 55.
- 8) Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 283.
- 9) Гутнова Е.В. Томас Карлейль как историк. "Вопросы истории", 1945, № 5, с. 174-175.
- 10) Т. Карлейль. Герои и героическое в истории, Спб., 1891, с. 19.
- 11) Виноградов К.В. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1959, с. 22. Невысокий уровень исторической науки в Англии этого времени отмечается Н.А. Ерофеевым в книге "Историография нового времени стран Европы и Америки". М., 1967, с. 129-130.
- 12) Как отмечают некоторые исследователи, подобный подход к историческому образованию в Англии привел к тому, что из исторических дисциплин в университетах почти исключительно культивировалось изучение античной истории - этого одного из столпов высшего образования. См.: Thompson J.W. History of historical writing. N.Y., 1942, pp. 281-289. См. также: Петров М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861, с. 121-125.
- 13) Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. Спб., 1906, т. 2, с. 326-340.
- 14) Бокль Г.Т. Указ. соч., т. 1, с. 122.
- 15) "Философский взгляд на эту тенденцию самым широким образом разъяснен... у Конта в его "Позитивной философии", - пишет Бокль, обнаруживая тем самым позитивистскую природу этих исход-

ных принципов" (Указ. соч., т.1, с.155).

16) Бокль Г.Т. Указ. соч., т.1, с.93-94, т.2, с.507-508.

17) Бокль Г.Т. Указ. соч., т.1, с.2-4, т.2, с.507-508.

18) Бокль Г.Т. Указ. соч., т.2, с.551-555, 626-628.

19) Как отмечает В.Ф.Асмус, отсутствие принципиального разграничения истории природы и истории общества было самым существенным недостатком всех крупнейших натурфилософских систем первой половины XIX века. См.: Асмус В.Ф. Маркс и буржуазный историзм. М.-Л., 1933, с.112-120.

20) Бокль Г.Т. Указ.соч., т.2, с.507.

21) Бокль Г.Т. Указ.соч., т.1, с.104.

22) Там же, т.1, с.93-104, т.2, с.507-508.

23) На неточность формулируемого в середине XIX века позитивистского положения о том, что совершенно одинаковые причины постоянно ведут к совершенно одинаковым последствиям, указывает историко-позитивист конца XIX века. См., например, работы известного русского историка и социолога М.М.Ковалевского. Критикуя английского позитивиста Э.Фрименга, объяснявшего сходство между одинаковыми политическими институтами разных времен у разных народов одинаковостью условий, их вызывающих, М.М.Ковалевский указывает: "Очевидно источник их (сходства, - Г.Г.) не в повторяемости одних и тех же событий на расстоянии веков и тысячелетий, т.к. таких повторений не знает история, а в прохождении разными народами одинаковых стадий общественного развития". - Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880, с.20.

24) Как отмечает И.С.Кон, кризис позитивистской методологии исторической науки конца XIX века во многом связан с критикой в буржуазной историографии этого времени "положительного факта" и позитивистской структуры объяснения. - Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. Л., 1959, с.54-55, 67.

25) Бокль все меньше читал к концу XIX века. Наибольшую популярность его труд имел в России, где с 1862 по 1913 гг. вышло около 30-и...! изданий "Истории цивилизации в Англии" (16 из них в популярной серии О.К.Нотовича). Но даже в России, как отмечает Н.А.Рубакин, Бокль в 90-е годы выбыл из числа любимых авторов русской читающей публики. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895, с.115-116. См. также: Соловьев Е.А. Г.Т.Бокль, его жизнь и научная деятельность. СПб., 1895, с.10. В Англии и Соединенных Штатах, где интерес к работам Бокля был менее продолжительным, чем в России, в начале XX века его почти не читали, -

Rhodes I. B. *Historical essays*. Boston, 1909, p. 38. Им.

Бокля не внесено в ряд крупнейших зарубежных энциклопедических словарей конца XIX - начала XX веков.

26) Там же, т.1, с.90.

27) Taylor H. *Miscellaneous and posthumous works of Henry Thomas Buckle*. L., 1872, v. I, pp. XII-XIII.

28) Бокль Г.Т. Указ. соч., т.1, с.54-58, 61.

29) Там же, т.1, с.31.

30) См., например, статью Марковой Л.А. "Г.Т.Бокль: наука в развитии цивилизации". В кн.: Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973, с.236. Некоторые современные буржуазные социологи сравнивают усилия Бокля, направленные на изучение экономической истории, с требованиями метода К.Маркса. Так, например, американский социолог П.Гардинер, оценивая значение работ Бокля, отмечает, что он, подобно К.Марксу, "помогает историкам оторвать глаза от политического фасада событий... и увидеть технические и экономические процессы человеческой жизни". См.:

Encyclopedia of Philosophy, N.Y. 1967, v. I, p. 415.

31) Бокль Г.Т. Указ. соч., т.1, с.90-91.

32) Бокль Г.Т. Указ. соч., т.1, с.251.

33) Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. XVII, М., 1953, с.571.

34) Бокль Г.Т. Указ. соч., т.1, с.297-298.

35) Бокль Г.Т. Указ. соч., т.2, с.202.

36) Там же, с.200-202.

37) Там же, т.2, с.2, 392-443.

38) Бокль Г.Т. Указ. соч., с.441-443.

Е. С. ЮРСАНОВА

КРИТИКА В. И. ГЕРЬЕ ПОЗИТИВИЗМА

Критика В. И. Герье позитивистской концепции истории как эпизод в развитии русской исторической науки второй половины XIX века представляет известный интерес в двух отношениях.

С одной стороны, она характеризует идейно-теоретические взгляды видного русского буржуазного историка В. И. Герье (1837-1919 гг.), школа которого олицетворяла официальную университетскую науку¹⁾.

С другой - она дает материал для осмысливания ряда методологических проблем, находящихся в центре внимания современной исторической науки, потому что в ней затронуты некоторые исходные теоретические вопросы исторического познания.

Таковы основания, повлиявшие на определение цели данной статьи. Автор пытался, во-первых, выяснить, какие идейно-теоретические принципы ридвигались Герье против позитивистской методологии истории и социологии и, во-вторых, оценить их с точки зрения современных марксистских взглядов на исторический процесс и историческое познание.

Позиции Герье по отношению к позитивизму наиболее четко изложены в двух его больших статьях - "Очерк развития исторической науки"²⁾ и "Огюст Конт и его значение в исторической науке"³⁾, которые и послужили нам главным, хотя и не единственным, источником при написании работы.

М. Н. Катков, публикуя осенью 1865 года статью В. И. Герье "Очерк развития исторической науки", преследовал определенные политические цели. Часть демократических деятелей того времени, с которыми "Русский вестник" вел непримиримую борьбу, сочувственно относилась ко многим идеям О. Конта и Г. Т. Бокля. Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов, П. Л. Лавров, В. Е. Зайцев открыто предпочитали "Историю цивилизации в Англии" трудам господствующего направления в отечественной историографии, тесно связанного с идеологией охранительства⁴⁾.

В такой идеальной атмосфере антипозитивистская направленность работы молодого ученого импонировала издателю "Русского вестника". На нее возлагались большие и вполне обоснованные надежды, поскольку произведение Герье, несомненно, выделяется среди многочисленных выступлений русской охранительной печати 60-х годов XIX века против Конта и Бокля⁵⁾. В большинстве своем они носили характер мелкобуржуазных выпадов против отдельных социологических

и конкретно-исторических выводов классиков позитивизма. Герье отвергал такой метод критики. Он понимал, что внешне эффективное разоблачение отдельных ошибок конкретного мыслителя не может сколько-нибудь серьезно поколебать позиции целого направления. Поэтому Герье чрезвычайно бегло говорит о частных исторических выводах Бокля. Даже критике четырех социологических законов Бокля отведено минимальное количество строк в статье.

Острые своей критики Герье направляет, главным образом, против ключевых гносеологических принципов Бокля, его "исторического метода"⁶⁾.

Герье усматривает концентрированное выражение этого метода в стремлении сблизить естественнонаучное и историческое познание. И то, и другое, с точки зрения английского историка, должно открывать законы путем обобщения и сравнения точно установленных фактов⁷⁾.

Герье справедливо определяет данный теоретический постулат Бокля как обобщенный вывод из позитивистских изысканий в области исторического познания. Убеждение в принципиальной адекватности законов естественнонаучного и исторического познания словно в фокусе собирало в себе зильные и слабые стороны позитивистской методологии. Конт и его сторонники пытались вывести историю из области умозрительных и теологических инструкций к научному детерминизму. Но в то же время отвергалось всякое различие между естественнонаучным и общественно-историческим познанием. Отрицание специфики общественно-исторического познания, дополнялось метафизическим пониманием соотношения истории и социологии, вело к пагубным последствиям. История приобретала чисто эмпирический характер и превращалась в позитивистских концепциях лишь в одну из вспомогательных наук социологии. Социология же, отрываясь от исторического познания, утрачивала свое историческую природу.

Учитывая противоречивую роль позитивистской методологии историч., важно выяснить, по каким причинам "исторический метод Бокля" (читай - позитивизма) не удовлетворял его русского критика.

Отожествление истории с естественными науками отвергается Герье прежде всего как теоретически несостоятельное. Он указывает на принципиальные различия в природе предметов истории и естествознания. Естествоиспытатель изучает явления и процессы, реально существующие в данный момент. Он имеет возможность наблюдать их и производить необходимые эксперименты. Он, по словам Герье, "... может всегда повторить и проверить опыт,

сделанный его предшественниками. "Историк лишен таких преимуществ. Его предмет изучения не обладает качеством данности. Прошлое уже прошло и реконструируется историком по сохранившимся отрывочным сведениям о нем. Историк наблюдает "... так сказать, не события, а только отражения их". "Он, — продолжает Герье, — узнает о них только то, что ему сообщено очевидцами или позднейшими историками"⁸⁾.

Качественное отличие человеческого общества от природы также игнорируется позитивистами, полагает Герье. "Существенное различие между явлениями физической природы и действиями человека, — указывает он, — заключается в том, что последние сопровождаются сознательностью и что в основании их лежит понятие цели"⁹⁾. Разнообразие индивидуальных интересов и целей в обществе, их динамичность обуславливают индивидуальный характер исторических событий, качественное своеобразие каждого отдельного исторического явления. Историк имеет дело с "... событиями, — утверждает Герье, — которые однажды случились и больше не повторяются"¹⁰⁾.

Критика Герье отрицания специфики предмета истории является сильной стороной его работы. В ней содержатся указания на действительные недостатки исторического метода позитивизма. Отдаленность во времени предмета исторического познания, фрагментарность сведений о нем ставят под сомнение возможность оперировать "точными фактами", на которые уповала позитивистская историография. Также верно и то, что специфика человеческого общества как высшей формы движения материи, сознательность поступков людей делают весьма проблематичным вычисление их действий по математическим формулам и прогнозирование их с той же точностью, с которой прогнозировалось поведение объектов в современной Конту физике. Наконец, индивидуальный характер каждого из исторических событий, обусловленный участием в них конкретных личностей, объективно требует от историка момента описательности, в котором позитивисты видели лишь свидетельство отсталости исторической науки.

Мысли Герье о специфике исторического познания, в известном смысле слова, не потеряли актуальности до наших дней. И сегодня мы еще наблюдаем попытки зарубежных, а также некоторых советских философов и историков объяснить отставание исторической науки недостаточным применением понятийного и методологического аппарата естественных наук. Из подобных утверждений неизбежно вытекает стремление к полной формализации исторического знания, преве-

личение значимости количественных методов для исторического исследования, недооценка качественного анализа исторических фактов, непонимание действительного значения момента описательности в исторических работах. Как уже отмечалось в советской историографической литературе¹¹⁾, подобные попытки сблизить историческую науку с естествознанием в значительной мере объясняются непониманием специфики исторического познания, в том числе: тех его особенностей, на которые указывал в свое время Герье.

Наряду с вопросом о предмете исторической науки исходной точкой критики Герье позитивизма стала проблема субъектно-объектных отношений в историческом познании. Решая эту проблему, теоретики позитивизма показали свое непонимание важнейшей специфической черты исторической науки — ее тесной связи с современностью. Игнорируя активность субъекта в историческом познании, они требовали от историков беспристрастного, "беспартийного" анализа и синтеза "точных фактов"¹²⁾.

Герье находил рекомендации подобного рода ошибочными. Они, по его мнению, предполагают отождествление "исторического факта" с тем, что сообщается о нем в историческом источнике. Иллюзорность такого тождества и вытекающего из него понятия "точный исторический факт" была, как отмечалось выше, вне сомнений для Герье. Он полагал, что фрагментарность и субъективность исторических источников всегда останутся серьезным препятствием для тех, кто собирается получить "точные знания" о прошлом. Правда, вслед за этим он отмечает, что такие препятствия могут быть устранены в будущем, с расширением источниковедческой базы и совершенствованием методических приемов критики источников¹³⁾.

По мнению Герье, историк сталкивается с главной трудностью, когда он, окончив "аналитическую" работу, приступает к "синтезу", пытается "... собрать разбросанный материал, слить разнообразные впечатления и создать из них целое". Здесь, по его убеждению, субъективность уже не может быть устранена и "... с этой своей стороны история никогда не может сделаться точной наукой"¹⁴⁾. К тому же, продолжает Герье свою мысль в статье о Тэнге, историк "... не может отрешиться от всего человеческого и забыть о своих принципах и идеалах...", поскольку он "... имеет дело с мыслившими и чувствовавшими субъектами"¹⁵⁾.

Свой вывод Герье нередко подкрепляет ссылками на историографическую практику позитивистов. Как бы лозунг беспартийности

и беспристрастности не декларировался ими, для Герье очевидно, что они руководствовались в историческом анализе в значительной степени своими политическими и социальными убеждениями.

Так, приверженность Конта к иерархической организации, воплощенной в католической церкви, толкала его к утверждению, что католицизм поощрял утратившие движения в средние века, совершенно не вмешивался в дела светской власти. "Этих данных достаточно, — пишет Герье, — чтобы показать, как бесцеремонно обращается Конт с историческим материалом для прославления католицизма" ¹⁶⁾.

В другом случае, приводит пример Герье, любовь к централизации и диктатуре побудили Конта к прославлению деятельности якобинцев, в которых он видел провозвестников "позитивного порядка" во Франции ¹⁷⁾.

И.Тэн давал якобинской диктатуре, напротив, нелестную оценку, но и здесь не в меньшей степени сказались личные симпатии историка, считает Герье ¹⁸⁾. В итоге делается вывод, что история "... всегда будет допускать субъективное творчество... Здесь остается только довести субъективность до полного и всеполюсного развития" ¹⁹⁾.

Последний тезис иногда рассматривается как доказательство субъективистской направленности методологических воззрений Герье ²⁰⁾. Однако представляется, что вышеприведенная мысль не дает оснований для подобной интерпретации.

Известно, что марксистская гносеология решительно отмежевывается от всякого субъективизма. Вместе с тем она не только не отрицает присутствие субъективного момента в познании, а напротив, предполагает активность субъекта, так как постижение объективных характеристик предмета требует максимальных субъективных усилий и стремлений. О субъективизме методологии Герье можно было бы говорить лишь в том случае, если бы им отрицалась сама возможность получения независимых от историка выводов и оценок. Герье же допускает возможность такого рода исторического знания, но и видит в его получении цель всякого подлинно научного исследования. "История, — писал он, — не есть, как определяют ее некоторые, взгляд настоящего на прошлое. Целью историка должно быть изучение объективной истины" ²¹⁾.

Противоречие между принципиальным неприятием агностицизма столь же категоричным утверждением о субъективности любого исторического синтеза разрешается Герье с позиций объективного идеализма. Объективная истина, с его точки зрения, рождается

при осмыслении прошлого в свете высоких нравственно-политических идеалов, ищущих якобы вневременную абсолютную природу. Ценность исторического произведения, утверждает Герье, непосредственно зависит от того, насколько историку удалось овладеть этими трансцендентными духовными сущностями. "Историк, - писал он, - ... не может ограничиться работой над историческим материалом, он должен к этому присоединить работу над самим собой, тщательное воспитание самого себя... Только многосторонняя и чуткая ко всем благородным потребностям человеческого существа натура способна понять историю"²²).

Утверждение Герье о нравственной природе исторической истины является отнюдь не второстепенным моментом его методологии. Из этого тезиса следовало, что наставление читателей в области морали и политики является главной, если не единственной функцией исторической науки. Этот реакционный в своей основе вывод, устраняющий из поля зрения историков законы общественного развития, обладает истинным смыслом внешне беспристрастных замечаний о специфике исторического процесса и исторического познания. Все они в конечном итоге послужили Герье фундаментом для того, чтобы доказать тщетность попыток реформировать историческое знание, которые предпринимались русской демократической историографией 60-х годов XIX века. Неприкрито враждебное отношение к научному детерминизму Герье высказывал неоднократно. Даже сочувственное отношение Конта к глобинскому террору не вызывает у Герье такого яростного неприятия, как идея французского философа о том, что историк должен видеть свою научную задачу в нахождении и исследовании объективных исторических причинно-следственных связей.

Историческая закономерность ассимируется в его глазах с "глубоко безнравственным" отрицанием "возвышенного учения о свободе воли". "Никакие варвары, - восклицал Герье, - ... не сделали столько зла человечеству, сколько могла повредить цивилизации ложная теория - что люди и народы в своих действиях... подчинены естественным законам"²³).

Герье даже предсказывает гибель обществу, которое воспримет детерминистский принцип. Признание исторической закономерности, по его мнению, равносильно признанию того, "... что в истории государства господствует фатализм, что человеческим обществом управляют темные и неизбежные власти"²⁴). Это, в свою очередь, обрекает людей на бездеятельность и гибель.

Оценивая критику Герье идеи исторической закономерности, отметим ее уязвимость. Разумеется, и воспитательная, и ак-

социологическая функции присущи истории. Однако если задачи исторического познания свести только к ним, то история теряет право называться наукой. Вопреки заявлениям самого Герье²⁵⁾ она в его конце ции утрачивает принципиальное отличие от искусства. Герье предлагал различать историческое и эстетическое сознание по степени достоверности отражения ими исторических фактов. Но такой критерий не может быть признан удовлетворительным, поскольку приняв его, мы должны были бы отнести к научным произведениям полотна живописи, изображающие реальные исторические события. Абсолютизация специфики исторического познания приводила здесь Герье к выхолащиванию научного смысла истории.

При всех своих недостатках, вырвавшихся, в частности, в отождествлении исторической закономерности с социологической, а последней с естественнонаучной, позитивистская методология решала вопрос о функциях истории более глубоко, чем Герье. Она ориентировала общественные науки на исследование естественно-исторических законов, справедливо усматривая в этом их назначение²⁶⁾.

Отрицая действие в историческом процессе объективных постоянно повторяющихся закономерностей, Герье негативно относился к попыткам теоретического осмысления прошлого в философско-исторических системах. Все философы, по его убеждению, всего лишь "... представляли на выбор различные априористические идеи, по которым можно было конструировать исторические факты"²⁷⁾. "Непосредственное влияние философии на историю было вредным", - таково мнение Герье относительно социологии²⁸⁾.

Известно, что как бы пренебрежительно не относился историк к социологическим абстракциям, он не перестает быть от них зависимым. При анализе любого исторического явления он сознательно или бессознательно применяет общий метод, содержанием которого выступает знание об общих закономерностях исторического процесса. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в отношении Герье. Категорически отвергая роль социологии на словах, он на практике использует в качестве общего метода ряд философско-исторических идей, заимствованных у Гегеля.

Объективный "всемирный разум", "раскрывающий себя в мире", воплощающийся в народный дух, государство, исторические идеи нравственного, политического, эстетического и религиозного содержания, прогресс, совершающийся посредством воздействия идеи

государства²⁹⁾ — такова схема исторического процесса, которую Герье противопоставлял позитивистским социологическим доктринам³⁰⁾.

С учетом этих положений становится понятным, почему Герье настаивал исключительно на ценностном подходе к историческим фактам. Его теоретическая концепция, выступая в качестве исторического метода, ограничивает круг интересов историка "историческими идеями" и государствам. Видвижение исторических идей и деятельность законодателей детерминируются лишь субстанциями, о которых нельзя сказать ничего конкретно ("всемирный разум", народный дух и т.д.). В таких условиях историку действительно остается лишь описывать воздействие исторических идей и поступков великих личностей на ход истории, оценивать их с точки зрения моральных идеалов, а не искать реальные причины и связи.

Принимая во внимание представления Герье о смысле истории как процессе, понятно, почему наиболее слабые моменты исторических теорий Бокля и Конта не только не осуждались Герье, но напротив, ставились им в заслугу.

Так, Герье одобрял то "... великое значение, которое Конт придает идеальным факторам — идеям и мировоззрениям", и "эволюционный принцип французского мыслителя"³¹⁾.

Все действительно прогрессивное, что содержалось в эклектических системах Конта и Бокля, русским историком отвергалось. Он критикует Бокля за "... очень грубое и неясное понятие религии..." и за провозглашение им "... цивилизации, враждебной всякой религии"³²⁾. Зашите религиозного мировоззрения отводится значительное место в статье Герье о Конте. Показательными являются приемы, с помощью которых Герье отстаивал фидеизм в области исторического познания. Он был согласен уступить позитивизму и материализму естественные науки, поскольку в них, по его мнению, "теологические метафизические элементы" действительно не способствуют правильному объяснению явления. Но те же элементы в мировоззрении общества "представляют собой, — пишет Герье, — реальную сторону бытия и соответствуют непреклонным стремлениям человеческого сердца"³³⁾.

Следует подчеркнуть, что Герье, производя обстоятельный критический анализ взглядов Конта, целил не только против него. Столетний юбилей Конта, в связи с которым написана его статья, послужил ему поводом для выступления против всех историков, придерживавшихся идеи о возможности рационального объяснения

исторического процесса и, прежде всего, против марксистской историографии. Он прямо критикует материалистические элементы в социологии Конта. Мысль Конта об определяющей роли индустрии в эпоху промышленного развития относится Герье к числу наиболее печальных социологизаций, которой якобы воспользовались марксисты. "Не без повода, — писал Герье, — указывали на то, что Конт дал толчок материалистическому построению истории"³⁴). Разумеется, в данном случае Герье фальсифицирует историю исторического материализма, который не был обязан Конту своим возникновением. Верно другое. На совершенно другой чем позитивизм, основе марксизм продолжает рационалистическую и материалистическую традицию в объяснении исторического процесса. Поэтому усиление влияния марксизма в идейной атмосфере России конца XIX — начала XX вв. имело следствием охлаждение буржуазной историографии к позитивизму.

Итак, выступая против позитивистских историко-теоретических концепций, Герье последовательно проводил свои собственные мировоззренческие принципы. Социологию Конта и Бокля Герье критиковал с позиций объективного идеализма. Позитивистское сближение естественнонаучного и исторического познания Герье отвергал, доказывая их абсолютное различие. Верно указав на роль субъективного момента в реальной истории и историческом познании, Герье абсолютизировал специфику исторического познания, отводя ему, по существу, функцию искусства.

И в исторических изысканиях позитивизма, и во взглядах Герье на специфику исторического познания, безусловно, были объективно истинные моменты. Но если строго придерживаться указанных воззрений историк будет обречен либо на скрупулезные эмпирические исследования, с одной стороны, либо на нравоучительные сентенции — с другой. Тот факт, что ни сторонники позитивизма, ни сам Герье не держались за букву своих теорий в историографической практике, только подчеркивает несостоятельность обеих методологических посылок.

Это отнюдь не обозначает, что роль двух концепций в отечественной историографии была одинаковой. Теория Герье представляла собой пройденный этап в развитии исторической мысли второй половины XIX века. Поэтому критику Герье позитивизма, под знамена которого собирались сторонники превращения истории из сборника нравоучений в действенную науку, следует оценить как реакционное явление в русской буржуазной историографии того времени.

Наконец, необходимо сказать, что позиция Герье не стоит в стороне от идейно-политической борьбы в России второй половины XIX века. Если пропозитивистские историки в своем большинстве были идейно связаны с либеральной буржуазией³⁵⁾, то Герье на протяжении всего своего творчества защищал интересы наиболее консервативных кругов этого класса. Видимо, здесь следует искать причину стабильности его идейно-теоретических взглядов. Буржуазно-либеральной историографии в условиях обострения борьбы с марксизмом пришлось переоценивать свое отношение к позитивизму и взять на вооружение некоторые из тех методологических принципов, которые последовательно развивались в работах Герье уже с 60-х годов XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Об общих чертах мировоззрения В.И.Герье см.: Вебер Б.Г. Историкографические проблемы; М., 1974, с.213-259; Гутнова Е.В. Историкография средних веков. М., 1974, с.261-263.

2) См.: "Русский вестник", 1865, № 10-11. В этом же году статья вышла от эльним изданием.

3) См.: "Вопросы философии и психологии", 1898, № 42, 43, 44, 45.

4) Об отношении русских демократов к позитивизму см.: Шкуринов П.С. Критика позитивизма В.И.Танеевым. М., 1965, с.24-35; Могильницкий Б.Г. У истоков социально-экономического направления. - Сб.Методологические и историкографические вопросы исторической науки, вып.3. Томск, 1965, с.210-220; Зонов В.Т. О некоторых тенденциях развития русской исторической мысли. Там же, вып.10, 1974.

5) В 60-е гг. XIX века с критикой позитивизма выступали Н.Страхов, Н.Соловьев и др. публицисты журналов "Эпоха", "Библиотека для чтения" и "Отечественные записки".

6) "Мы, - пишет Герье в заключении краткого анализа социологических выводов Бокля, - коснулись только слегка четырех основных положений Бокля, потому что нас здесь интересует не столько самые положения, сколько исторический метод Бокля". (Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1865, с.III) .

7) См.: Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. Спб., 1895, с.2.

8) Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1865, с.100.

9) Там же, с.107.

10) Там же, с.100.

11) См.: Данилов А.И. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков. - Сб. Методологические историкографические вопросы исторической науки, вып. 6, Томск, 1969, с.227-245; Могильницкий Б.Г. О соотношении исторического и естественно-научного познания. "Средние века", вып.38, 1975.

12) См.: Кон И.С. Философский идеализм и кризис исторической науки. М., 1959, с.43-48.

13) См.: Герье В.И. Очерк... с.II3.

14) Там же.

15) Герье В.И. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке. - "Вестник Европы", 1890, № 2, с.477.

16) Герье В.И. Огюст Конт и его значение в исторической науке. - "Вопросы философии и психологии", 1898, № 44, с.589.

17) Там же, с.601

- 18) Герье В.И. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке. - "Вестник Европы", 1890, № 2, с.461.
- 19) Герье В.И. Очерк..., с.114.
- 20) См.: Очерки истории исторической науки в СССР, т.3. М., 1963, с.438.
- 21) Герье В.И. Очерк..., с.112.
- 22) Там же, с.114.
- 23) Там же, с.108.
- 24) Там же, с.103.
- 25) См.: там же, с.83, с.112, 114.
- 26) См.: Гутнова Е.В. Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки. - "Средние века", вып.25, 1964, с.292-297.
- 27) Герье В.И. Очерк..., с.86.
- 28) Там же, с.72. Этот вывод венчает его анализ философско-исторических систем от Августина до Конта и Бокля. В 1898 году Герье с иронией писал, что социология Конта относится к истории "как правильно отесанный столб к развесистому дереву с многочисленными широкими сучьями". (Герье В.И. Огюст Конт и его значение в исторической науке. - "Вопросы философии и психологии", 1898, № 44, с.568).
- 29) См.: Герье В.И. Лейбниц и его век. Спб., 1968, с.51. Он же. Очерк развития исторической науки, с.104-105; Он же. С.М.Соловьев. - "Исторический вестник", 1880, № 1, с.79; Он же. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке. - "Вестник Европы", 1890, № 1, с.478.
- 30) В отличие от Гегеля и других философов Герье считал эту схему логически недоказуемой, сближая тем самым философию истории с религиозным мировоззрением. И религия, и "истинная философия истории", по мнению Герье, должны опясывать смысл истории на уровне представлений, а не на уровне понятий. Герье оценивал философию истории Гегеля довольно критически. Он обвинял ее в системосозидательности, желании подделаться под науку и априоризме. Подмена гегелевской диалектики постепенно совершающимся генезисом исторических идей шла в работах Герье под флагом критики системосозидательности Гегеля. Наиболее же слабые стороны исторической системы немецкого философа, а именно: трансцендентальный план истории, учение о государстве объявлялось Герье абсолютными истинами нравственного порядка. (см.: Герье В.И. Философия истории Гегеля. - "Вопросы философии и психологии", 1910, № 101, 103, 104).

- 31) Герье В.И. Отвст Конт и его значение в исторической науке. - "Вопросы философии и психологии", 1898, № 5, с.353.
- 32) Герье В.И. Очерк..., с.110.
- 33) Герье В.И. Отвст Конт и его значение в исторической науке. - "Вопросы философии и психологии", 1898, № 43, с.416..
- 34) Там же, № 44, с.622.
- 35) См.: Могильняцкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. - начала 900-х годов. Томск, 1969, с.29-33.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРЕОЦЕНКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОГО "НЕОИЗОЛЯЦИ- ОНИЗМА" И "НЕОРЕВИЗИОНИЗМА".

B.M.Russet. NO CLEAR AND PRESENT DANGER. (A Sceptical view
of the U.S. entry into the war the second). New -York.

1972. 113 p. Б.М.Рассет. Неясность в прошлом - опасность
в настоящем (скептический взгляд на вступление США во вторую
мировую войну) Нью-Йорк, 1972.

Книга Б.М.Рассета является одной из многих, в которых амери-
канские буржуазные авторы пытаются ответить на вопрос: "В чем
причины провала послевоенного внешнеполитического курса США,
особенно в Азии? Где была совершена ошибка?" Автор, профессор
Йельского университета подвергает резкой критике многие посту-
латы американской внешней политики в прошлом и настоящем.

На важный вопрос, который Рассет ставит в книге, "была ли
неизбежна война США во Вьетнаме или это неправильный курс?",
он пытается ответить, обращаясь к выяснению причин, которые приве-
ли к участию США во второй мировой войне, и делает вывод, что
именно в те годы были заложены основы современной американской
внешней политики. К освещению этой проблемы автор подходит со
своей интерпретацией, отличной как от взглядов американских
буржуазных историков официального направления, так и от точки
зрения современных авторов "либерально-критического" и "радикаль-
но-критического" направлений. По сути дела, Рассет модифицирует
взгляды американских изоляционистов 30-х годов XX века, высту-
павших против активной внешней политики Соединенных Штатов в
Европе, против борьбы с фашистской агрессией и вступления США
во вторую мировую войну на стороне антигитлеровской коалиции.

Рассет считает, что самой серьезной ошибкой правительства
США накануне второй мировой войны был отказ от предложений

"изоляционистов" пойти на уступки Японии и Германии и тем самым обеспечить Соединенным Штатам нейтралитет в надвигающейся мировой войне. Однако правительство президента Рузвельта провело активную "интервенционистскую" внешнюю политику, которая, по словам автора, повлекла за собой вступление в "ненужную" для Соединенных Штатов Америки войну.

Рассет, сновываясь на концепции "баланса сил", считает, что в ходе войны правительству США следовало придерживаться этой концепции, предоставляя ограниченную помощь Советскому Союзу и Англии, но не допускать полного разгрома Германии и Японии, что нарушало равновесие сил во всем мире (с.40). Опасения Рузвельта, что Америка останется после войны один на один с империями-победительницами в Европе и Азии, по его мнению, были сильно преувеличены. Он утверждал, что победа Германии и Японии в войне не представляла бы серьезной опасности для Соединенных Штатов. В этом случае можно было бы, "учитывая невозможность длительного союза между Германией и Японией, извлечь из этого преимущества для США, либо договориться" (с.63). Выступая с позиций антисоветизма и антикоммунизма, Рассет пишет, что "нацизм менее опасен как идеология, чем коммунизм" (с.42).

Подобно большинству американских буржуазных авторов Рассет преувеличивает роль США во второй мировой войне и считает, что американцы не получили "справедливой платы" за вклад в победу.

Автор ведёт полемику с американскими "историками-радикалами", он пытается доказать, что не социально-экономические факторы играют главную роль в политике, а настроения, эмоции, отношения людей, т.е. преувеличивает роль субъективного фактора. Так, например, развязывание второй мировой войны он объясняет "иррациональным актом неустойчивого лидера" - Гитлера (с.55) и в возникновении войны на Тихом океане, по утверждению Рассета, большую роль сыграла "длительная привязанность Рузвельта к Китаю" и его враждебность к Японии (с.53).

Много места в книге отведено политике США в Восточной Азии. Если в отношении Германии Рассет готов признать обоснованность участия США в "ограниченной войне" на стороне антифашистской коалиции, то война с Японией, с его точки зрения, была "большой ошибкой", которая повлекла за собой ещё "большую ошибку", а

именно ослабление и демилитаризацию Японии после войны (с.63). Он пишет, что Соединенным Штатам в этом районе необходимо было проводить "реальную политику" и сохранить сильную в военном отношении Японию в качестве противовеса Советскому Союзу и национально-освободительному движению в Азии. Вину за возникновение войны на Тихом океане он возлагает на Соединенные Штаты и прежде всего на Рузвельта и государственного секретаря Хелла, которые, по его мнению, проводили "недальновидную политику". Вслед за Тэнзиллом, Сэнборном и другими "ревизионистами" 50-х годов, критиковавших внешнюю политику президента Рузвельта с крайне реакционных позиций, Рассет повторяет весь набор их "аргументов". Он пишет, что Япония, якобы, стремилась мирно урегулировать нарастающий конфликт с Соединенными Штатами. Приход к власти правительства во главе с генералом Тодеио в октябре 1941 г., по его утверждению, означал не курс на войну с США, а, напротив, желание японских лидеров договориться с американским правительством и обеспечить условия для войны Японии против СССР. Однако США продолжали нажим на японцев, проводя "политику угроз и давления". Например, эмбарго на некоторые виды американского экспорта в Японию, денонсация торгового договора, которые фактически не оказали влияния на японский военный потенциал, но сорвали возможность японо-американского соглашения. Последнее обстоятельство, а также увеличение американского военного флота на Тихом океане, по мнению Рассета, вынудили Японию принять решение о войне (с.52,91).

Рассет считает японскую экспансию в Азии исторически закономерной и сожалеет, что правительство Соединенных Штатов проводило политику умиротворения агрессора недостаточно активно и не смогло осуществить американо-японский договор на антисоветской основе. Автор игнорирует исторические факты и выдает желаемое за возможное. Десятилетиями зрело столкновение между двумя империалистическими державами, чьи интересы столкнулись в Восточной Азии. Японские империалисты пытались вытеснить своих соперников: США, Англию, Францию, действуя, в основном, методами военной агрессии, для оправдания которой они использовали лозунг борьбы с коммунизмом и революцией в Китае. Это до некоторых пор устраивало английских и американских империалистов. Но

когда в 1940 г. японское правительство провозгласило создание "великой восточноазиатской сферы сопроцветания", что означало курс на вытеснение из Восточной Азии других империалистических государств и установление там господства японского капитала, американско-японские противоречия стало невозможным разрешить мирным путём. Правительство США не желало относительно истинных целей Японии, но прилагало усилия, чтобы избежать военного конфликта с Японией, предлагая ей различные уступки. Так, летом 1941 г. правительство Рузвельта предложило японцам план "нейтрализации" Юго-Восточной Азии. По этому плану Япония получала равные с США, Великобританией, Голландией права эксплуатировать богатства этого района. Япония отказалась. Правящие круги США были готовы пойти на значительные уступки в Китае, но притязания Японии были слишком велики.

Рассет преуменьшает японо-американское межимпериалистическое соперничество в Китае и пишет, что "американцы стали жертвой своего сентиментального отношения" к Китаю, потому, что они всегда рассматривали китайцев как народ, "которому США всегда помогали, которому были чем-то обязаны" (с.58). Он пишет, что угроза американским интересам в Китае со стороны Японии была сильно преувеличена, и США не следовало настаивать на выводе японских войск из Китая, что можно было договориться с японцами и не выступать против японской агрессии в Китае, поскольку, с его точки зрения, вряд ли японцы могли покорить такую огромную страну, как Китай. Не лишен интереса тот факт, что Рассет, ссылаясь на вьетнамский опыт США, стремится оправдать японскую агрессию в Китае, тогда пишет, что "прежде, чем поспешно судить Японию, американцы должны помнить свои трудности в прекращении бесконечной войны 30 лет спустя" (с.48).

Анализируя итоги участия США во второй мировой войне, Рассет приходит к выводу, о том, что эта "ненужная" война оказала отрицательное влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю политику США. Война, по его мнению, породила у американских государственных деятелей "привычку к вмешательству" в международные конфликты, что, в свою очередь, знавало рост милитаризма, ухудшение материального положения американцев, ограничение буржуазной демократии и, в конечном итоге, сделало неизбежным возникновение

"холодной войны".

Осуждая американскую послевоенную политику в Восточной Азии, Рассет причины агрессивности ищет не в природе американского империализма, а в "губительном влиянии второй мировой войны", ибо она "породила иллюзию о том, что азиаты могут быть всегда легко разбиты в войне, даже если главные американские усилия сосредоточены в Европе, а это, в свою очередь, привело к стратегии постоянного повышения давления на слабого противника, которая была так разрушительно применена в Японии, а затем во Вьетнаме" (с.72). Рассет отрицает значение экономических интересов американских монополий, он всячески подчеркивает мысль о том, что причиной провала и просчетов послевоенной азиатской политики США явился "разлагающий эффект мировой войны на мировоззрение американцев".

Справедливо критикуя эскалацию войны против Вьетнама, возмущаясь поведением американских солдат, "ужасными бомбардировками с воздуха", автор в то же время выступает проповедником замаскированных методов "неоколониализма", считает, что США следовало укреплять свое влияние в Индокитае и бороться с коммунизмом "во всем в другом тоне. Вместо того, чтобы делать упор на коммунизм и идеологических различиях, надо было делать упор на культурных, религиозных, этнических различиях между двумя районами" Вьетнама, в результате чего "они никогда не сформировались бы в единую нацию" (с.89).

Рассет более или менее тревожно оценивает международную обстановку, возможности Соединенных Штатов, не случайно эпиграфами к работе выбраны высказывания сенатора Томаса в 1940 г., что США не могут "следить за порядком в Европе, Азии и Западном полушарии", и сенатора Тафта в 1951 г. о том, что если США решат войну против Советского Союза, то сами окажутся под угрозой". Обозбочен автор и ростом милитаризма, его разрушительными воздействиями на американское общество, поэтому он ратует за проведение "реальной политики" - такой политики, которая, требуя меньших издержек, давала бы большой эффект для укрепления позиции США на мировой арене. Но, те меры, которые предлагает Рассет, не могут привести к желаемому результату.

Основной вывод Рассета состоит в том, что главная причина

которая вовлекла США в "ненужные для них войны" со всеми вытекающими последствиями, в том числе и провалом послевоенного внешнеполитического курса, состоит в неправильном анализе расстановки сил на мировой арене, внутренних возможностей страны и отсутствия "хорошо разработанной теории" (с.106).

Рост милитаризма, усиление роли капиталистического государства, ограничение буржуазных свобод вызывают тревогу автора. Средство избежания от этого он видит в реформах типа "Нового курса".

Рассет считает, что для проведения успешной внешней политики необходимо тщательно разработать теорию международных отношений, основанную на концепции "баланса сил", хотя, именно применение этой концепции сыграло немалую роль в возникновении кровопролитных войн. Он не признает того факта, что смысл концепции "равновесия сил" состоит в стремлении империалистических держав контролировать международную жизнь в своих интересах, манипулируя военной силой, что ведёт, в свою очередь, к усилению международной напряжённости, к гонке вооружений. Только твердое соблюдение принципов мирного сосуществования и дальнейшая разрядка международной напряжённости могут укрепить дело мира и избавить человечество от угрозы новых войн.

Те предложения, с помощью которых Рассет надеется улучшить внешнеполитический курс США и "спасти американскую буржуазную демократию", не могут решить эти проблемы.

Л.С.Решетникова

С о д е р ж а н и е

Г Р А Й Ф Ю.М.	Дебаты в западногерманском бундестаге по вопросу о ратификации договоров с СССР и ЦНР /1972 г./.....	3
З Е З Д Л И Н А Л.И.	Политика правительства США по вопросу о Триесте в связи с подготовкой мирного договора с Италией /1945-1946 гг./	22
Б У Р О В А Т.Т.	Обсуждение американским конгрессом Закона о нейтралитете 1937 г.	41
Р Е Ш Е Т Н И К О В А Л.С.	Обсуждение вопроса о применении закона о нейтралитете против Японии и Китая в конгрессе США во второй половине 1937 г.	49
Х И Г А Л О В Б.С.	Англо-японское соглашение 1917 г.	59
М У Х И Н А Г.А.	Франко-японское соглашение 1907 года: Приципы, сущность и оппозиция	71
К О Р О Б Е Н К О В.Я.	Политика США по отношению к Франции в 1945-1946 гг.	86
З Е Л Ъ В В.В.	Вопрос о возможности англо-русского сближения и позиция германской дипломатии /март-июнь 1903 г./	99
С Я И Н И Н В.А.	Подготовка и заключение англо-американского экономического соглашения 1945 года. ...	110
С О К О Л О В Н.Н.	Внутриполитическая борьба в правящих кругах США по вопросам дальневосточной политики в связи с агрессией Японии против Китая /июль-декабрь 1937 г./	123
Г А Л А К Т И О Н О В Ю.В.	Идеология германского фашизма в освещении довоенной советской историографии	140
В О Р О Б Ъ Е В А.Я.	Политическая программа Г.Фоя Зелова в канун и годы первой мировой войны	157
Б А Е В В.Г.	Протоколы рейхстага как источник о политике Германии по отношению к Советской России в 1920-1922 годах.	173

НЕЧУХРИН А.Н.	Н.И.Кареев о классификации социальных наук.....	181
ГУРЬЕВ В.С.	Яков Буркхардт о предмете истории.....	195
ГУЛЬБИН Г.К.	Об исторической концепции Бокля.....	204
КИРСАНОВА Е.С.	Критика В.И.Герье позитивизма.....	220
	Критика и библиография	
РЕШЕТНИКОВА Л.С.	Переоценка внешней политики США накануне второй мировой войны с позиции современного "неоизоляционизма" и "неоревизионизма" /Рецензия/.....	233

Вопросы всеобщей истории и историографии

Редактор Л. П. Цыганкова

КЗ 00327 Подписано к печати 6/12-78
Формат 60х4/16; бум. типографская № 3
П. л. 15; уч.-изд. л. 12, 6; усл. п. л. 14, 7.
Заказ 641 Тираж 500 Цена 1 руб. 13 коп.

ИБ 431

Издательство ТГУ. Томск, 29, ул. Никитина, 17.
Вогатпринт ТГУ. Томск, 29, ул. Никитина, 17.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
<http://vital.lib.tsu.ru>

1-337298

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00917101